ПИОНЕР

1 1987

ISSN 0130—8009

Дорогие ребята!

Вы живете в счастливое время. Вы не знаете, что такое война, голод и безработица, вы не знаете, что значит быть бездомным. В моем детстве все было по-другому. Мне довелось видеть и безработных, и бездомных, и голодающих, самому голодать и искать работу. И все же я не завидую вам. Мне довелось быть сначала участником Октябрьской революции, положившей начало новой эры в истории человечества, а затем многие годы ее историком. И мне очень хочется, чтобы и вы заглянули в эту эпоху, в героические месяцы рождения нашего Советского государства.

Вы многое знаете об Октябрьской революции. С раннего детства вы слышите рассказы о борцах за ее победу, видите памятники ее вождям и героям. Об основных событиях революции вы можете прочитать и на страницах школьных учебников. Но сейчас вам предлагают не рассказы из истории...

В течение года перед вами пройдет календарь событий уже далекого от нас 1917 года. Месяц за месяцем перед вами будут проходить бурные дни революции. Вы сможете увидеть хранящиеся в архивах фотографии и кинокадры, прочитать отрывки из статей, которые печатали тогдашние газеты, и резолюции, которые принимали на митингах рабочие, солдаты и крестьяне. Вы прочтете воспоминания, оставленные ее творцами, и горькие признания своего поражения ее врагов.

Читайте, смотрите, думайте! И помните, что история Октябрьской революции не исчерпана, изучение ее продолжается. И тем, кто захочет в будущем заняться ее исследованием, всегда найдется трудная, но интересная работа... Учитесь у революции!

Желаю вам успехов, мои молодые друзья!

И. И. МИНЦ,
член КПСС с апреля 1917 года, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, академик.

ПРОЛОГ

Я всегда останавливаюсь возле этой скульптуры. Какое удивительное лицо! Сдвинуты брови, на скулах крутые желваки, сжатый волевой рот... И сама фигура — полусогнутая, мускулистая — словно тугая пружина... «Булыжник — оружие пролетариата». Один из первых памятников Рабочему. Рабочему с большой буквы.

Его создатель — Иван Дмитриевич Шадр. Не из окон художественных салонов наблюдал он жизнь рабочих. Он кровь от крови, плоть от плоти российского пролетариата. И прадед, и дед, и отец Ивана Дмитриевича были плотниками. Да и сам он успел с лихвой отведать нелегкой рабочей доли. Быть может, именно поэтому столь убедителен созданный им образ...

Мне не раз доводилось беседовать с теми, кто «делал революцию». Конечно, нельзя говорить о портретном сходстве скульптуры Шадра с кем-то из них. Он создал их коллективный портрет, сумел выразить то главное, что отличало их,— внутреннюю силу, целеустремленность, самоотверженность...

Никогда не забыть встречи с Василием Петровичем Виноградовым, питерским рабочим, членом партии с 1915 года. В свои восемьдесят лет он был подтянут, энергичен, с удивительно живыми глазами... А ведь у него за плечами — все без исключения ступени нелегкой школы классовой борьбы.

В Питер Василий приехал пятнадцатилетним парнем, когда первая русская революция уже шла на убыль. Поступил на завод «Феникс». Там он и начал постигать «азбуку революции»...

Время катилось в год тысяча девятьсот семнадцатый. Третий год от Балтики до Черного моря, не утихая, бухала война. Она требовала пушек, патронов, винтовок, сапог и шинелей... Промышленность не справлялась. Не хватало топлива, электроэнергии, сырья, рабочих рук. Закрывались заводы и фабрики. В скрежете колес на ржавых рельсах буксовали поезда. Выращенный в 1916 году богатейший урожай, собранный стариками, женщинами и детьми до зернышка, плесневел на складах. В Питере же запасов хлеба оставалось на десять дней. Мяса вообще не было. А в Казахстане и Калмыкии пропадали целые горы заготовленного мяса. Война кружила над голодными городами и нищими деревнями. Горе и беда не покидали рабочие каморки и крестьянские избы.

Большевики внимательно следили за развитием событий. Момент казался подходящим для массовых политических выступлений. В городах стали распространяться большевистские листовки, призывающие отметить двенадцатую годовщину расстрела рабочей демонстрации 1905 года.

9 января после сильных морозов наступила оттепель. Фабричные гудки оглушили притихшие городские окраины. Рабочие вышли на улицы. Звучали песни: «Вы жертвою пали...», «Отречемся от старого мира», «Марсельеза»... Ветер трепал красные знамена и лозунги: «Долой войну!», «Долой царскую монархию!», «Да здравствует РСДРП!». Бастовали Петроград, Москва, Баку, Нижний Новгород, Воронеж, Харьков, Ростов-на-Дону, Донбасс... 270 тысяч рабочих!

Царизму не удалось сорвать выступления пролетариата. Не помогли заявления о том, что будут приняты меры по улучшению снабжения продовольствием армии и городов. Не остановили полицейские нагайки. Не запугали массовые аресты.

...Оказался за решеткой и Василий Виноградов. Пытался бежать, но за попытку к бегству был приговорен к одиночке. Железные, наглухо вделанные в холодный цементный пол койка, стол, стул. Камера-склеп. Два шага вперед, два шага назад или в сторону. От стены до стены. Час в одиночке казался узнику сутками, сутки — месяцем, месяц — годом. Сколько его будут держать здесь, Виноградов не знал. Никакого сообщения с товарищами по тюрьме. Но вот однажды он услышал: «Тук... тук. Тук-тук». Прижал ухо к стене: «тюремная азбука»! Ее он знал. Перестуком назвал свое имя. «А вы кто?» В ответ услышал: «Большевик. Михаил Калинин»...

Владимир ЛУЦКИЙ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ВМЕСТЕ — ЦЕЛАЯ СТРАНА

С. ИВАНОВ

ГЛАВНЫЙ РАБОЧИЙ

В Ленинграде мне предстояла встреча с интересным человеком. Борис Петрович Лазарев работает на объединении «Электросила». Это предприятие — одно из крупнейших в городе, одно из самых передовых во всей стране. Здесь делают генераторы для электростанций... Понятная вещь?.. Кто не знает, объясню в двух словах: генератор — основной агрегат всякой электростанции. Без него нельзя получить ток.

«Электросила» — предприятие передовое во всех отношениях. Дружбы с ним ищут 85 стран! И недаром. В конкурентном споре ленинградское объединение не раз побеждало ведущие фирмы Запада — его продукция лучше!

Однако кто же такой Лазарев? Директор? Главный конструктор? Главный инженер? Нет, я шел в гости к главному... рабочему!

А разве такие бывают? Как сказать... Борис Петрович бригадир, имеет два ордена Трудовой Славы. Но мало ли на огромном объединении орденоносцев и бригадиров?.. А все-таки Лазарев — особенный человек. Именно ему доверили представлять на XXVII съезде КПСС партийную организацию коллектива «Электросилы»!

Ленинград. Есть неуловимая какая-то окраска в том, как здесь с тобою разговаривают, как умеют приветливо улыбнуться и выслушать. Да, неуловимая окраска. Как и в самом слове ленинградец.

Лазарев. *Здесь родился, здесь и в школу пошел... Сперва мечтал стать моряком. Позже, и уже вполне серьезно, решил выбрать медицину. У меня мама работала препаратором, и я часто бывал у нее в лаборатории.*

Что еще добавить к портрету прошлых лет? Хороший спортсмен — и боксер, и планерист, и один из лучших в городе специалистов по спортивной ходьбе.

Лазарев. *Нас двое было в семье — младший брат и я. Жилось в общем-то не очень легко. Зарплата у обоих родителей была невелика... И пошел я в техническое училище. А потом вслед за мною и братишка.*

Лазарев-старший был фронтовиком, имел тяжелые ранения. И, наверное, после войны не так легко давалась ему работа у сверлильного станка. Да и маме пришлось пережить немало — блокаду.

Уверен, отсюда и возникло решение — зарабатывать, помогать родителям... Хорошо это — уметь о родителях думать больше, чем о себе!

Лазарев. *Я люблю город, люблю бродить, люблю остановиться перед интересным домом, а уж таких у нас в Ленинграде!.. И вот однажды на стене интересного дома вижу объявление: набор в техническое училище, профессия — токарь-карусельщик. Кого из ребят ни спрошу, никто не знает, что за карусельщик такой. Наконец папа объяснил: есть такие карусельные станки, на заводе самые большие, на них и работают карусельщики. Короче, я записался на эту группу. И не жалею... Главное и прежде всего — хорошие наставники попались. Везло! Сидоров Юрий Клементьевич... Тогда, в начале шестидесятых, не был он еще знатным мастером, Героем Социалистического Труда. Но человеком, жизнь понимающим, был! Требовал строго. Не давал нам, молодежи, спуску!*

Техническое училище, где Лазарев приобретал специальность, было лишь прообразом современного СПТУ: трудовые навыки человек получал, а среднее образование — нет. И видно,

Борис Петрович Лазарев ведет экскурсию по заводу. Именно с этого начинается для многих ребят знакомство с «Электросилой». А потом, как видите, на смену бригадиру приходят рабочие его бригады: рассказывают и показывают школьникам свои «умные» станки.

немаленькой была тяга этого человека к знаниям, если он, продолжая работать, окончил школу, теперь кончает институт... Наставники с него требовали. Но и он умел потребовать с себя. Чем это объяснить? Может, чувством собственного достоинства? У одних оно выражается в ношении джинсов лишь данного фасона и фирмы, у других вот в такой требовательности к себе...

На «Электросиле» Лазарев уже 25 лет. Никогда и никуда не переходил. Здесь же работает и его жена: сперва была слесарем, теперь — старший инженер. На «Электросиле» работала и теща Лазарева — 33 года. И его тесть — 43 года! Здесь уже четырнадцатый год работает его брат. Сын, перед тем как уйти в армию, тоже проработал на «семейном» предприятии два года... В сумме это все составляет 141 год честного рабочего труда!

Про съезд рассказывает он охотно.

Лазарев. *Самое главное, что я там понял и что хотелось бы сказать всем: решения XXVII съезда партии — естественная потребность страны — родились в ее недрах, в самой рабочей сердцевине. Верно, что этот съезд называют съездом решительных действий, съездом Правды.*

Лазарев, такие, как Лазарев, не просто ждали XXVII съезда, но своей работой да и всей жизнью практически помогали партии и ЦК приблизить, осуществить его.

Я иду между многоэтажными корпусами длинной дорогой от проходной до турбогенераторного цеха, где работает Борис Петрович и его бригада.

Вот новые станки с ЧПУ — числовым программным управлением. Они значительно облегчают работу человека. Как облегчают? Да самым простым способом — физически.

А рядом радиально-сверлильные станки (именно на таком работал отец Бориса Петровича). На современном производстве их еще немало... Из основного корпуса этого станка выдается некий — не знаю, как правильно его назвать,— «отросток», может быть? Лазарев именовал эту штуку «хоботом». На «хоботе» как раз и помещается сверлильное устройство. Для

того, чтобы направить сверло в керн, место для сверления, рабочий должен вытянуть вверх руки и, прикладывая заметное усилие, двигать этот не очень легкий «хобот»... Восемь часов с вытянутыми руками, в постоянном напряжении. Не потому ли Лазарев пошел на завод, что слишком хорошо знал работу своего отца?..

Станки с ЧПУ взяли на себя интенсивность человеческого труда. Такой станок, если необходимо высверлить отверстие, сам выводит сверло в необходимую точку, и операция проводится с точностью до микрона... А зачем же человек такому умному станку? Ответ, наверное, ясен: потому станок и умен, что около него стоит рабочий-оператор. Ведь машине нужно «рассказать», что и как делать. То есть, говоря более строго, станку надо задать программу.

Часто «рассказы» эти довольно сложны. Станок умеет не только сверлить, он и отфрезерует заготовку, произведет токарную работу — шесть и более операций «за раз». Современному рабочему приходится порой «рассказывать» станку целую «компьютерную повесть» — вырабатывать стратегию технологического процесса.

И мне стало интересно, а какие же люди работают на этих станках?

Лазарев. *Когда у нас в цеху появился первый ЧПУ, я уже успел освоить все станочные профессии. Токарь, фрезеровщик, карусельщик, долбежник, шлифовщик, сверловщик... Новый станок закрепили за мной. Попробовал, вижу: он может многое! Ну, а ребята поглядывают...*

Скоро в цех должно было прийти еще несколько таких станков. И необходимо, чтоб станки эти работали в три смены: высока их производительность, а значит, и очень дороги их простои.

Лазареву поручили сформировать бригаду... Народ подбирать разрешили из так называемых вспомогательных служб: разнорабочие, слесаря из новичков — кто занят в цеху не очень увлекательным делом типа опиливания заусенцев после того, как деталь пришла со станочной обработки.

Лазарев. *Стал я присматриваться к людям. В каждом деле человек или творчески работает, или механически. Ведь можно и заусенцы отпиливать творчески! С выдумкой!*

— Хочешь со мной работать? — спрашивал Лазарев.

— Кто ж меня на такой станок поставит? — отвечал претендент обычно довольно хмуро и недоверчиво.

— Поставят! Но обещаю сразу: будет трудно. Помогать нам готов не каждый. Многое придется делать самим.

Большинство соглашались, потому что интересно.

Начали поступать станки. Всей бригадой помогали долбить для них фундаменты — каждый такой станок махина многотонная. Устанавливали их, помогали в наладке, а больше, конечно, были пока на подхвате, на вспомогательных опять же работах. Но — учились.

Лазарев. *И не было у нас в бригаде никаких нарушений. Восемь лет прошло, их и теперь нету.*

Сейчас бригада в самой силе. Старшему, бригадиру Лазареву — сорок, работать и работать! А все же он думает о смене. Не себе, быть может, но... толковые, умелые люди на производстве всегда нужны.

У «Электросилы» есть базовое ПТУ. Бригада Лазарева заключила договор с одной из групп. Ребята постоянно бывают в цеху, учатся.

Лазарев. *Надо, чтобы будущие рабочие умели обращаться с вычислительной техникой. Только это ведь дорогостоящее удовольствие. А у нас — пожалуйста: вот они, станки, вот они, дисплеи.*

Держат лазаревцы крепкую связь и со школьниками. Зачем, спрашиваю я Бориса Петровича, пусть сначала в профтехучилище поучатся, а потом уж идут к высоким профессионалам, на доводку.

Лазарев. *Понимаете, работа в цеху, у станка — это интересная работа. Но доступа к ней ребята никакого не имеют! А мы наоборот говорим: приходите, пробуйте. Когда еще в школах появятся ЭВМ... И потом, Макаренко говорил, что профессиональное обучение обязательно должно быть производственным: чтобы не в школьной маленькой мастерской, где они вытачивают какие-нибудь никому не нужные брусочки, а прямо в цеху, на стройке, в гараже, где настоящий план, настоящее дело и коллектив настоящий. Здесь, если даже лишь стружку после смены замел, — уже польза. Настоящая!*

И вот ученики четвертых-пятых классов ходят к Лазареву. Да не просто, а соревнуются, спорят, кому сегодня побывать в бригаде. Само собой, Лазареву и его товарищам за это план не снижают и зарплату не увеличивают. Это их чистый энтузиазм.

Лазарев. *Современный завод — это свой сложный мир. Сразу в нем не разобраться. Известно, что лишь через четыре-пять лет молодой рабочий понимает, к какой специальности у него лежит душа. А те ребята, из четвертого класса, все сами пощупают: это шлифовальная работа, а это совсем иная — строгальная. И когда подходит восьмой класс, они уже действуют, как сознательные граждане... И если уж они решили пойти в рабочие — это будут кадровые рабочие, наш золотой фонд! Таким перейти к станку с ЧПУ — один шаг. А то, что вся «Электросила», все лучшие предприятия страны получат новое и новейшее оборудование, — факт!*

Так разговор наш сам собою коснулся столь важного для страны понятия, которое мы называем словом УСКОРЕНИЕ.

Я прошу делегата съезда немного поразмышлять об этом вслух. Почему именно сейчас мы заговорили об ускорении? Ведь оно было и прежде: скажем, стахановское движение, социалистическое соревнование, встречный план?..

Лазарев. *Верно. И это все останется обязательно. Но дело в том, что в основе там лежал энтузиазм, просто энтузиазм. Нынешнее ускорение имеет другую природу. Прежде всего это техническое перевооружение. Причем не одного какого-то участка, а всего предприятия,*

отрасли, народного хозяйства.

Да, Лазарев прав: именно перевооружение всего народного хозяйства. Иначе серьезных успехов нам не видать. Вот пример. Бригада Лазарева выпускает одну из важнейших деталей турбогенератора, так называемые «полюсные щеки»... Это как бы такие щетки, которые закрывают, предохраняют внутренность генератора. Дело очень трудоемкое. И раньше детали («щеки» эти) прямо из-под резца, из-под фрезы, горячими еще везли в другие цеха. Чтоб не прерывался технологический процесс. Но появились станки с ЧПУ, да еще лазаревцы внесли несколько рационализаторских предложений. И вот образовался некий задел, запас «щек»... А на сборке деталей все равно не хватает!

Оказывается, у бригады нет специальной карусельной обработки, и недоработанные «щеки» пролеживают в следующем цеху, дожидаясь своей очереди, так как ускорения должного там еще нет.

Тогда Лазарев и его товарищи делают новое предложение. Придумывают, как усовершенствовать свои почти совершенные станки. Теперь «щеки» будут получать карусельную обработку здесь, в их бригаде. Вышло то, что в технике и на производстве называют предметно-замкнутый участок: от нуля, от заготовки, до полной продукции все в одних руках. Выгода? Еще какая! Тот комплект «щек» делали **шесть** человек в течение **месяца,** а теперь **двое** делают тот же комплект за **пятнадцать дней.**

Но все равно готовые «щеки» будут пролеживать в ожидании своих генераторов, потому что по производительности труда объединение пока не вышло на уровень бригады Лазарева. Понимаете, здесь все взаимосвязано — как... ну как в часах, что ли: сто колесиков крутятся идеально, но одно барахлит, и часы отстают в день на полдня!

Лазарев. *Однако ускорение — это не только решение технических проблем. Сейчас на «Электросиле» происходит переаттестация бригадиров. Социологи высказывают свое мнение на основании всевозможных тестов, а бригада высказывает свое. Высказывает, основываясь на... да просто на том, что видит и чувствует каждую смену. Есть люди, которые просто не хотят или не умеют быть ответственными за общий результат работы. А рядом человек горит, мечтает о такой работе. И ему будет лучше, и всей бригаде... Вот такой замысел у нашей переаттестации.*

Тут я хотел бы два слова пионерам сказать. Вспомнились мне ваши сборы, где вы выбираете своих командиров. Ведь за абы кого голосуете — только б скорее домой. И потом тоска во взоре: «Чего-то у нас в классе неинтересно...» Помните же: ускорение касается не только взрослой жизни!.. И еще. Ускорение — это не то что: в 86-м году было, а в 87-м уже не понадобится. Ускорение — отныне и навсегда — норма нашей социалистической жизни. Готовьтесь, собирайтесь с силами, с духом: вам жить в ритме постоянного ускорения.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Маняша

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маняша просыпается, когда пол исчертили золотые дорожки, теплые солнечные пятна расплескались по стене. В доме тихо. Не хлопнет дверь. Не скрипнет половица.

Маняша любит утро. Горячее солнышко светит вовсю. Можно и в зайчики поиграть.

Дождик Маняша тоже любит: стекла окошек заливают поспешные струи, слышно, как шлепает — хлюп-хлюп — по крыше вода.

Недолго понежившись в постели, Маняша зевает:

— Мамочка, ау!

— Ау! — И входит мама. Нежное лицо, алые губы манят целовать, и прехорошенький тонкий носик, не то что широкий Маняшин.

В маминой маленькой комнате у кровати на комоде свеча в высоком бронзовом подсвечнике, две-три книги, плетенная из соломки рукодельная корзиночка для ножниц, пуговиц и разных необходимых мелочей и небольшое овальное зеркало. Маняша внимательно разглядывает себя в мамино зеркало.

— Мамочка, я дурна?

— Нисколько,— отвечает мама.— А если бы и да, суть не в том. Суть в том, добра ли, умна ли.

— Ладно, постараюсь. А все-таки хочется быть покрасивее. Хорошо быть красивой. Все любуются.

— А умных уважают и любят. Но ты и не дурнушка. Ты миленькая.

Мама всегда успокоит.

В доме тихо. Папа кочует по сельским школам, помогает учителям лучше учить ребят; старшие дети — Саша — студент, Аня — курсистка в Петербурге, Володя, Оля, Митя на уроках в гимназии. Маняша не доросла до гимназии, утром она одна с мамой. Дел много. Сначала занятия. Мама учит Маняшу писать. Читать она сама научилась, никто не заметил, когда и как. Теперь учится красивым почерком выводить буквы и целые слова. Затем разговор с мамой, сегодня по-французски, завтра по-немецки. Мама рассказывает о своем детстве. Ей тоже когда-то было шесть лет. Однажды она растила двух сироток-воробышков.

— Наверно, сестренка и братишка,— вставляет Маняша.

— Выкормила крошек. Звали их Чики-Чик. Представь, Маняша, откликались! Позовешь: «Чики-Чик»,— они тут как тут, два серененьких комочка.

Днем за днем, слушая мамины рассказы, Маняша постепенно научается немного понимать французскую и немецкую речь. Кроме того, мама учит Маняшу вязать. Маняша связала пестрый, как цветочная клумба, шерстяной шарф, такой уютный, что даже хочется, скорее бы наступила зима.

Затем они спускаются в сад. Садик в общем-то невелик, но чудес в нем — нет краю. Каждое утро Маняшу встречает на дорожке трясогузка. Изящная, серебристо-белая в пестрых крапинках птичка-невеличка, крылышки прижаты к бочкам, а длинный хвостик покачивается вверх-вниз. Прыг-скок, прыг-скок, вперед-назад по дорожке бежит трясогузка.

— Мамочка, она радуется, она нас любит, как раньше тебя Чики-Чик. Должно быть, ее гнездышко близко.

Мама пропалывает и поливает цветы, на ней белый передник, с оборочками, кармашками.

— Вот бы мне такой фартучек! Мамочка, научи меня шить. Я сошью себе и всем — Оле, Володе, Мите.

— Мальчики не носят фартуки.

— А как же дворники?

Мама смеется. А Маняша отправляется путешествовать в джунгли. Тенистая, узенькая, темноватая аллея акаций скрывает в зарослях, может быть, тигра. Маняша вооружена. В руках у нее палка, в то же время это ружье. Маняша крадется, приглядывается, выжидает. Трясогузка беспечно прыгает по солнечной, песчаной дорожке, а Маняша храбро исследует джунгли. Тигра ни разу не удается встретить.

Наступает час, и шум, голоса, смех врываются в дом и сад. Вернулись из гимназии Володя, Митя.

— Дети, мыть руки,— зовет мама, снимая передник.

Скоро все за столом. И папа, если закончил на этот день к обеду дела в школах. За обедом не полагается слишком громко болтать и шалить. Разговоры, шалости, возня, игры после.

Маняшу, самую маленькую, любят, ласкают все. И она любит всех. Володя играет с ней в разные игры, даже в куклы или в палочку-выручалочку. Володя зовет Маняшу Пичужкой.

— А где же у меня крылышки?

И Володя рассказывает сказку о девочке, которая летала без крылышек. Или придумает что-то другое.

Потом гимназисты расходятся готовить уроки на завтрашний день. Маняша опять одна с мамой.

И уже на землю опускается вечер. Огненно пылает закат, провожая солнце на ночлег. В саду в черемухах слышен первый еще робкий соловьиный голос. Соловей пробует силы, чтобы позднее на весь сад раскатиться трелями, щелканьем, свистом.

Мама укладывает Маняшу в постель.

— А музыка, мама?

Вечерами мама играет. Старшие дети, если управились с уроками, заданными на завтра, собираются в гостиной, где половину комнаты занимает черный рояль, одним уже видом своим настраивая на торжественный лад. Щемяще родные, печальные и счастливые звуки прилетают к детской кроватке. Чудятся Маняше сказки. Вот гномики Андерсена, неслышно проникнув сквозь щелку в двери, усаживаются в кружок и качают под музыку головками в цветных колпачках, дружески подмигивая Маняше. Или вот она в березовой роще... Стройные березки танцуют, ветви сплетаются, веет резвый ветерок, шепчутся листья.

Но круглая, желтая до блеска луна важно всходит на ночное дежурство, и ее медный лик глядит с неба на Маняшино окошко с укором: ай, девочка, спать пора, пора спать, баю-бай. Маняша засыпает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каждый день — радости. Каждый день — новости. Радость: почтальон принес журнал «Светлячок», папа выписал его специально для Маняши. Она нарочно читает и разглядывает картинки в журнале на глазах папы. Папа непременно пошутит:

— Умники-разумники читают, пальчиком по строчкам не спеша ведя.

— Вовсе и без пальчика,— притворно надует губы Маняша.

Новость: вчера Володя с Олей расчистили в саду снег, залили водой, ночью подморозило: то-то будет веселья скользить на коньках по ледяному катку!

А солнце стало дольше гулять в чистом небе, будто недалеко и весна. Но старая няня Варвара Григорьевна, зябко кутаясь в пуховый платок, не

верит обманчивому зимнему солнцу: «Солнышко на лето, зима на мороз».

Пусть мороз, пусть не спешит весна, славно живется Маняше...

Гром грянул вдруг, на семью обрушились беды.

Вечером в рождественские каникулы 1886 года все занимались своими делами. Маняша писала упражнение на грамматические правила. Скоро и гимназия. Маняша очень старалась хорошо написать упражнение. Закончила. Понесла показать работу Володе. Он на миг оторвался от книги, бегло глянул на исписанную страничку, хмыкнул: «Эгм-гм», что означало одобрение, и вернулся к книге.

Маняша на цыпочках вошла в кабинет отца, подсунула под локоть ему тетрадь в косую линейку. Папа придвинул тетрадь, опустил на голову Маняши теплую широкую ладонь и прочитал ее упражнение от первой до последней строки.

— Надеюсь, ты будешь учиться не хуже старших.

— Надеюсь,— обещала Маняша.

Потом вечерний чай. Как обычно, все собрались за длинным столом. Мама во главе, у самовара. Уютно в столовой, празднично от цветов, фикусы и олеандры зеленеют, будто и не зима. Папы нет за чаем. Папа занят, пишет отчет о работе учителей сельских школ Симбирской губернии.

Среди чая заглянул в столовую. Не присел, как-то странно молча постоял в дверях и через мгновение удалился. Дети подумали: папе некогда, папа занят. А мама что-то угадала. Вскочила, быстрыми шажками последовала за отцом.

— Дети! — послышался из кабинета отца ее отчаянный крик. Папа лежал на диване, с чужим незрячим взглядом стекленеющих глаз.

Маняша не знала, что такое смерть. Кто-то умирает, но мама, папа, мы... Разве может папа умереть? Сейчас очнется, кончится непонятное.

Но оно не кончилось. Когда ее подвели к гробу поцеловать мертвую руку отца, она не закричала, не заплакала. Ей стало только еще страшнее — такой ледяной была отцовская рука. Совсем недавно она была теплой, лаская Маняшу за то, что хорошо сделала грамматическое упражнение.

Три дня не закрывались входные двери дома Ульяновых на Московской улице. Люди шли, шли проститься с Ильей Николаевичем, директором народных школ Симбирской губернии. Три дня вдова Мария Александровна стояла без звука у изголовья гроба. Вдова! Маняша впервые услышала это пугающее слово, произнесенное шепотом. Сердечко больно затрепыхалось. Она жалась в углу передней. Мимо вереницей медленно шли поклониться гробу знакомые и незнакомые симбирцы и пригородные учителя, школьники.

— Встречаются благородные люди, а другого Ильи Николаевича нет и не будет,— услыхала Маняша.

Молодой человек, с взлохмаченной головой, в потертом пальтишке, в очках, исполнив долг прощания, задержался в передней и говорил, говорил нервно срывающимся голосом:

— Что он создал? «Ульяновское племя учителей» вырастил наш Илья Николаевич. Его время, пока он жил и трудился, было «Ульяновским временем» для школ и учителей. Так и запомним. Братцы учителя-ульяновцы, так и будем, обещаем не клонить головы перед чинушами...

Кто-то тронул юношу за локоть, остерегая:

— Тсс! Об этом в тесном кружке.

— Маняша, ступай в детскую, займись чем-нибудь,— велела сестра Оля. Оля старалась держаться, но веки набухли от слез.

— Пускай слушает, как народ отца почитает,— строго остановила няня Варвара Григорьевна.— Заслуженно Илью Николаевича славят.

А Маняша помнит: одним воскресным утром она привычно направилась исследовать аллею акаций в их саду. На этот раз без ружья, охота предстояла не на тигра. Вчера мама прочитала вслух младшим детям страницу из Брэма. Маняшу увлекла крохотная резвая птичка колибри, нарисованная Брэмом. Могла бы прилететь к ним колибри из далеких южных стран? Они с мамой проследили по карте ее возможный путь, добрались до Средиземного моря, а там рукой подать до нашего Черного. Таким образом, мама интересно преподала Маняше географический урок.

На следующее утро Маняша проснулась уверенная, что колибри уже прилетела в их Симбирский сад и прячется или, напротив, поджидает ее в аллейке акаций. Ветви акаций так плотно сплелись, что не сразу разглядишь в чащобе малютку. Зато Маняша увидела папу и брата Сашу. Они расхаживали по саду по песчаной дорожке. Папа и Саша о чем-то очень всерьез рассуждали. Говорил папа, Саша слушал с таким вниманием, что его высокий бледный лоб пересекла морщина. Приблизясь к аллейке, они остановились — случайно или увлеченные беседой, не заметили, что остановились. Держа одной рукой Сашу за пуговицу рубашки, жестикулируя другой, папа читал:

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.
С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

— Некрасов,— закончил отец.

— Программа жизни,— ответил Саша.

Папа пристально на него посмотрел. Они пошагали дальше.

«Душу вольную отдай»,— врезалось в память Маняши.

Остальное она поймет и почувствует позднее. «Душу вольную...» ...Она не стала искать колибри. Пусть живет вольно. Буду посыпать ей зернышки, а напиться — в саду кадка с водой.

Это было при папе. Папы нет. Все изменилось в доме. Не слышно вечерами пленительных звуков Шопена, героических мотивов Бетховена. Рояль умолк. Тишина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Осенью 1869 года Илья Николаевич Ульянов получил назначение инспектором народных училищ Симбирской губернии и переехал с семьей на жительство в город Симбирск. Тогдашний Симбирск — захолустный городишко. Тротуары из досок, там и тут прогнивших. Мостовые, точнее, проезжие дороги, осенними ненастьями тонут в грязи. Улочки кривы и узки. Неказисты домишки.

Хороша только Волга, широка, привольна. Вся жизнь Ильи Николаевича протекла на Волге: Астрахань, Казань, Нижний Новгород, теперь и до конца дней Симбирск на высоком волжском берегу. «Волга, Волга! Весной многоводной ты не так заливаешь поля, как великою скорбью народной переполнилась наша земля»...

Илья Николаевич отказался от преподавания физики, которую превосходно знал, в гимназиях и институтах. Отказался потому, что чужды были ему гимназические порядки и правила. В гимназии принимались исключительно дворянские дети, учение велось казенно, формально. Крестьянские дети и вообще вся деревня сплошь были неграмотны. Илья Николаевич мечтал нести свет знаний народу, вырывать народ из темноты. Широко просвещенный, он едва ли не наизусть знал педагогические произведения Льва Толстого, восхищался толстовской школой для деревенской ребятни в Ясной Поляне. Сам хотел создавать новые народные школы. В новых школах не будет зубрежки, там научат ребят думать, ценить книгу, просветится их разум. Из этих школ, которые Илья Николаевич хотел создавать, напрочь будет изгнана розга, а ведь в те времена порка считалась первым методом воспитания. За малейшую провинность пороли солдат, арестантов, пороли школьников. О! Как ненавистны Илье Николаевичу рабские порядки!

Первое время он был единственным инспектором народных школ на всю Симбирскую губернию. Сельские учителя с опаской ожидали приезда инспектора в школу. Кто он? Каков он? Что потребует от учителя? Нагонит, как все чиновники, страху, распушит ни за что ни про что, а помочь? Чем поможет и захочет ли помогать? А Илью Николаевича волновал, даже пугал его первый выезд в сельскую школу.

Пала зима, навалило снегу на поля, замостило льдом речушки, сковало Волгу. Укутанный в тулуп поверх форменной шинели, Илья Николаевич трясется в возке по ухабам переметенных поземкой дорог. Версты, версты.

— И-их, барин, маетна твоя служба,— сочувствует ямщик.

Выехали до света, к обеду добрались в нужное село. В два порядка вытянулись вдоль улицы избы под соломенными кровлями.

— Где школа?

— Эвон! — указывает варежкой мальчонка лет пяти-шести, запряженный вместо санок в деревянный конек, воображая себя лихим возницей.

«Мужичок с ноготок»,— улыбается Илья Николаевич.

Где же школа? Вблизи церкви притулилась кособокая избушка, сугробы привалились под самые оконца, замороженные до слепоты. Узенькой тропкой протоптаны к крыльцу следы валенок. Церковная сторожка, она же и школа. Холодно, хотя треть избы занимает печь. К шестку, как водится, прислонился ухват. У порога ведро с водой, за дужку подвешен ковшик — напиться ученикам. Ученики, десять мальчиков, в красном углу, под иконой, за дощатым столом склонили головы над букварями. Молоденький учитель в шубейке, как и ученики, от холода растерянным взглядом встретил инспектора:

— Здравия желаю, господин инспектор! Ребята, ста-ать!

Ребята вскочили:

— Здрасс-те-с!

— Продолжайте. Пожалуйста, продолжайте урок. Вы долго их учите, время уже обеденное,— обратился Илья Николаевич к учителю.

— К обеду только и собрались. Силком в класс загоняешь. Осенью всего десяток из цельного села учиться набрал,— винился учитель.— Ну, чего рты затворили? Читайте.

Ученики вслух затянули вразнобой:

— Мыа-шыа, Маша, мыы-лыа, мыла, рыа-мыу-раму.

— Что получилось? — строго спросил учитель.

Ученики молчали.

— Долбишь, долбишь им, ни на грош не смыслят,— пожаловался учитель.

«Плохи дела, совсем плохи»,— подумал инспектор.

— Позвольте, я потолкую с ними немного.

Илья Николаевич снял шинель, тулуп оставил в возке, присел к ребятам на кончик скамьи.

— Стало быть, «Маша мыла раму». Какая она, сколько ей лет?

— Почем мы знаем,— буркнул кто-то.

— Лет десять, я думаю,— как бы советуясь, промолвил Илья Николаевич и начал рассказ:— Хороша Маша, уроки выучила и давай помогать матери избу к весне прибирать. А жаворонки заливаются в небе. Мычит корова в хлеву.

— Почуяла, выгон скоро,— просиял один ученик.

— Заскучала по травке,— подхватил другой.

«А ведь они живые, разбудить только надо»,— подумал Илья Николаевич.

До поздней ночи проговорил он после уроков с учителем.

— Охота душевно работать, а как? — открывался учитель.— Никто не подскажет. От попа подмоги не жди, сам за всю зиму одну молитву в башки ребятам вдолбит, и спасибо. Худо учительское житьишко, получай восемь целковых в месяц, и те не в срок, на новые сапоги в полгода не скопишь.

Учитель жаловался, но Илья Николаевич видел, как нужна и дорога ему встреча с господином инспектором. «Господином» Илья Николаевич запретил себя называть.

— Не зубрить их заставляйте, важно, чтобы голова работала. Талдычат: два-жды два. А что означает, не смыслят. Вы возьмите палочки, ребятишки вам ворох настрогают, только вели, на

палочках и покажете и вычитание, и умножение. Враз усвоят.

Так втолковывал Илья Николаевич учителю наглядные приемы обучения.

Ночевали в сторожке: инспектор на скамье, учитель на печке. Ребята притащили поленьев, затопили печь. На скамью постелили дерюгу, в изголовье взбили подушку, наволочка ситцевая в розовых цветочках. Ребята изо всех сил старались угодить Илье Николаевичу, звали к себе ночевать, у кого побогаче изба, но он остался в сторожке, благо, печь протопили, потеплело.

А утром учитель пошел сзывать крестьян на сход, Илья Николаевич сам повел уроки. Ребята не слыхивали таких уроков. «Занятно, однако, учиться. Каждый бы день нас так учили!»

На сход собрались мужики, бабы не посмели. Бородатые, темнолицые от несошедшего летнего загара, неулыбчивые, больше пожилые, видно, и не отцы, а деды. Сидели, опираясь на толстые сучковатые палки. Речь держал староста, что, мол, учение крестьянским ребятам ни к чему, от хозяйства отрывает, а толку? Землю пахать испокон веку без книжек умеем. Мы не баре, науки не про нас, мы податное сословие, знай подать плати...

— Я тоже из податного сословия,— сказал Илья Николаевич.— Крестьяне и мещане обложены податью, мой отец мещанин, детство мое небарское было. В детстве и юности и холодать, и голодать приходилось, а своего добился, выучился.

Мужики слушали.

И про Ломоносова рассказал Илья Николаевич. Слушали мужики урок инспектора, как утром ребята.

Лед тронулся. Мужицкое недоверие к учению поколебалось. Будто лучик света скользнул в темноту.

Илья Николаевич кое-чего добился. Обязались мужики завезти на всю зиму дров в сторожку, обещали помочь учителю провести дополнительный набор учеников.

«А там и о специальном школьном помещении задумаемся, чтобы парты были, классная доска, географическая карта»,— мечталось Илье Николаевичу. Уезжая, он оставлял какую-то, пусть невеликую на первый раз, поддержку своим планам. И особенно радостно, что оставлял как бы вновь родившегося учителя, воодушевленного встречей с инспектором.

После схода инспектор отправился в соседнюю за тридцать верст школу. Там нашел то же, что в первой. Возвращаясь домой, завернул в третью, и лишь в конце месяца дождались Илью Николаевича дома. Усталый вернулся, промерзший, но довольный, обнадеженный проведенной работой.

Небольших, а добился успехов. И будет добиваться дальше.

Так из месяца в месяц, из года в год.

Морозы, метели, ненастья — ничто не могло удержать Илью Николаевича от разъездов по школам. Были в губернии и неплохие школы, и учителя встречались, преданные делу, пытливо жаждущие новых знаний,— все благодарно внимали советам инспектора, его педагогическому опыту. А сколько новых школ добился он открыть не только для русских, для чувашских, татарских детей. Весь город, вся губерния знали инспектора, а потом уже и директора народных училищ, Илью Николаевича Ульянова. Он делал то, что до него никем не делалось.

Не бывало до Ильи Николаевича учительских курсов в Симбирской губернии. Инспектор Ульянов организовал такие курсы — детище Ильи Николаевича, его надежда и гордость. Едва выпадет свободный от объездов и обследований школ по губернии час, Илья Николаевич бежит на свои педагогические курсы. Он желает видеть в учителях, своих питомцах, не ремесленников, а художников-творцов. Такая была у него большая задача. Так исполнял большое дело свое.

Маняша помнит любимые папой стихи Некрасова: «Когда придешь ты, времечко, приди, приди, желанное, когда народ не Блюхера и не Милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет»...

Пришло то «желанное времечко». Школы, библиотеки, институты, музеи, театры в Советской стране — все для народа. Начальные шаги к этому делали передовые люди прошлых лет. Среди них выдающийся педагог-просветитель Илья Николаевич Ульянов, отец Ленина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Миновало чуть больше года, еще ужаснее свалилась на осиротевшую семью беда. Сашу казнили в Петербурге.

Маняша долго не знала, ей не говорили. Но она чувствовала беду, так гнетуще умолк их дом. Маняша притихла. Ступала бесшумно, как мышка. Говорили шепотом. Никто ее не утешал. Ни Оля, ни даже Володя. Только обнимет:— Пичужка...

Мама уезжала в Петербург повидать в последний раз Сашу, проститься. Вернулась. Та и не та. Не горбится, стройна, ни слезинки. Только очень уж худенькая, и белые, совсем белые волосы и грустные, очень грустные глаза.

Маняшу обхватила, прижала: «Наша самая маленькая».

— Я вырасту, мамочка. Я выучила для тебя французское стихотворение и еще много грамматических правил.

Ей было девять лет. Вечерами она долго не умела уснуть. Ей не снились больше березовые сны. Она узнала про казнь Саши.

Потекли одинокие тоскливые дни. «Почему к нам никто не приходит? Все точно разлюбили нас, почему?» Маняша не решалась спросить. Что-то понимала и не понимала. Иван Яковлевич, чуваш, учитель и инспектор чувашских училищ, давний папин друг, приходил. Папа называл его талантливым просветителем и защитником своего маленького народа. Чутко внимательный к людям, душевный, он неторопливо входил в дом. Они подолгу беседовали с мамой наедине. Приходы Ивана Яковлевича оживляли маму, поддерживали.

Маняше Иван Яковлевич сказал: «Твой отец был замечательный педагог и благороднейший человек».

— А Саша?

— Саша талантлив, смел и прекрасен! — пылко воскликнул Иван Яковлевич.

— Почему же?..

— До свидания, детка! — поцеловал он ее в лоб.

Она не решилась договорить вопрос. Позднее задала его Володе.

— Саша был прекрасен, почему они казнили его?

— Он ненавидел царя.

— Почему?

— Видишь ли...— Володя привлек ее, обнял за плечи, посадил рядом на стул.— Видишь ли, пичужка...

Илья Николаевич присел к ребятам на кончик скамейки, подумал: «А ведь они живые, разбудить только надо».

Порылся в бумагах на столе, нашел газетный лист — «Самарская газета».

— Здесь сообщают о пожаре на одном самарском заводе. Прочитай.

«...Во время этого пожара сгорел рабочий — мальчик Сумароков, находившийся в комнате, в которой происходит клеймение пробок... Сумароков мог бы спастись, если бы не был заперт на замок в той комнате, в которой работал. Запирание рабочих на замок практиковалось на заводе... уже два года».

Маняша закрыла ладонями лицо. Узенькие пальчики вздрагивали.

Володя переждал и отвел от лица ее руки.

— Не плачь. Мама не плачет. Поняла, почему Саша ненавидел царя, царских чиновников, жандармов?

— Володя, ты ненавидишь царя, как Саша?

— Да. Но мы по-другому будем бороться с царем.

Маняша помнит Володины слова после Сашиной казни.

— Мы пойдем другим путем,— сказал маме Володя. Строго, сурово сказал.

«Другой путь? Что это?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

В пятидесяти верстах от губернского приволжского города Самары ютится деревенька Алакаевка. Избы крыты соломой, иные к весне остаются голыми — солому скормят корове. Степи вокруг. Земли нехлеборобные, тощие. Налетит ураганный ветер, вздыбит тучу пыли, повянут в полях едва взошедшие колоски. Голод — частый гость Поволжья.

Невдалеке от деревни небольшой хутор, зовется тоже Алакаевкой. Ветхий от прожитых лет, деревянный дом в один этаж окружен старым, запущенным садом. Сад круто обрывается над быстротечным ручьем. Вершины столетних лип в аллее сходятся куполом над головой, пряча небо. В березовой аллее чуть не у каждого дерева гриб, а то и семейство подберезовиков. А в лесу, вблизи хутора, грибов такая тьма-тьмущая, Маняша насилу дотащит полную корзину до дома.

...После Сашиной казни из Симбирска уехали. Жаль ушедшее счастливое детство, жаль родной симбирский дом, но тяжело стало там жить. На полученные за проданный дом деньги купили Алакаевский хутор.

Маняша полюбила Алакаевский хутор, тенистый сад, зеленые озерца веселых лужаек между престарелыми деревьями, гремящий птичьими хорами осенний лес, с зарослями малинника, стадами грибов.

Все полюбили Алакаевку. В саду у каждого свой уголок. Горделиво высится Олин клен, в его широколистой тени она с утра до вечера клонит умненькую головку над книгой. Анюту ищите в березовой аллее. Володя в глубине сада, в уединенном местечке сколотил из досок стол, скамейку и трапецию для разминки посреди занятий. Маняша каждого проведает за день, а Володю и не раз. К нему она заявляется с французской или немецкой книгой.

— Володя, послушай мой перевод.

В один из Маняшиных набегов на его пристанище он протянул ей журнал «Отечественные записки» номер 4 1876 года.

— Слышала о писателе Глебе Успенском?

— Что-то не очень,— замялась Маняша.

— Знакомься.

Они полистали журнал:

— Это для взрослых.

— Тебе тринадцатый год, Маняша. Можешь считать себя почти взрослой... Прочитай. Мальчик Сумароков, сгоревший во время пожара под замком на работе у хозяина, наверное, был не старше тебя. Прочитай в журнале очерк Глеба Успенского «Книжка чеков». Пойми.

Маняшино самолюбие взыграло: «Почти взрослая! Прочитаю. Пойму».

Поняла с первых страниц. Фабрикант Иван Кузьмич, описанный Глебом Успенским, и есть тот самый хозяин, который запирал рабочих на замок, из-за которого мальчик Сумароков погиб. Петя Сумароков, наверное, его звали Петя. У него был облупленный от загара нос и на макушке волосы росли веерочком. Бедный Петя!

Маняша спряталась читать в глушь кустарника, никто не видит ее стиснутые кулаки, жалобную гримаску, скривившую лицо. Она впилась в очерк Глеба Успенского, глотает страницу за страницей, и губитель Иван Кузьмич вызывает в ней ненависть. «Прикоснется он со своими капиталами к дремучему бору... дававшему приют тысячам зверей и птиц, и — глядишь... лес исчез, и уже больше нет этого дремучего богатыря! Разбежался зверь, с шумом, карканьем и плачем разлетелись птицы, и остались одни бревна».

«Мальчик, Петя Сумароков, он убил тебя, убивает всех. Из-за денег»,— думает Маняша.

Он складывает деньги на хранение в банк и получает книжку чеков на пятнадцать, двадцать, сто тысяч рублей. И со своими книжками чеков приезжает в деревню Распоясово. Подкупает чиновников, судей, начальство, и Распоясово вслед за лесом обречено на гибель. «Через три недели ...где прежде были дома, амбары, сараи, от домов остались завалинки, от погребов ямы, от сараев кое-где торчали столбы...»

Десятки лет распоясовские крестьяне пахали землю сохой, засевали рожью, поливали тяжелым, соленым потом, и, пусть вполсыта, кормила их

родимая земля. Теперь земля во владении Ивана Кузьмича. Здесь на месте прежней деревни воздвигнет он доходное предприятие и трактир для спаивания мужиков, и пойдет жизнь распояссовцев под откос, а Ивану Кузьмичу прибавится новая книжка чеков.

А ведь и на Алакаевский лес, Алакаевку может напасть такой Иван Кузьмич. И никто не спасет, не поможет. Никто?!

— Милая пичужка,— отвечает Володя,— ты узнала трудное.

— Ненавижу Ивана Кузьмича, грабителя, ненавижу царя! Правильно, что его убивают.

— Убийством царя ничего не добьешься. Убьешь одного, на его место встанет другой, такой же. И мститель вдобавок. Убьешь капиталиста Ивана Кузьмича, на его место — десять, сто Иванов Кузьмичей.

— Что же делать?

— Совсем изменить жизнь.

— Как?

— Об этом мы думаем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Зимами жили в Самаре. Оля, Митя, Маняша учились в самарских гимназиях. Володя занимался дома. Его исключили из Казанского университета за участие в студенческой забастовке и теперь ни в какое учебное заведение не принимали. Он самостоятельно изучал науки, готовясь сдавать экстерном экзамены за весь университетский курс.

Самара — большой купеческий город. Улицы аккуратно ровны, словно циркулем размерены, каменные дома на сто — двести лет прочны, обнесены наподобие крепости заборами. По двору за заборами бегают, гремя цепями, сторожевые псы, зло рычат, заслышав прохожих. Калитки на запоре. У причалов самарской пристани с весны до поздней осени толпятся баржи, груженные зерном, мукой, кожами, забитым и живым скотом. Отчаливают вверх по Волге торговать. Торговля кипит. А фабрик в Самаре мало, рабочих не больше трех тысяч, когда всего населения — сто.

В Самаре у Володи очень скоро появились друзья и знакомые. Он часто уходил из дома, часто приходили к нему. Вечерами до ночи велись разговоры. Порой Маняше случалось услышать отрывки речей собравшихся в комнате брата товарищей. Маняша улавливает, разговоры ведутся о жизни, философии, учении Маркса. Все товарищи брата стремятся к улучшению жизни города. Но судят по-разному и разно зовутся. Одни народники, другие марксисты. У Володи есть знакомые и среди народников, они тоже бывают в доме. «Народникам и марксистам не по пути»,— понимает Маняша, когда в комнате брата разгоряченные голоса возвышаются в яростном споре. О чем они спорят? Все понимают, как тяжело живется рабочим в городе, крестьянам в деревне. Все за изменение жизни, преобразование общества — и спорят. О чем?

Туманны представления Маняши.

— Подрастешь, придет настоящее знание,— заверяет Володя, когда Маняша его осаждает вопросами. Но кое-что разъяснит и теперь.

— Фабрик в Самаре мало и рабочих мало, то же и в других городах. Потому поднадзорные политические ссыльные и передовая учащаяся молодежь, зовущие себя народниками, не верят в силу рабочего класса. Рабочих малосильная кучка. Сила за крестьянством. Россия — страна крестьянская. Десять, двадцать лет назад, когда движение начиналось, народники ставили задачей поднимать крестьян на революционные восстания против царя и самодержавного строя. Нынешние народники утеряли революционный дух.

Нынешние народники проповедуют добиваться улучшения жизни народа, не свергая царя. Не руша, а постепенно в согласии с царским правительством, чиновниками, жандармами преобразовывая старое общество. Возможно ли это? В союзе с царским правительством создавать новое общество, где фабрикантов не будет, а рабочие будут жить по-человечески?! Выйди на окраины города, погляди, как им сейчас,— говорит Маняше Володя.

Хибары рабочих на окраинах Самары угнетающе хилы. Ни кусточка, ни деревца. Летом частые ветры вздымают, слепя глаза, тучи пыли, осенью на улицах по колено слякоть, грязь, зимами до окон наметает сугробы. Вечером и ночью окраины Самары непроглядно темны, редко-редко загорится тусклый керосиновый фонарь. Малые ребята с осенней студеной слякоти до весенних ручьев сидят босые по домам. Еда — пустые щи да тюря раз в день. Нельзя так жить! Надо бороться.

— Но рабочих мало,— несмело молвит Маняша.

— Рабочие — сплоченная масса. Их будет больше. Капитализм в России растет, с ним растет и его могильщик — рабочий класс, что марксизм научно доказывает. Не-о-про-вержимо доказывает!

Маняше ясно, Володя — марксист. Значит, марксизм — самое верное учение.

— Почему ты водишь дружбу с народниками?

— Пичужка, пойми, стараюсь вовлечь их в свой лагерь. Они честные люди, но их взгляды ошибочны. Надо их переубедить и убедить: марксизм — правда и сила, марксизму нужны бесстрашные, умные борцы, агитаторы. Мы должны вооружить рабочий класс марксизмом. А спорим? Да. В спорах рождается истина.

Маняша начинает внимательно приглядываться к посетителям брата, знает многих в лицо. Володя редко ей сообщает биографию, житейские и иные

обстоятельства того или другого товарища, тогда она сама сочиняет историю каждого. Детство, юность, книги какие читал (любимые Маняшины писатели — Пушкин, Толстой, Некрасов, Чехов и его любимые), раздумья об устройстве общества, и наступает будущее время борьбы. Будущее пока Маняше неясно.

Однажды она заметила из окна во дворе направляющегося к их крыльцу человека. Молодой, легкий, высокий, а опирается на суковатую палку, глаза кроются под темным пенсне. «Маскировка от шпиков», — сообразила Маняша, будучи особо любопытной, мигом очутилась в передней, как бы случайно. Пришедший был уже там. Представился — Алексей Павлович Скляренко. Смущенная его взрослым с ней обхождением, Маняша слегка присела в реверансе.

— Можно видеть Владимира Ильича?

— Да, пожалуйста, сюда... В это время Володя сам вышел из комнаты и довольно строго распорядился: приказал Маняше — иди, иди к себе, — а гостю дружески протянул обе руки.

Алексей Павлович Скляренко стал постоянным посетителем дома. Мама, сдержанная с людьми, мало ей симпатичными, к Скляренко питала добрые чувства, радовалась его дружбе с Володей. Они были ровесниками, обоим по девятнадцати лет, оба уже подверглись немилости начальства за вольные мысли и действия, понесли наказания. Владимир Ульянов исключен из университета, выслан из Казани в деревню, отдан под полицейский надзор. Алексей Скляренко исключен из гимназии, после года тюрьмы выслан в Самару под полицейский надзор. Оба талантливы, смелы. Хорошо они дружат! Непрестанные споры, примирения, и в конце радостное для обоих согласие взглядов и мыслей.

— Мамочка, едва ли я тебя сегодня до ночи увижу, ложись, пожалуйста, спать, не дожидайся меня, — скажет под вечер Володя.

— К Скляренко? — кивнет знающе мама. — Иди, дружок. Будь осторожен.

В ее тихом взоре Маняша читает любовь и тревогу. Не петь под гитару, не веселиться отправляется к товарищу сын. Там, как и у него в иные вечера, собирается передовая, революционно настроенная молодежь Самары. И хотя Володя скупо делится, дома знают, в чем суть и смысл их тайных встреч.

— Мамочка, мы надумали организовать прогулку на лодке, путешествие на три-четыре дня по Волге, Самарке, полюбуемся Жигулями, утесом Степана Разина. Чудесный отдых!

Снова в глазах матери тревога, тревога.

— Будьте осторожны, Володя!

— Анюта, неужели они не могли взять нас с собой? Какие-то у них секреты задуманы, — пытается разузнать Маняша.

— Не суй свой любопытный носик в чужие дела, — отвечает Анюта. И с улыбкой грозит пальцем: — Прева-а-жнейшие!

— Э-э, знаю я их преважнейшие дела! Будут день и ночь обсуждать, как мыслят народники, что думают марксисты. И планы на будущее.

Она не ошибалась.

Четыре дня на лодке по Волге, речонке Самарке, снова по Волге путешественники наслаждались видами раздольных волжских берегов, сиянием майского неба, соловьиными хорами вечером. В пути, на остановках, в прибрежной березовой роще, у ночного костра велись занятия марксистского кружка. Шли беседы, обсуждения, споры.

Руководил Владимир Ильич. С поразительным искусством, талантом, вдохновением, ясностью и простотой открывал революционное учение марксизма друзьям. Убеждал.

В самарские годы Маняшин брат, учась и уча других, стал не знающим себе равных марксистом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Маняша бродит по саду, заглядывая в укромные уголки, палочкой ворошит под деревьями прошлогоднюю опавшую листву и нынешнюю, еще ярко-зеленую траву. Попадаются сыроежки с розовыми шляпками, снизу подбитыми как бы оборчатой белой подкладкой. Сыроежка — съедобный, но не первосортный гриб. Первосортный — боровик. За боровиками Маняша охотится, радуясь толстеньким кругляшам с темно-коричневыми головками. Ножичком срежет кругляш, поцелует головку. Как мил! А красноголовые подосиновики? В саду подосиновики и боровики попадаются, но не так часто. То ли дело в лесу! Здесь и там встретишь многодетную семью боровиков. Лесные полянки красны от подосиновиков.

— И-их! — взвизгивает в радостном азарте Маняша.

— Барышня, — слышится за садовой изгородью тоненький несмелый голосок.

Деревенская девчушка, лет десяти, в длинной залатанной юбке, дырявой кофтенке, подзывает Маняшу. Маняша спешит к калитке.

— Купите ягоду ради Христа. — Девчушка протягивает глиняное блюдо, с верхом полное душистой лесной земляникой.

— Почему ради Христа?

— Мамка наказывала, поклонись, грит, уж больно деньги нужны, соли не на что купить, а про сахар, как он и выглядит, забыли.

«Много ли ей надо, есть ли у мамы деньги?» — На секунду берет Маняшу сомнение.

— Пятак за ягоды-то невелики цены, — просительно молвит девочка.

Маняша ведет ее к маме.

— Спасибочка, вот уж спасибочка, — в пояс кланяется девчушка, принимая монету.

— Как тебя зовут?

— Машкой. По бабке окрестили, в одной семье две Марьи, старая да молодая, — охотно отвечает девочка, крепко сжимая в потной ладони пятак.

— Тезки, — улыбается мама, кивая на Маняшу.

Алакаевская девочка вздыхает:

— Ишь ты! Марья-то, Марья, да жизня иная.

— Мамочка, я ей куклу отдам? — мгновенно решает Маняша.

— Кукла неплохо, но, думаю, еще кое-что ей нужно, — говорит мама, окидывая взглядом юбчонку в заплатах и старенькую, с порванными локтями кофточку на девочке. Девочка смущена.

— Кукла-то у вас небось городская, с кудрями, глазастая, дико ей будет в нашей избе. А у меня своя есть, тряпичная, зато родная.

«Гордая, — думает Маняша, — вся в заплатах, а гордая».

Ей нравится, что девчонка гордая, и самостоятельность ее нравится Маняше. Она приводит девочку в комнату, где стоят две кровати, ее и сестры Оли. Вынимает из шкафа одно свое летнее платьице, другое бумазейное на зимние холода. И себе остается три.

— Богачка-то, богачка! — ахает, охает алакаевская Маша. Щеки у нее распылались, дыхание

Все полюбили Алакаевку.
В саду у каждого свой уголок.
Володя в глубине сада сколотил
из досок стол, скамейку.
Маняша каждого проведает за день,
а Володю и не раз.

сперло от счастья, некоторое время даже «спасибочка» выговорить не смеет.

Наконец, собравшись с духом:

— Твоего брательника Владимира Ильича на деревне знают. Он к нам ходит, с мужиками беседы ведет. Мужики его умным почитают. Люди сказывают, он хозяйством желает заняться. На деревне судят: вроде справедливый человек, а заделается хозяином, кто его знает, как повернется.

— Он справедливый, умный и всегда будет справедливым и умным,— вскипает Маняша. И, растроганная встречей с алакаевской тезкой, довольная, что осчастливила ее подарком, довольная собой, что нисколько не жаль ей отданных платьев, соображает, чем еще обрадовать девочку.

— Слушай, приходи к нам. Я научу тебя играть в лото.

— Во-о-на! — дивится алакаевская Маша.— Что это за штука лото? Игра-а-ть? У нас покос начался. Мамка с тятькой в лугах. Мамка малого на бабку Марью кинула, покамест я по ягоды сбегаю, а бабка наша, почитай, что незряча, как бы не упустила мальца, вывалится из люльки, далеко ль до греха? Спасибочка вам, видать, вы люди хорошие. А позавидуют девчонки платьям-то!

И она убегает, а Маняша отправляется к Володе в его зеленый кабинет. Конечно, Володя занят, что-то пишет.

Не поднимая головы, жестом показывает: посиди, подожди.

Маняша усаживается на пенек, невдалеке от скамейки, сложив на коленях руки, ждет. Нужно Володе рассказать о встрече с алакаевской девочкой. Именно Володе! Какие-то неспокойные мысли разбудила в ней эта встреча.

Володя отодвигает в сторону тетрадь.

— Итак, Маняша?..

— Итак...— вторит она.

Прежде всего сообщить, что алакаевские мужики думают видеть Володю хозяином хутора и небольших земелек, прилежащих к нему. Сенокосить, жать и вообще делать на земле все, что требуется.

— И ты так думаешь, Володя?

— Нет, Маняша, не так. Мы с мамой обсудили вопрос о моем хозяйствовании в Алакаевке. У меня нет хозяйственных способностей и наклонностей. А еще... помнишь Ивана Кузьмича?

— Неужели, если хозяин, значит, непременно Иван Кузьмич? — испуганно восклицает Маняша.

— Так устроено наше общество: фабрикант, купец, кулак, чиновник, помещик — все на свой лад «Иваны Кузьмичи». Давят, душат, угнетают народ.

Маняше грустно. Маняша верит: жизнь может быть хороша для всех. Для всех!

— Если бы люди, все до единого, у кого что-то есть, ну... например, у меня было шесть платьев, я поделилась с алакаевской девочкой... Если бы все ненищие отдавали половину нищим, тогда...

— Что тогда?

— Изменилась бы жизнь, стала лучше.

— Милый философ,— усмехается Володя,— есть философы постарше и пообразованнее тебя, рассуждают, как ты.

— Ну и что?

— То, что, представь, разодрался чулок, порвалось платье, ты штопаешь, чинишь, но, как ни штопай, ни чини, старое новым не сделаешь, заплатами платье не улучшить. А некоторые философы проповедуют улучшать именно «штопаньем» бедственное положение народа. Но ведь общество-то не изменится, останется прежним. У алакаевцев нет земли, земля помещичья, крестьяне арендуют помещичью и кулацкие земли, а платить нечем, хлеба впроголодь хватает на ползимы, в доме нет гроша соли купить. Нужда беспросветная по всей России. Твое платье, Маняша,— доброе дело. Но добрыми делами, как бы они ни были добры, общество не перестроишь. Не малые, большие нужны дела.

— Какие?

Володя быстро и с охотой роется в стопке книг и бумаг на столе. Вынимает небольшую рукопись «Манифест Коммунистической партии». К. Маркс, Ф. Энгельс.

— Великое учение, показавшее и доказавшее единственно верный путь переустройства общества,— торжественно и с какой-то застенчивой нежностью и вместе гордостью произносит Владимир Ильич. Этот первый перевод марксистского труда с немецкого на русский сделал он сам. Втайне от шпиков и жандармов самарские товарищи и передовые рабочие читают «Манифест», учатся марксизму.

Несколько дней спустя Володя позвал Маняшу в свою комнату. Накинул на дверь крючок и достал книгу не со стола, не из шкафа — из-под матраца, чем немало сестренку удивил.

— Тайна?

— Абсолютная. Попадись жандáрму в лапы — тюрьма. Роман Чернышевского «Что делать?». Он меня всего перепахал. Эта книга дает заряд на всю жизнь.

После таких слов Маняша буквально благоговейно приняла из рук брата книгу. «Дает заряд на всю жизнь. Спасибо, Володя. Ты такой... такой... Если бы хоть чуть-чуть, самую малость походить на тебя. Знать то, что знаешь ты, милый, любимый, удивительный брат!»

Конечно, Маняша не высказала свои чувства вслух. Она застенчива.

Книга с первых страниц захватила ее. И смутила. Таинственное самоубийство; неизвестно почему хороший человек Лопухов кончает жизнь. Не приключенческий ли это роман? Где же заряд?

— Читай медленно, внимательно,— велел Володя.

Маняша читает внимательно, медленно. И страница за страницей, глава за главой уму и сердцу девочки, растущей, жаждущей идеала и истины, открываются новые знания. Перепахивают ее, как когда-то Володю.

Не столько разумом, сколько чутьем Маняша постигала, угадывала, пока неполно, пока лишь приблизительно, тот путь борьбы с Иванами Кузьмичами, какой искал и находил ее брат.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Сегодня 12 июля, дети,— напоминает мама за завтраком.

— Знаем! — дружно отвечает многоголосый хор.

12 июля — день рождения отца. Месяц июль, макушка лета — Маняша помнит папину шутку: «В макушку лета я и угодил».

Лучезарные жаркие дни. Небо густо напоено синевой. В саду царственно высятся светло-розовые, белые, малиновые пионы. Жаркими фонариками горят скромные гвоздики. Скромные, а не заметить нельзя, так ярки и радостны.

Обычно день рождения папы встречали в бывшем дедовом доме в деревне Кукушкино. Туда приезжали на лето, как теперь приезжают в Алакаевку, только теперь без папы, без Саши.

Маняша привела девочку к маме.
— Как тебя зовут?
— Машкой. По бабке окрестили,— охотно отвечает девочка.
— Тезки,— улыбается мама, кивая на Маняшу.

В папин день рождения все готовили ему подарки. Ни в коем случае покупные — сочиняйте своим умом и руками. Мама вышивала отцу поясок, рубашку. Аня писала стихотворное поздравление. Володя и Саша мастерили из картона, жестянки, дощечек какой-нибудь полезный предмет — ящичек для перьев, подставку для карандашей. Маняша рисовала картинки: ива клонит ветви над узенькой речушкой, и хочется посидеть на бережку, полюбоваться, как играют в воде пескарки.

Или явится фантазия изобразить дивный дворец, увитый мамиными кукушкинскими лозами хмеля.

— Папочка, ты будешь здесь жить.

— Спасибо, дочура, чудесное ты мне устроила под старость жилье. Но один во дворце я жить не согласен.

— Нет, конечно, мы будем все с тобой, папа.

— Дети, оставим сегодня занятия и всей компанией отправимся в лес,— предлагает мама.— В память о папе. Он любил природу, луга, лес. А какой был грибник! А как любил цветы! Наберем папе букет полевых цветов.

— Мама, я не могу,— виновато произносит Маняша.

— Что такое? Ты нездорова?

Маняша, потупившись, молчит.

— А-а! Знаю, знаю! — хлопает в ладоши Митя.— У нее тайный замысел. Признавайся.

— Если тайный замысел, нельзя добиваться, чтобы призналась,— резонно рассуждает Оля.

Она посвящена в Маняшин замысел, ее заветную цель. А если и нет, разве стала бы добиваться: признавайся!

— Всегда все всерьез поворачивают,— ворчит Митя.

— Но если и правда всерьез!

Все уходят в лес, Маняша направляется к своей «заветной цели».

Комнатки в Алакаевском хуторе небольшие, потолки невысокие, стены бревенчатые. Где бы ни жили Ульяновы, в доме нет богатой мебели, дорогих украшений, картин, но непременно книжный шкаф и музыкальный инструмент. Мама — музыкантша. Море бурных и тихих, горьких, радостных чувств полнит ее музыку. Последние годы мамина музыка часто безысходно печальна. Мама молчит об утратах, на век ранивших сердце. Говорит музыка, Маняша слушает. Тоскует. Как помочь маме?

Самая близкая мамина помощница — Аня. Понятно: старшая, старше Маняши на четырнадцать лет. Аню в будущем ждет судьба знаменитой писательницы, Маняша уверена.

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.

....

....

В хуторе лишь на крылечке
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.

Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Маняшины глазенки
Больно спать хотят.

— Вот уж нет, ничуть не хочу спать! — спорит Маняша.— Еще, еще, Аня, почитай стихи.

Попробуйте сочините такие. Об Алакаевском хуторе, серьезном кружке на крылечке. Маняша нипочем не сумеет.

Она размышляет о будущем, Оля будет музыкантшей, великолепной пианистской. Про Володю ясно: ученый.

Маняша любит воображать Володины научные открытия и подвиги. А если погрозит опасность, Маняша рядом.

Однако она отвлеклась от своего серьезного замысла. Подходит к пианино.

Сегодня день рождения папы. Заветная цель Маняши — сыграть в этот день для мамы, для всех «Первую балладу» Шопена. Баллада трудна. Много часов потратила Маняша на разучивание только начальной темы. Почему именно это произведение выбирает она?

Маняша помнит, иногда зимним вечером, когда гимназисты еще не окончили готовить уроки, отец после долгого рабочего дня за письменным столом выходит из кабинета и, потягиваясь, прямя уставшую спину, говорит маме: «Отдохнем».

И они — мама, папа, Маняша — направляются в гостиную. Единственное украшение гостиной — цветы и большой черный рояль. Он кажется Маняше великаном, добрым волшебником, как бы членом семьи. Невозможно представить жизнь без него.

— Сыграй мое,— говорит папа. Улыбка счастья сгоняет ранние морщины с его немного скуластого, большелобого, светлевшего при звуках музыки лица. Папино «мое» — это «Первая баллада» Шопена. Мама часто ее играет отцу и Маняше, иногда всей семье.

Маняша забирается с ногами на диван, прильнув к папе.

В подсвечниках на рояле неярко горят свечи. Ледяными узорами разрисованы оконные стекла. Хорошо с папой и мамой. Из их рассказов Маняша узнает о гениальном польском музыканте.

— Смолоду и всю жизнь Шопен — изгнанник. Тоскует о покинутой Родине. Любимая Польша! О надеждах и нежности, печали и ласке, запахах полевых цветов, тишине говорит музыка. Вдруг!.. Восстание. Польские повстанцы объявили войну царским чиновникам, жандармам, царю Николаю, властелину Польши. Поднялся весь польский народ.

Музыка резко меняется, Маняша слышит, звуки гремят, вихрь гнева и бури слышит Маняша.

...Но вот что-то новое вливается в музыку. Скорбь, отчаяние. Восстание подавлено. Сотни людей расстреляны по приказу российского императора Николая. Сотни насмерть забиты кнутом. Тысячи сосланы на вечную каторгу в ледяные окраины Сибири.

Маняша наизусть знает и чувствует балладу Шопена о Польском восстании. Но играть в силах только первую часть о тишине, напевности Польши. Дальше буря. Буря ей не под силу. Гнев, ярость и гибель восстания играть будет Оля.

Папа говорил: «Наша Оля — музыкант божьей милостью».

Балладу в память папы ко дню его рождения Маняша и Оля готовили вместе.

Скоро грибники вернутся из леса. Сестры будут играть.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Аллаберды ХАИДОВ,
лауреат Государственной премии Туркменской ССР.

Пастушок

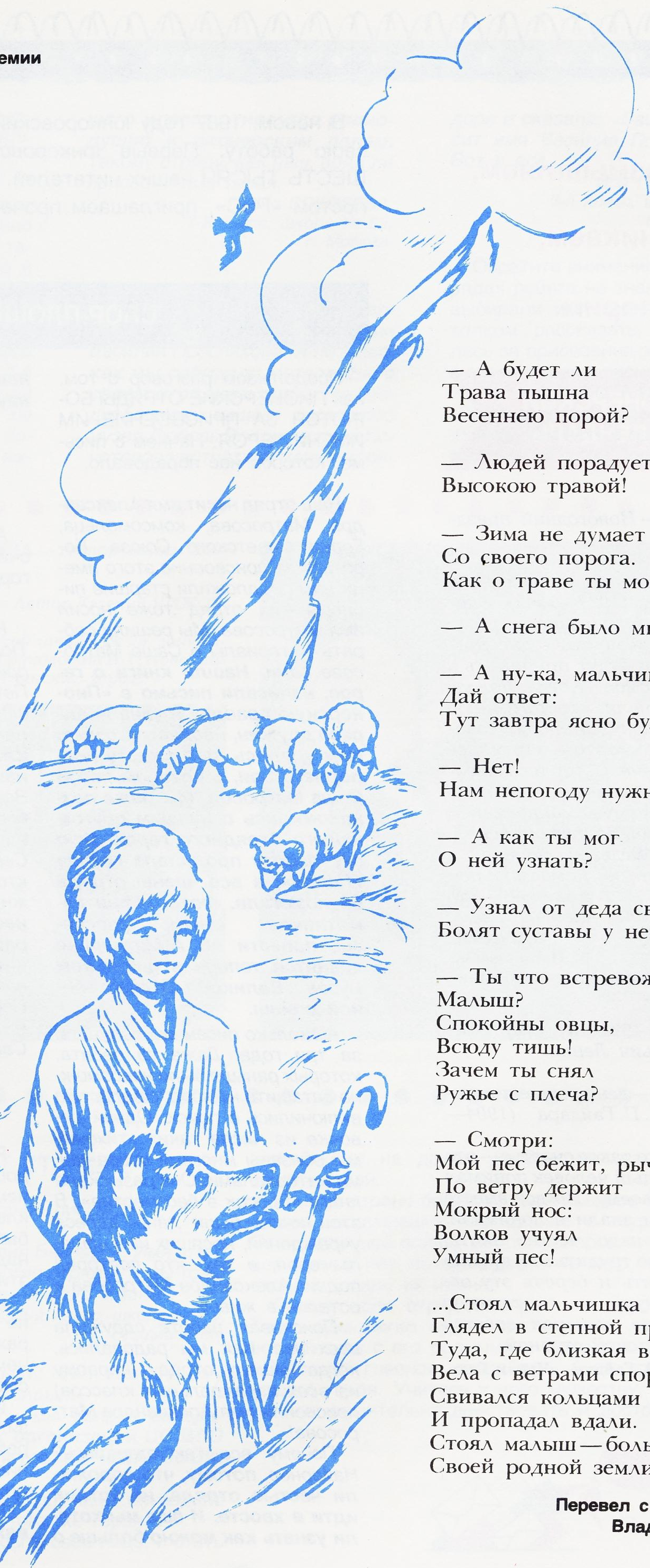
В степи мороз,
Метет снежок,
Лежит повсюду лед.

— Скажи мне,
Мальчик-пастушок,
Когда весна придет?
Ты это знаешь?

— Как не знать?
Я здесь недаром рос!
Ты видишь:
Землю поливать
Готовится колхоз.
А это значит,
Что сейчас
Весна поблизости
От нас!

— Скажи,
А как же чабану
Узнать в пустыне
Про весну?
Среди безводного
Песка
Кто скажет,
Что она близка?

— А очень просто:
Чабану
Расскажут гуси
Про весну.
С весенней
Песенкой своей
Они вернутся к нам,
А эта песенка гусей
Понятна чабанам.

— А будет ли
Трава пышна
Весеннею порой?

— Людей порадует весна
Высокою травой!

— Зима не думает бежать
Со своего порога.
Как о траве ты мог узнать?

— А снега было много!

— А ну-ка, мальчик,
Дай ответ:
Тут завтра ясно будет?

— Нет!
Нам непогоду нужно ждать.

— А как ты мог
О ней узнать?

— Узнал от деда своего —
Болят суставы у него.

— Ты что встревожился,
Малыш?
Спокойны овцы,
Всюду тишь!
Зачем ты снял
Ружье с плеча?

— Смотри:
Мой пес бежит, рыча!
По ветру держит
Мокрый нос:
Волков учуял
Умный пес!

...Стоял мальчишка у костра,
Глядел в степной простор,
Туда, где близкая весна
Вела с ветрами спор.
Свивался кольцами дымок
И пропадал вдали.
Стоял малыш — большой знаток
Своей родной земли.

Перевел с туркменского
Владимир ОРЛОВ.

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем, Вникаем, Спорим

В новом, 1987 году юнкоровский пост «РВС» продолжает свою работу. Первые юнкоровские задания выполнили ШЕСТЬ ТЫСЯЧ наших читателей. Всех, кто еще незнаком с постом «РВС», приглашаем прочесть наши странички.

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 января — Новогодний праздник.

4 января — 45 лет со дня гибели В. Дубинина (1927—1942), юного пионера-партизана.

...Он мечтал о дне, когда его будут принимать в комсомол. Когда Володе поручали ответственную разведку, он любил говорить, что это — партийное задание. И, гордясь высоким доверием, оказываемым ему командованием отряда, Володя объяснял:

— Ведь я пионер, а скоро и комсомольцем стану. А пионер — это младший член партии.

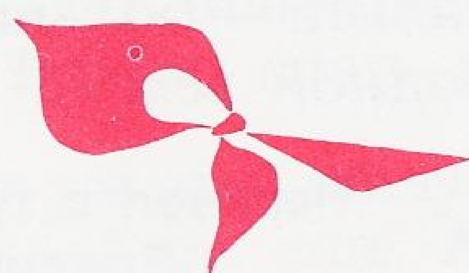
Л. Кассиль, М. Поляновский. «Улица младшего сына».

21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин.

22 января — день рождения писателя А. П. Гайдара (1904—1941).

Что такое счастье — это каждый человек понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной.

А. Гайдар. «Чук и Гек».

СПОР-ПЛОЩАДКА

Продолжаем разговор о том, как ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ БОРЮТСЯ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ИМ ИМЕНИ ГЕРОЯ. Начнем с письма, которое нас порадовало.

Наш отряд носит имя Александра Матросова, комсомольца, Героя Советского Союза. Бороться за присвоение этого имени нам предложили старшие пионеры — их отряд тоже носил имя Матросова. Мы решили собрать материалы о Саше Матросове сами. ***Нашли книги о герое, написали письмо в «Пионерскую правду» и узнали адреса дружин, носящих его имя. Нам удалось найти карту последнего боя, в котором погиб Саша Матросов. Мы даже познакомились с лучшим другом нашего отрядного героя. Всю эту работу проделала группа «Поиск», а все члены отряда ей помогали. Фотографии памятников, стихи, рассказы, повести об А. Матросове хранятся теперь в школьном музее Великой Отечественной войны.***

А сколько писем мы получили за три года! Даже те ребята, которых раньше было невозможно затащить на сбор, с радостью включились в поиск. Одной девочке из числа таких «тихонь» мы обязаны многими собранными материалами. Она разыскала книгу «Бросок в бессмертие». В этой книге были даны адреса учреждений, носящих имя нашего героя, и тех, кто повторил подвиг Александра Матросова и остался в живых.

Поисковая работа сдружила всех нас. Как мы радовались, когда нашему отряду (первому из всех параллельных классов) присвоили имя Александра Матросова!

Почему все так старались? Наверное, ***потому, что дорожили честью отряда, не хотели идти в хвосте. И еще мы хотели узнать как можно больше о нашем герое и многому у него научиться.***

Председатель совета отряда 7-го «Б» класса Наташа ГЛАЗЫРИНА, школа № 35, г. Братск.

А вот заметка, автор которой считает, что их отряду есть чем гордиться.

Наш отряд носит имя Сергея Тюленина. В 4-м классе к нам пришла учительница Светлана Петровна. Ее выпускники раньше тоже носили имя Сергея Тюленина. ***И когда она брала наш класс, то предложила, чтобы наш отряд носил это же имя.*** *Все ребята согласились. И два воспитательных часа мы разговаривали о герое. Мы узнали о Сергее Тюленине очень много: кто его родители, с кем он дружил...* ***Светлана Петровна принесла фотографии Сережи и рассказала нам его биографию.*** *Нам очень нравится, что наш отряд носит имя этого героя. После 4-го класса мы ездили в город Краснодон: нас возила Светлана Петровна.*

Лена ГАВРИКОВА, 8-й класс, школа № 25, г. Харьков.

Редакция не разделяет радость Лены и ее товарищей. Почему все для отряда делает классный руководитель? Может быть, Светлана Петровна не надеется, что вы справитесь с этим делом сами?

Почему разговор о герое шел на классных часах, а не на сборах отряда? Разве вы не знаете, чем классный час отличается от сбора?

И что больше всего нас поразило и огорчило в этом письме: ребята довольны своим положением, согласны, чтобы все за них делали взрослые.

Юнкоры, вот тема для **очень важного разговора:** ЧТО МЕ-

ШАЕТ ПИОНЕРАМ СТАТЬ ХОЗЯЕВАМИ В СВОЕМ ОТРЯДЕ?

И очень огорчили нас рассказы о равнодушных и совершенно безынициативных отрядах. А таких оказалось немало. Им-то и надо взять на вооружение опыт семиклассников из Братска.

Наш отряд не носит ничьего имени. Мы уже перешли в 7-й класс и до сих пор боремся за имя Олега Кошевого. Но не очень-то охотно мы за него боремся. ***Большинство ребят нашего класса относятся равнодушно к пионерским делам.*** *Такому отряду, как наш, вряд ли присвоят имя героя.*

Женя СОКОЛОВА,
7-й класс, школа № 65,
г. Москва.

Наш отряд носит имя гвардейца 37-й гвардейской дивизии Василия Преснякова. ***Я не знаю, как мы собирали материалы о своем отрядном герое.*** *Руководительница нашего школьного музея Любовь Владимировна Конотопова встретила меня в коридоре и сказала: «Ваш отряд носит имя Василия Преснякова». Вот и все.*

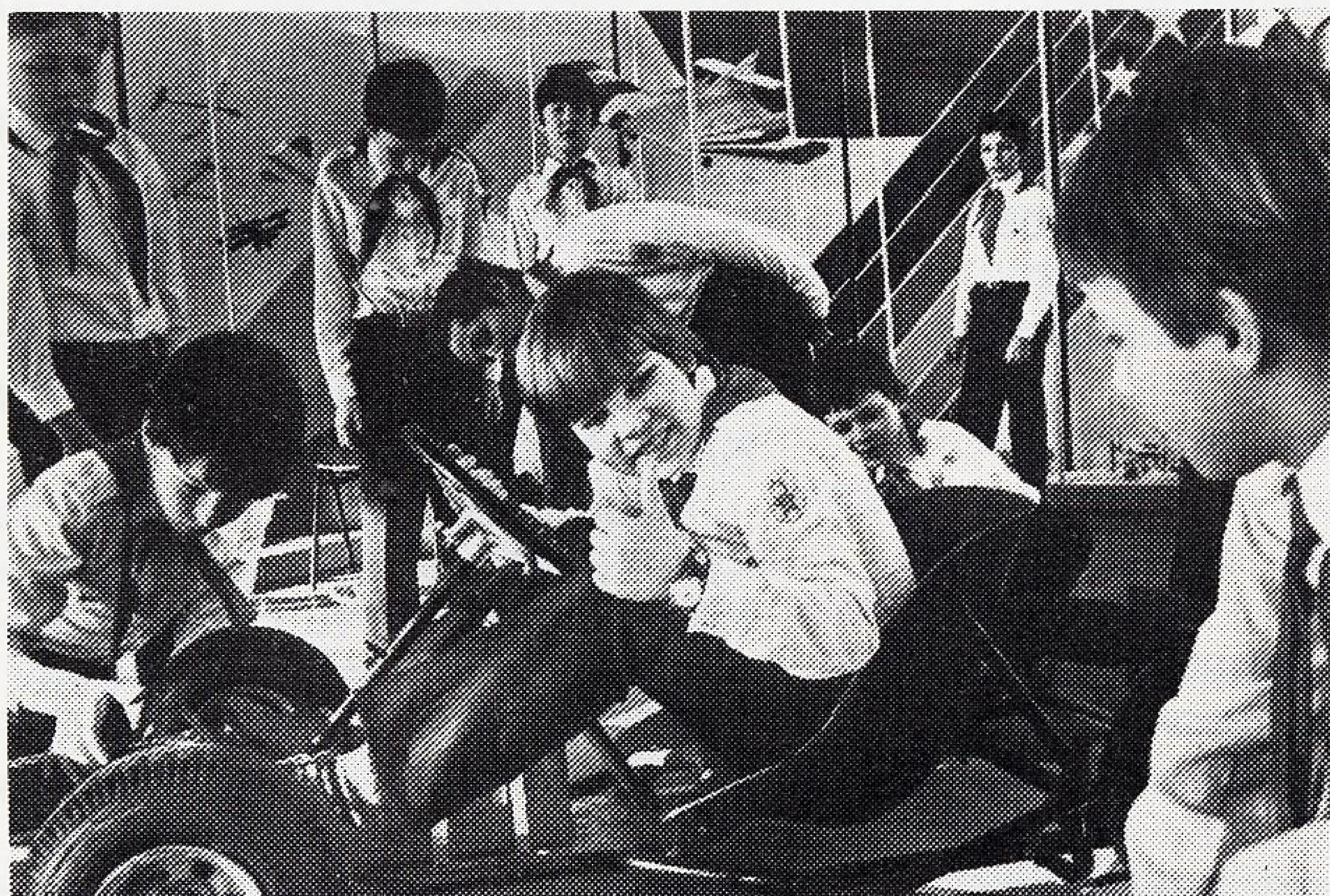
Ира ГРИГОРЬЕВА,
6-й класс, школа № 17,
г. Волгоград.

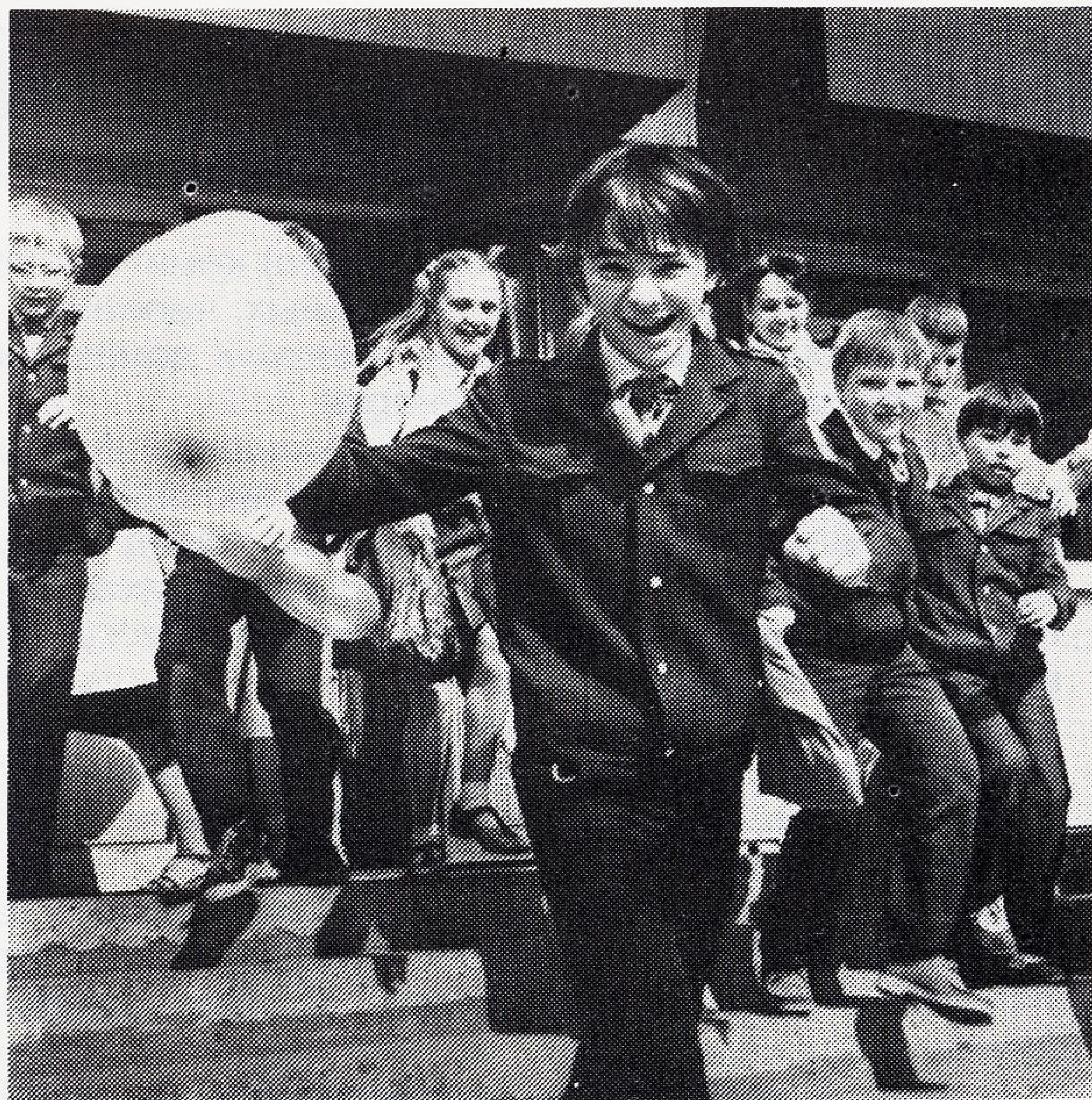
Обратите внимание, в этих отрядах ребята не знают, как они выбирали имя героя, не могут толком рассказать, как боролись за присвоение этого имени, а где нет живой пионерской жизни, нет и дружбы. А там, где есть общее дело, где дорожат честью отряда, там есть и дружба. Задумайтесь об этом, юнкоры.

МАЛЬЧИШКИ НАШЕГО ОТРЯДА.— *Автор Роман ТИХОНЕНКО, 7-й класс.*

В ПИОНЕРСКОЙ ИГРОТЕКЕ.— *Автор Евгений ЧИЖОВ, 8-й класс.*

Оба автора — ученики московской школы № 29, занимаются в фотокружке, которым руководит В. Г. Новохацкий, во Дворце пионеров на Ленинских горах.

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

Выбрали мы из почты и такое письмо.

Наш отряд носит имя Виталия Баневура. Имя этого героя у нас в школе носят многие отряды, и мы тоже решили бороться за присвоение этого имени...

Лена МАРКИНА, 5-й класс, школа № 60,
г. Владивосток.

Обратите внимание на строчки: «Имя этого героя у нас в школе носят многие отряды...»

«Хорошо ли это?» — задали мы вопрос **заведующей сектором пионерских организаций ЦС ВПО имени В. И. Ленина Галине Петровне ЧУБАРОВОЙ.** Вот что она ответила:

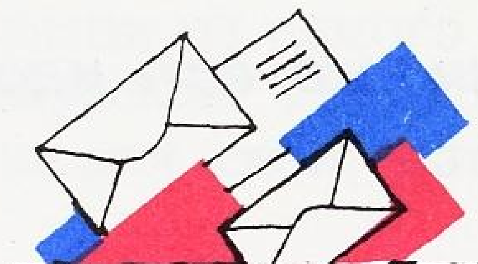
Нет, это нехорошо, когда в дружине несколько отрядов носят имя одного и того же героя.

У каждого отряда должно быть свое лицо, и стать непохожими на другие коллективы вам поможет «свой» герой.

У нас в стране более 11 тысяч Героев Советского Союза, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны, много пионеров и комсомольцев разных лет, которые достойны того, чтобы ваши отряды носили их имена.

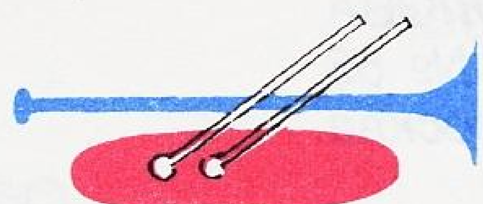
Лучше, если отряд выберет имя героя-земляка. Тогда вам легко будет вести поиск, вы сможете встретиться с его родными и друзьями.

И самое главное, старайтесь быть похожими на вашего героя. Учитесь у него мужеству, честности, умению решительно действовать и достойно жить.

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Ребята! Сегодня мы хотим вас познакомить с разделом «Структура Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина» нового «Положения о Всесоюзной пионерской организации».

Обратите внимание, что количество пионеров в отряде и дружине изменилось.

Структура Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина объединяет республиканские, краевые, областные, окружные, городские, районные пионерские организации.

Основой Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина является пионерская дружина.

По решению районного (городского) комитета комсомола пионерские дружины создаются в начальных, неполных средних, средних общеобразовательных школах, детских домах, школах-интернатах при наличии не менее 3 пионеров.

В пионерских дружинах, насчитывающих более 20 пионеров, по решению совета дружины создаются пионерские отряды, объединяющие не менее 3 пионеров. В школе отряд объединяет пионеров, обучающихся, как правило, в одном классе. В детских домах и пионерских лагерях, по месту жительства могут создаваться разновозрастные отряды.

Отряд, насчитывающий 15 и более пионеров, делится на звенья.

В сельской местности допускается создание сводных пионерских дружин, объединяющих пионеров средних, неполных средних и начальных школ.

Районные (городские) комитеты комсомола в загородных, городских, колхозных, совхозных, профильных и других пионерских лагерях и детских санаториях создают временные пионерские дружины.

В случае необходимости комитеты комсомола могут создавать пионерские дружины и отряды на базе разных детских коллективов.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Внимание! Юнкоровский пост «РВС» объявляет конкурс на **лучшую дружинную стенную газету. Тема этой газеты** — ЖИЗНЬ МОЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ.

Юнкоры! До 1 марта 1987 года пришлите в редакцию журнала «Пионер» стенную газету, в которой должны быть:

1) **заметки, интервью, фельетоны, репортажи** о самых интересных, самых острых моментах пионерской жизни вашей школы. В них вы можете рассказать и о лучших пионерах, и о лучших отрядах, о том, как проходят в вашей дружине различные пионерские мероприятия. Посвятите одну статью истории вашей школы и вашей дружины. Темы можете выбирать самые разные. Главное, чтобы они были злободневными, значимыми — пионерскими;

2) **фотографии юных фотокорреспондентов;**

3) **рисунки юных художников.**

ГАЗЕТА НЕ ДОЛЖНА ПРЕВЫШАТЬ РАЗМЕРА ОБЫЧНОГО ВАТМАНСКОГО ЛИСТА.

Перед тем как прислать стенную газету в журнал, повесьте ее в школе: пусть с ней ознакомятся все пионеры дружины.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ НАГРАДЫ ЖУРНАЛА, а всех читателей нашего раздела — разговор о том, какой должна быть пионерская печать в дружине.

Ребята! Эту эмблему вы теперь часто будете встречать в нашем журнале. Знайте: отмеченные ею странички появились по вашему предложению.

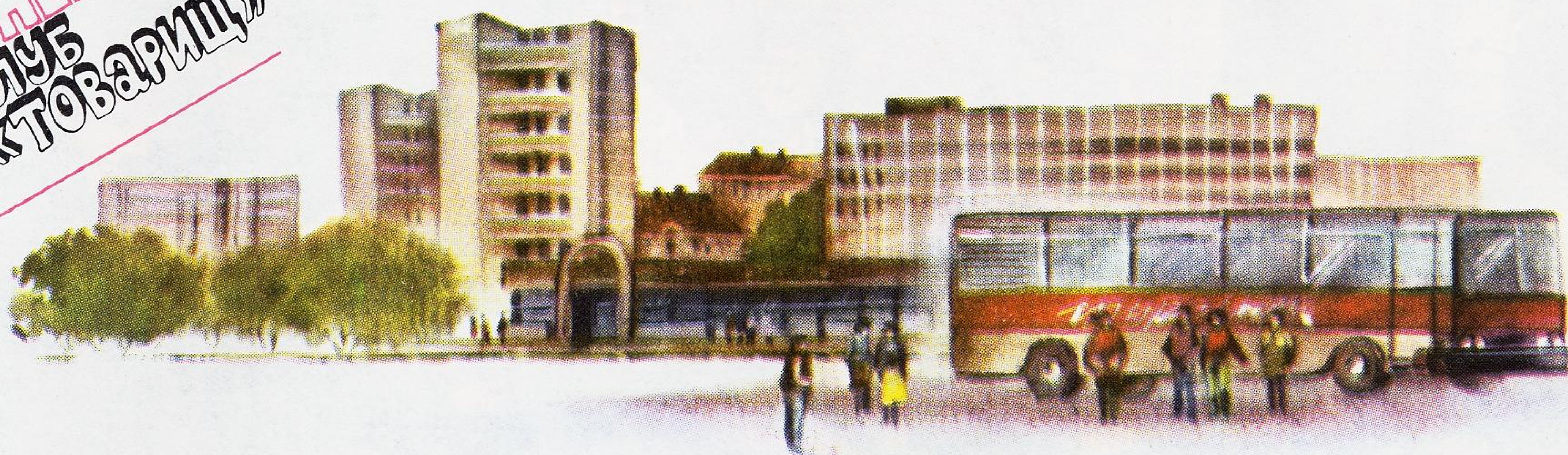
У вас, конечно же, есть идеи. И у нас они есть.

А самая главная наша идея — чтобы вы своими идеями делились с нами. Каким быть журналу? Что в нем, по вашему мнению, должно появиться? А что, наоборот, уйти? У кого же пока нет своих идей, может принять участие в обсуждении чужих. Пишите, какая из идей вам больше всего понравилась. Авторы лучших из них будут награждены! Как? Об этом вы узнаете в 12-м номере журнала.

А первая идея нами уже получена. И даже воплощена в жизнь. Ее выдвинула Света Карпанова из села Ельники Мордовской АССР. Что же это за идея? Смотрите страницу 34.

Итак, открываем конкурс «ЕСТЬ ИДЕЯ!».

Международный пионерский клуб «Товарищ»

Сказочное посольство

В Соединенных Штатах Америки у самого Тихого океана жили 27 мальчиков и девочек. Они не знали друг друга и не подозревали, что придется им встретиться и подружиться. Они занимались самыми обычными делами — ходили в школу, играли в футбол и в бейсбол (это вроде нашей лапты), читали, прыгали, танцевали, слушали музыку и... не всегда слушались родителей. Все они, разумеется, хотели стать взрослыми, но это не мешало им ужасно любить сказки...

А рядом с ними жила Мишель Габриэль, которая именно тем и занималась, что ходила из дома в дом, из школы в школу, из города в город и рассказывала детям и взрослым сказки.

Раньше Мишель была директором детского центра, начальником отдела детских публичных библиотек в городе Саутфилд штата Мичиган, потом руководила школой международных исследований в университете штата Вашингтон и сама не заметила, как сказки из увлечения превратились в главное дело ее жизни.

Сказочник — профессия мирная. Мишель решила сделать ее всемирной. Для этого она приехала в Советский Союз в мае 1985 года в группе из 80 американцев — тех, кто называет себя «дипломатами от народа». «Проекты всемирного мира» — так называли свою группу известный актер Деннис Вивер, клоун Патч Эдамс, экскурсовод из Сиэттла Лорри Граймз и Мишель Габриэль. Выступая в наших школах, Габриэль хотела проверить, поймут ли ее советские дети? Оказалось, поняли прекрасно. И тогда она решила, что борьбе за мир могут помочь и сказки.

Впервые я встретил Мишель Габриэль в мае прошлого года в московском парке имени Горького. Она была занята довольно необычным делом: к ней выстроилась длиннющая очередь детей и взрослых, а она всех обнимала. Некоторые малыши, получив свое «обнимательство», с хитрой физиономией пристраивались вновь к хвосту очереди.

— Это не шутка, я выполняю очень серьезное поручение,— пояснила Мишель.— Представляю американских детей, которые, узнав, что я еду в СССР, послали вам в подарок больше тысячи своих объятий. Один первоклассник из города Сиэттл собственноручно передал через меня десять да еще предупредил, что все они — для разных детей и чтобы я не вздумала жульничать. Извините, вот той малышке я и передам его десятое обнимание.

В тот день она рассказывала много сказок, преображаясь то в доброго великана, то в страшенную гремучую змею, то в лесную фею, то ко всеобщему восторгу во всем знакомую Бабу Ягу. Вот тогда-то, когда на щеках Мишель просохли слезы прощания с новыми друзьями, она пообещала, что в свой следующий приезд привезет не только новые сказки, но и новых сказочников — американских школьников, которые хотят вместе со своими советскими сверстниками сложить новую, такую всем нам сегодня нужную сказку Мира. Сказку, в которой все мы будем не только авторами, но и действующими лицами, готовыми в любую минуту вступить в борьбу со злом, победить в ней и жить долго, мирно и счастливо. Сказку, которая должна, просто обязана стать былью.

Всем давно известно, что сказка сказывается намного быстрее, чем дело делается, но ведь и то, что добрые волшебницы никогда не обманывают, мы тоже знаем. Сдержала свое слово и Мишель. Она создала в Америке организацию «Дети-сказочники за мир». Собственно говоря, «организация» звучит несколько громко, ведь поначалу она состояла лишь из одного человека — директора Мишель Габриэль. Но Мишель знала, что многие, начав с самих себя, нашли потом едино-

мышленников. С усилий Синтии Лазарофф начались когда-то «Американо-советские молодежные обмены», и в прошлом году советские и американские школьники уже второй раз вместе покорили Эльбрус. Пола Декоссе придумала создать организацию «Американо-советские обмены детским искусством». «Дети как учителя мира» — инициатива Джерри Ямпольского, а Патриция Монтандон возглавила организацию «Дети как миротворцы», одну из премий которой получила наша Катя Лычева...

Создавая группу «Дети-сказочники за мир», Мишель Габриэль задавала им вопросы: что значит для тебя слово «мир»? Как ты донесешь его смысл до других? Чему ты хочешь научиться у советских ребят? Чего ты больше всего боишься? Что любишь? О чем переживаешь? Что бы ты хотел подарить своему далекому другу, если бы стал волшебником?

— Я хотела, чтобы в группе подобрались ребята самые разные — мальчики и девочки всех возрастов, интересов, цветов кожи и национальностей,— вспоминает Мишель.— В общем, чтобы это действительно была «ребячья Америка». И еще одно важное условие: вне зависимости от того, сколько получают родители, все деньги на поездку должны заработать сами ребята. Причем не любым возможным способом, а либо выступая с концертами или рассказами о мире, о Советском Союзе, либо продавая на импровизированных «базарах» сделанные своими руками сувениры или приготовленные под руководством мам русские кушанья. Например, пирожки, которых в Америке многие и в глаза не видели. Пока в нашей организации всего 27 человек, но мы только в начале сказки...

И вот они в Кремле. Мишель все время приходилось оглядываться по сторонам, чтобы в толпе взрослых туристов со всех концов планеты разглядеть свое «посольство». Они держались чинно и с достоинством, мальчики — в пиджаках и при галстуках, девочки — в нарядных платьях (сразу после экскурсии — официальный прием в их честь в Советском комитете защиты мира!).

На лацканах у всех красовались пластиковые карточки с именами и фамилиями — совсем как у делегатов какой-нибудь важной конференции. И знаете, кого они больше всего напоминали? Героев «Волшебника Изумрудного города» в тот момент, когда те достигли наконец цели своего трудного путешествия. На собственном опыте они убедились, что мир между нашими странами возможен!

— Когда я сказала в своем классе, что поеду в Россию,— говорит Ребекка Осман,— многие ребята за меня испугались, говорили, что СССР — скучная и страшная страна. Я уже тогда знала по рассказам Мишель, что это не так, теперь вижу своими глазами. Я мечтаю стать актрисой и всегда чувствую, когда люди притворяются, а когда — нет. Так вот: и улыбки, и рукопожатия, и дружба, и любовь, с которыми мы встретились в Москве,— самые настоящие! Как и пирожные, которые мне, к сожалению, можно только попробовать (я еще и балетом занимаюсь)...

— Посадыил дьед рьепу. Виросла рьепка болшая-прэболшая...

Не возмущайтесь, ошибок много. Но ведь все понятно? И зрители во Дворце пионеров на

Рисунки И. ПАНКОВА.

Ленинских горах все поняли и не обращали внимания на мелочи. К тому же надо учесть: русский язык Бекки Осман и Бритт Эриксон учили специально для этой поездки. Нет ничего страшного и в том, что конец истории про репку ни для кого не секрет. Зато один из зрителей признался, что впервые задумался о смысле этой немудреной сказки: может быть, именно твоего маленького усилия не хватает для достижения цели, для того, чтобы на Земле раз и навсегда установился мир...

— Тяв-тяв! — подтвердила Кэрол Рикетс, стоявшая, как и положено песику Тотошке, неутомимому спутнику Элли и ее друзей, на всех четырех лапах и дружелюбно вилявшая воображаемым хвостом.— Даже чужой язык знать необязательно, чтобы завести новых знакомых.

Верно, мне тоже показалось: различить, кто из участников стихийно возникавших споров-разговоров русский, а кто — американец, просто невозможно. Не верите? Вот два ответа на вопрос, что на свете они любят больше всего:

— Каникулы!

— Мороженое!

Ну, отгадайте, где ответ русского, а где американца. Трудно? То-то и оно.

А если серьезно, то различия, конечно же, есть. Да и как им не быть, если мы живем в совсем разных странах, на разных континентах, учим в школах разные предметы, смотрим разные фильмы, играем в разные игры. Важно здесь другое, и об этом очень хорошо говорит Мишель Габриэль:

— Есть, к сожалению, люди, которые пытаются использовать разницу в политическом устройстве, культуре, традициях, религиях как почву для конфликтов, даже войн. А должно быть наоборот: непохожее — значит новое, интересное, незнакомое. Тот факт, что Василиса Премудрая и Белоснежка говорят на разных языках, делает их, по-моему, только более волшебными. Нам надо брать пример со сказочных героев, которые свободно говорят и на медвежьем, и на птичьем, и на чисто человеческом языке. Конечно, и иностранные языки в школе учить полезно, а то встретишь интересного человека откуда-нибудь издалека, а поговорить с ним не сможешь...

Против этого не возразишь,— кивают головами и русские, и американцы, а сами хитро перемигиваются: самовар по-английски так и будет — «самовар», а чай можно пить и без переводчиков.

Хайди Мезих может одновременно: смеяться, есть пирог с вареньем, махать руками, показывать карточки своей семьи, подливать себе чая и еще смотреть во все глаза по сторонам. Делать все это вместе, конечно, тяжело, но ведь времени так мало! Надо не только успеть все рассказать, показать, разглядеть и расспросить, но и запомнить. Все юные сказочники, когда вернутся домой, будут выступать в родных городах и школах перед детьми и взрослыми, перед теми, кто помог им собрать деньги на поездку, и перед теми, кто отговаривал ехать. А может быть, кто-то жалеет о том, что согласился поехать?

— Что?! Это самое интересное приключение в нашей жизни! — Ответ единодушен. Но ведь любое путешествие подходит к концу...

— Только не это! — возражает Мишель.— Перед юными сказочниками лежит долгий и интересный путь. Каждый, кто сделал свой первый шаг по дороге мира, уже живет в мире. Каждый, кто хочет стать соавтором сказки Мира, может вписать в нее свою строку. А то, как много могут сделать для дела мира дети, всем нам показала наша маленькая соотечественница Саманта Смит, чьей памяти посвятили свою поездку юные сказочники. И если кто-то из вас увидит в море теплоход «Саманта Смит», то не удивляйтесь, что его название написано не совсем ровно, ведь вывести буквы одесские кораблестроители доверили нам, юным сказочникам из США.

А. ОРЛОВ.

Фотография автора.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

Тимур и его команда

Внимание, тимуровцы! Приглашаем вас принять участие в разговоре о том, как РАБОТАТЬ ТИМУРОВСКИМ КОМАНДАМ СЕГОДНЯ.

Всесоюзный штаб Тимура просит вас ответить на вопросы: КТО СЕГОДНЯ НУЖДАЕТСЯ В ПОМОЩИ ТИМУРОВЦЕВ? НУЖНЫ ЛИ ТИМУРОВЦАМ ОТЧЕТЫ? НАДО ЛИ ТИМУРОВЦАМ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЮ РАБОТУ? ГДЕ ДОЛЖЕН НАХОДИТЬСЯ ТИМУРОВСКИЙ ШТАБ — В ШКОЛЕ ИЛИ ВО ДВОРЕ?

Ждем ваши ответы. А сегодня — первое письмо.

Я считаю, что тимуровское движение не только нужно — без него просто нельзя обойтись. Дневники тоже нужны, только достаточно одного на всю команду — и без хвастовства. Внушительные стенды, красочные рапорты, альбомы, я считаю, не нужны. А тимуровский штаб должен находиться во дворе, а не в школе. В школе скучнее, потому что там действуют по приказу сверху. И вообще не надо приказов — надо просто помогать людям, как помогал Тимур. А лучшей наградой будет благополучие и радость окружающих.

Слава Давыдов,
г. Челябинск.

Говорят члены Штаба

Заслуженный учитель РСФСР Надежда Леонидовна ЛЕБЕДИНСКАЯ два десятилетия руководит музеем А. П. Гайдара при Доме пионеров Ленинского района города Москвы. Многие отряды, штабы, команды тоже занимаются музейной работой. Совет Надежды Леонидовны обращен как раз к этим ребятам:

— Очень часто, когда в школе или Доме пионеров тимуровцы создают музей А. П. Гайдара, они обращаются в государственные музеи за копиями экспонатов. Мы с ребятами считаем, что это неверно. Наш музей всегда старался искать новые документы, новые факты, связанные с именем А. П. Гайдара, и то, что нам удавалось обнаружить, мы отдавали и отдаем в народные и государственные музеи. Мы передали уже более 140 экспонатов: среди них редкие фотографии, книги с дарственными надписями, письма.

Найти экспонат самому и создать музей своими руками во много раз полезнее и интереснее, чем брать уже готовый материал других музеев.

Совет Тимуров

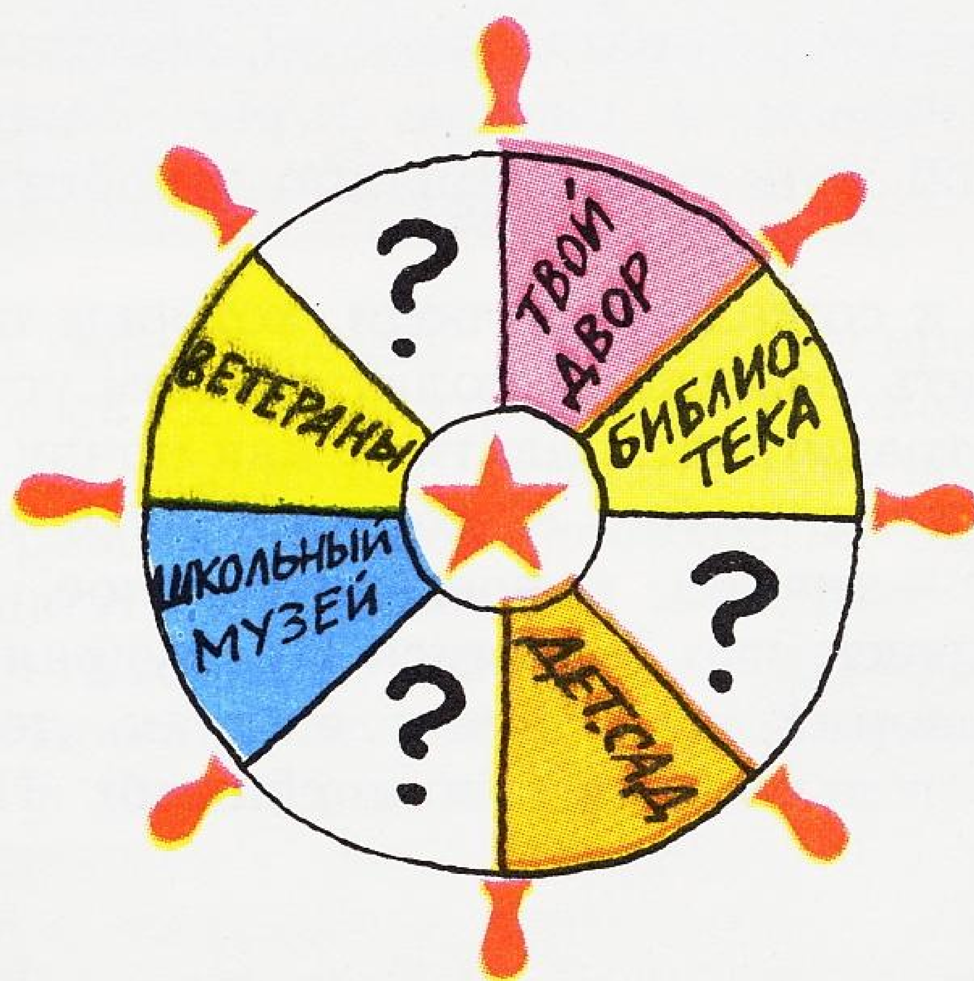
При Всесоюзном штабе Тимура решено создать Совет Тимуров. В него будут входить ребята — мальчики и девочки, которые носят гордое имя Тимура своей команды.

Тимуровцы! Если вы считаете, что ваш Тимур, ваш командир достоин войти в Совет Тимуров — расскажите о нем подробно, как вы рассказали бы другу о друге.

Членам Совета Тимуров мы разошлем наши специальные задания. Их мнения о тимуровской работе: ее проблемах, трудностях, успехах — будут опубликованы в журнале.

Письма-рекомендации ждем до 1 марта.

У штурвала

Дорогой друг! На рисунке ты видишь тимуровский штурвал.

У каждого тимуровского коллектива есть свои объекты тимуровской заботы. Или детский садик, или ветераны и инвалиды войны, школьный гайдаровский музей, городская библиотека. Да мало ли таких объектов у тех, кто хочет помогать другим!

Тимуровец! Пришли нам рисунок штурвала своей команды и расскажи: где работает ваша команда?

Первый раз в «Пионере» писатель Эдуард Корпачев выступил с рассказом «Ледовая королева». Это было в декабре 1965 года. С того времени он наш постоянный автор: на страницах «Пионера» публиковались его рассказы, а также повести «Флаг рыбацкой Республики», «Юнга с бронекатера», «Последний рейс», «Хвала гимнастике».

Пишет Эдуард Корпачев и для детей, и для взрослых. Его книги выходили в издательствах «Советский писатель», «Правда», «Современник», «Молодая гвардия». В издательстве «Детская литература» в разные годы появлялись сборники повестей и рассказов «Вечный день июня», «Тройка запряженных кузнечиков», «Зов походной трубы», «Гони свой поезд, мальчик!».

В январе нынешнего года Эдуарду Марковичу Корпачеву исполняется пятьдесят лет. Редакция «Пионера» поздравляет писателя с юбилеем.

Эдуард КОРПАЧЕВ

ЯБЛОКИ ИЗ ДЕРЕВНИ

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

В детстве он мечтал о путешествиях или о жизни в больших городах, а когда вернулся учителем в городок своего детства, то понял, какое бесконечное множество открытий сулил ему каждый день в далеком прошлом и какое теперь упоительное путешествие: возвращаться в любой из тех дней. Хотя бы в то зимнее воскресенье...

Все было так обычно, и все-таки Вадик Корсаков словно бы открывал для себя красоту дня, его праздничность, когда глядел на чистые дымы над трубами домов, на крыши, заваленные сдобным снегом, на блеск белого поля, которое было хорошо видно из окна и по которому из разных лесных деревенек сюда, в город, все бежали, бежали лошади, запряженные в сани.

Издалека заметно было, как лошади потряхивают мордами, как весел и ровен их бег, и сани приближались не сразу. А когда лошади поднимались на взвоз, переходя на степенный шаг, то взгляду открывалось, чем гружены сани: сеном, или колотыми дровами, или кочанами капусты. Значит, будут стоять эти лошади с подвешенными к мордам торбами на улице или на базарной площади, будут стоять и смотреть на людское сборище, пока хозяева их, дядьки в длиннополых кожухах, не распродадут свое, крестьянское, и не накупят в магазинах чего-нибудь городского, а там в обратный путь, опять в лесные деревеньки, через большое поле, в сторону сиреневого заката, и будет ласкова рука, подергивающая вожжи, и будет хороша песенка, напеваемая возницей без слов, одним голосом...

И очень хотелось Вадику Корсакову, когда он глядел на выезжающие из лесного края санные упряжки, тоже сидеть на сене, покачиваться на ухабах, смаргивать слезы от нестерпимого, колкого сияния снегов. Очень ему хотелось этого развлечения, этого старинного передвижения, хотя он в тот день уже успел побегать на коньках и замышлял сделать интересным остаток воскресенья. Но он понимал свое желание, понимал, что так ему еще ярче откроется красота зимнего дня и он словно бы посмотрит глазами заезжего человека на свой деревянный город.

Он даже загадал: вот этот рыжий конек, такой игрушечный, похожий издали на стригунка, вот этот рыжий конек, легко несущий сани уже не по заснеженной земле, а по заснеженному льду реки, вот этот рыжий конек, бегущий с напряженно откинутой вбок мордой,— никуда и ни к кому он не спешит, ни на базар, ни за магазинным прикупом, ни к каким-нибудь иным горожанам, а только к нему, к Вадику Корсакову, спешит.

Наверное, умеет человек, если очень захочет, что-то повелительное внушать на расстоянии, и рыжий конек действительно побежал к Вадикиному дому и вскоре встал у ворот, выдувая из ноздрей две матовые струи пара, и Вадик оцепенел на мгновение, не зная, удивляться ему или не удивляться.

А что тут удивительного, если Вадик так хотел этого и если конек, пока он бежал как-то боком, с откинутой мордой, уже стал своим, знакомым коньком?

И все-таки очень поразился Вадик, когда увидел в санях улыбающуюся, с шальными от быстрого бега, от сияния снегов и от встречного ветерка глазами родственницу свою Дуню. Он крикнул ей из комнаты:

— Дуня!

И словно все прекрасно устроилось в мире, и день, великолепный солнечный день января, еще более утвердился в своей красоте и праздничности, едва он позвал гостью по имени: «Дуня!»

Ровесница его Дуня была из лесной деревеньки, такой очаровательно тихой, словно там было средоточие вселенского покоя. Приезжала Дуня изредка на попутной машине или на автобусе или приходила пешком, а потом переправлялась на пароме, но, чтобы прикатила на санях, одна, без возни-

цы, это могло случиться лишь в нынешний, такой... такой день.

— Дуня! — громко сказал он ей уже на улице, выбежав с непокрытой головой, и в этом слове, в этом имени он точно бы другое выразил: «Как хорошо, что ты приехала, Дуня! И как же замечательно ты придумала, Дуня! И какая ты новая, я бы тебя не узнал, Дуня!» — вот что выразил он одним словом, и своим ошарашенно-счастливым видом, и улыбкой, глазами.

— Дай, думаю, завезу родичам яблок,— ответила Дуня на эти его невысказанные слова, склонилась над санями, а Вадика так знакомо порадовала ее манера простодушно говорить, ее деревенская речь.

Тут он взглянул на рыжего конька, и этот абрис лошадиной морды, эта гривка, аккуратно срезанная, так понравились Вадику, что он погладил конька по теплому храпу. А конек повел морду вбок, покосился на Дуню сливовым глазом с эмалированным белком. И Вадик тоже обратил взгляд на Дуню, на ее кожушок кирпичного цвета, такой славный, шершавый, что хотелось и Дуню погладить.

Из дому вышли мать и отец, а Дуня в это время освободила из сена мешок, который вдруг развязался, и яблоки посыпались на сено и на снег. И началась какая-то игра: и мать, и отец, и Дуня, и собравшиеся мальчишки в треухах стали гоняться за яблоками, и смех, возгласы будили улицу.

Вадик же кормил конька яблоком с ладони, и сочно, почти с древесным треском хрупало у того на зубах, и падали на ладонь осколки яблока, но и эти крохи подбирались мягкими губами.

А потом Дуня уже в доме стояла, к ней каждый хотел прикоснуться, каждый о чем-то спрашивал, слова были ласковые, и Дуня простодушно отвечала на все и ладонями приглаживала свои прямые и туго стянутые в косички светло-русые волосы. Вадик расхаживал в ее кожушке, дразняще, горчично пахнущем овчиной, и надкусывал пепинку — самое лучшее зимнее яблоко, самое сочное, с белоснежной мякотью. Как несравненно хорошо, что приехала Дуня!

А она, оглядев Вадика сияющими глазами, словно стремясь определить, насколько изменился он после осенней, последней их встречи, сказала:

— Чего сидеть дома? Такой день... Скажи по правде — хочешь покататься по городу?

День был, конечно же, удивительный, а еще удивительнее было то, что Дуня отгадала его желание. Вадик тут же скинул с плеч кожушок, показывая этим, что он готов сейчас же одеться и ехать, мчаться в санях, да только в следующее же мгновение словно бы кто-то одернул его. Вадик в нерешительности подумал, как на улицах городка его будут узнавать ребята и смеяться вдогонку, как не принято здесь, в городке, разъезжать в деревенских санях и как стыдно будет ему, если вдруг повстречается Жанна Рыбак и точно обожжет насмешливым взглядом зеленоватых глаз. Были у ребят, у одноклассников свои понятия стыдного. Ехать на конь-

Дуня освободила из сена мешок,
который вдруг развязался,
и яблоки посыпались на сено и на снег.

ках, подцепившись сзади к автобусу, никогда не считалось недостойным, а вот ехать в деревенских санях было все-таки позорно, и потому Вадик заколебался, смутился. Ему показалось даже, что Дуня уловила эту его мгновенную смятенность, и он смутился еще больше, потому что понимал, что это прекрасно — ехать в санях, и надо не стыдиться такого естественного побуждения. Он глянул мельком в окно, увидел еще раз красоту январского дня: все за окном — крыши в снегу, след санных полозьев, дымы над трубами — было таким естественным и так говорило о слаженности мира, что и самому хотелось быть естественным, простым, и Вадик уже без колебаний шагнул к двери.

Дуня великодушно отдала Вадику вожжи, и он с замиранием, с тихим восторгом держал их, и долгое время посматривал только на конский, равномерно вскидываемый круп, на мелькающие серебристые подковы и слушал, как шелестит на бегу черный хвост. Сани иногда соскальзывали, точно сносило их вбок волною, ударялись о край тротуара, дергались — и тогда полозья как-то скрипично взвизгивали.

По Советской, по самой главной улице, они катили мимо двухэтажных каменных зданий охристого цвета, мимо старой церкви, и навстречу ехали или обгоняли, окуривая конька дымом из выхлопной трубы, маленькие автобусы. Все-таки боязно было, когда, казалось, прямо на них наезжал встречный автобус, и конек резче воротил морду, а Вадик кричал Дуне что-нибудь такое:

— Дуня, как тебе? Нравится, Дуня?

И Дуня, тоже слегка испуганная автобусами, небезопасным движением, с изумленным видом кивала:

— Ой! Я так хотела б жить тут!

За санями увязался какой-то конькобежец в истерзанной кроличьей шапке, пытавшийся нагнать сани и подцепиться длинным крючком из толстой проволоки, но все напрасно, лишь захватывал каждый раз клок сена. Вадик вспомнил, как сам он любил ухватиться сзади за проходящий автобус и ехать так, ехать даже тогда, когда коньки попадают на лишенный льда булыжник и высекают искры...

Увлекшись ездой, он даже позабыл о том, что могут его заметить приятели и бросить вслед насмешливое что-то или свистнуть. Вдруг за почтой, за продолговатым деревянным строением, он увидел маленькую Жанну Рыбак и высокую Томку Борисенок. Жизнь вдруг остановилась, хотя и продолжалась езда: две одноклассницы его — Жанна и Томка — словно бы застыли перед ним в каком-то фиксированном кинокадре, вместившем угол почты с большим синим ящиком, половину газетного киоска и половину скучного, зимнего дерева. И уже не пропадал этот кадр с Жанной Рыбак, разочарованно взглянувшей на него, на Вадика,— уже не пропадало это досадное видение ни тогда, когда конек шибче понес сани по улице Чапаева, ни потом, когда выехали на Вокзальную улицу... Как странно переменчивы люди! Вчера в тебе видели особенного человека и говорили, что ты красиво играешь в баскетбол и в хоккей, что ты хороший спортсмен, оттого у тебя и легкая такая походка, что ты талант, потому что заметки твои печатают в районной газете, а сегодня на тебя взглянули с разочарованием, как будто ты уже не тот, не тот! «Я не тот, за кого вы меня принимаете»,— сказал Дубровский»...

Он уж не слушал, о чем спрашивала Дуня, он даже спокойно отдал вожжи, когда она отняла их у него и как бы немного потеснила плечом. А потом они подъехали к вокзалу, и не успела Дуня привязать конька к телеграфному столбу, как упал на них сверху простуженный чей-то голос. Задрав голову, разглядел Вадик монтера на столбе, и вот тут-то мгновенно прошла его досада, и он рассмеялся.

Они с Дуней долго смеялись. Вадик понимал, что конек не помешает монтеру слезть, и все-таки было смешно. И когда щеки устали смеяться и словно бы одеревенели, Вадик увлек Дуню на платформу. Тут много народу стояло, все напряженно глядели в одну сторону, а Вадик обратил взгляд на рельсы, на следы на снегу.

Когда-нибудь и он, Вадик, уедет, жизнь его будет увлекательно протекать в большом городе, и чтобы в той жизни все было возвышенно и не мелко — разговоры, встречи, дела... Чтобы все было очень по-настоящему!

А пока Вадику довелось удружить человеку, прибывшему из большого города. Люди, приехавшие на этом пассажирском поезде, уже попали в руки, в объятия своих родственников, а этот парень, московский студент, недавний выпускник их школы, сошел и сразу направился на привокзальную площадь. И когда увидел Вадик, как невыспавшийся, бледнолицый студент прижимает к ноге чемодан тем боком, который был особенно истерт, исцарапан, он тут же оказался подле студента и предложил подвезти: ведь они почти соседи, живут на близлежащих улицах и — «вы, конечно же, меня не помните, а я вас помню, хорошо помню, вы из нашей четвертой школы».

Но и студент помнил его, да, помнил, но только говорил он это бесстрастно и сидел в санях тоже безучастно, никак не поражаясь этому старинному транспорту. Вадик объяснял это все тем, что студент где-то на третьей полке вагона ехал, а теперь поругивает себя, что в экзаменационной горячке не предупредил родных письмом о приезде, на телеграмму же не хватило, и вот нате вам — на санях доставляют бедного студента. Он спрашивал у студента, ну, как там жизнь в Москве, а студент как-то удивленно повторял его слова: «Ну, как там жизнь в Москве?» — словно сам спрашивал у него, и Вадик понимал, что никакой московской жизни еще не испробовал этот бледнолицый студент с чемоданом, лежащим у ног и повернутым к свету своим лучшим, выгодным боком, что самого интересного для себя он ждет здесь, в городке, в школе, на вечере бывших выпускников. И все-таки парень был из Москвы, был непонятен, загадочен.

О нем, о загадочном москвиче, Вадик продолжал думать и потом, уже сидя дома, за обеденным столом. Когда он взглядывал на Дуню, то словно бы угадывал, что она тоже размышляет о москвиче, о большом городе, о неизведанной жизни, которая начнется еще не скоро, и как там все будет неожиданно и прекрасно, в той неизведанной студенческой жизни. Словно бы особая связь установилась меж ним и Дуней после этого катания в санях, и ему казалось, что она видит сейчас то же самое, что и он. Сейчас были удивительные минуты совсем родственной близости, распахнутости, Вадик жил одним настроением с Дуней. Вот он представил вновь вокзальную площадь, телеграфный столб, к которому привязали конька, и монтера на столбе, у самых чашек, и про себя произнес: «А ботинки у монтера на медных гвоздях. Снизу хорошо видно. И белые шерстяные носки». Дуня будто бы подхватила этот безмолвный разговор: «Какие у него когти на башмаках! По всему столбу

белые царапины от них...» И оба заулыбались...

А Дуню не оставляли в покое ни мать, ни отец, все ей чего-то предлагали, все старались коснуться ее загрубевших рук, погладить по плечам, на которые накинула она белый вязаный платок, все заглядывали ей в румяное лицо. Она же опускала глаза, вспыхивала еще ярче, глаза становились лиловыми, и она роняла:

— Ну что вы, дядя! Спасибо, тетя!

Затем, подойдя к окну и глядя на свет, отчего глаза ее вновь стали слегка шальными, она сказала с каким-то тихим ликованием:

— Такой день — ну чего дома сидеть?

А Вадик понял это по-своему, великодушно: что уже не на санях приглашает Дуня прокатиться в такой ослепительный день, а куда-нибудь сходить — в кино или так, по городу.

И когда они поспешили к кинотеатру и все же успели взять билет на последний дневной сеанс, Вадик вошел в непроветренный и неубранный зал с приятной надеждой увидеть занимательное зрелище, как бы забыть о себе и превратиться в другого человека, в того, кто понравится больше...

Места им попались неудачные, хотя и был экран недалеко. Впереди сидели взрослые, сидела женщина в серой каракулевой шляпке, похожей на полковничью папаху, и Вадик с тоской взглянул на балкон.

О балконе этого единственного в городе кинотеатра! Он был презираем взрослыми, балкон, и туда ходили мальчишки самой «шумной» в городе Ивановской улицы, и во время сеанса оттуда неслись хохот, свист, улюлюканье, иногда слетала чья-нибудь ушанка, и Вадик мучился стыдом за этот позорящий город балкон. Вадик побаивался его, как заразы, но вот теперь, когда он понял, что им с Дуней все время придется вытягивать шеи, и когда увидел, что на балконе почти никого нет, лишь несколько присмиревших до поры фигурок,— он захотел туда, на этот неблагополучный балкон. И Дуня тоже внимательно посмотрела вверх. Он понял — ей было бы удобнее там, она бы сверху разглядывала людей.

И главное: еще не поздно было перебраться.

В жизни с Вадиком нередко происходило, что он вдруг чувствовал на себе чей-то взгляд... Обернувшись резко, как делал это всегда в таких случаях, он увидел за собою, в следующем ряду, Жанну Рыбак, Томку Борисенок и учительницу биологии с ними. Ему не понравилось их откровенное любопытство, их согласное молчание, их словно бы обиженный вид.

И когда он снова обернулся, то уж заметил, что

По Советской, по самой главной улице, они катили мимо двухэтажных каменных зданий охристого цвета.

Жанна презрительно щурит глаза. Все это было фальшиво, а на самом деле она хотела узнать, кто такая Дуня, и, может, заговорить с ней.

Нет, лучше на балкон, лишь там — свобода!

Он снова поглядел туда и встретился взглядом с завидующими глазами Сереги Баранова, дружка, и щедро улыбнулся ему. Серега кивнул без улыбки, и Вадик догадался, что дружок не хочет уронить свое достоинство, а еще подумал Вадик, что если он сейчас не поднимется наверх, то это будет как предательство, потому что Серега там один, Серега в досаде. Точно предвосхитил Вадик то близкое время, когда захочется им с Серегой сидеть на балконе вдвоем, поглядывать на экран, а больше вести особый, мужской разговор и облегчать душу от первых разочарований. Да и так естественно встать и подняться наверх, пускай даже и упасть при этом в чьих-то глазах, но зато досадить сегодняшней, неискренней Жанне!

И как только Дуня спросила:

— А нас туда пустят? — Вадик тотчас же увлек ее за собой.

Едва взобрались, тотчас же наступила ночь, ударил луч прожектора, высветив почти нереальную, безнадежно старомодную жизнь. Послышались изысканные обороты светской речи, которые произносились вежливо и надменно непривычными людьми в таких сюртуках и панталонах, точно сюртуки и в особенности панталоны были неотделимы от тела. Начался фильм-спектакль. В тот год один за другим выпускались фильмы-спектакли. Вадик любил их за превосходную игру знаменитых актеров, за красоту движений и слов, за блеск ума и порой потрясающую душевную уязвимость положительных героев. Он страдал вместе с этими добрыми и неприспособленными натурами и вместе с ними, казалось, обретал нечто возвышенное, благородное и все это выражал высоким, подобающим происходящему слогом: «Душа точно дождем омыта. Да, сударь Вадик Корсаков...»

Теперь же, когда они сидели рядом с Серегой Барановым, Вадик чувствовал, что и остальных касается какая-то просветленность, и хорошо было это знать, хорошо было замечать, как в особенные моменты экранной жизни Серега поворачивал к нему лицо. Выражения глаз Сереги не было видно, и Серега вздыхал, как бы делился с ним переживанием.

А Вадик — он уже не был Вадиком Корсаковым, он уже воплотился в кого-то. И ничто ему не мешало, все было тихо на балконе и ничего капризного здесь не происходило — может, оттого, что звук не пропадал, а может, влияла как-то на немногочисленных приверженцев балкона покоряющая экранная жизнь...

Все тем же иным человеком стал сходить Вадик с балкона. Свет в зале явил словно бы заспанные лица зрителей, и зрители стали тесниться к выходу,

отчего-то стесняясь глядеть друг другу в глаза, будто стыдясь самих себя.

А фильм все-таки сотворил что-то со всеми людьми, не только с Вадиком. Когда они втроем вышли на вечерний воздух, то Вадик обратил внимание, что на той стороне улицы стоят Жанна Рыбак и Томка Борисенок и кого-то ищут, ищут в толпе. Но вот обе заметили их и как бы обрадовались, как бы поманили к себе, и Вадик поразился, насколько непохожа на ту, неискреннюю, недавнюю, стала Жанна, насколько лучше она была.

Что-то сотворил со всеми этот фильм, и вовсе не тягостным оказалось подойти к подружкам, поздороваться, заговорить, познакомить с Дуней, и заметить, как счастливо взглянула на него Жанна, когда он обмолвился, что Дуня родственница и что она одна приехала на рыжем коне.

Они тут же стали наперебой восторгаться, стали просить показать им рыжего коня, и вот уже направились к Вадикиному дому. Вадик обернулся, поискал взглядом Серегу, но того уже не было, уже исчез дружок, и Вадик побрел один, на полшага отставая от Жанны, которой сейчас, в первую минуту, нравилось очень касаться Дуни, дотрагиваться до ее кожушка.

В дом, конечно, Жанна с Томкой не зашли. Сразу поспешили к саням, как-то бережно присаживались на их край, брали в руки сено, вдыхали запах лета, радостное что-то и однообразно-восторженное говорили в сумерках, а потом Жанна встала против конька на расстоянии вытянутой руки, попыталась погладить, и конек так знакомо повел мордой в сторону.

И когда подружки забрались в сани, подогнув ноги, и Дуня стала разворачивать конька, Вадик почувствовал, уловил, как хотели бы девчонки прокатиться в санях без него, что-то свое, девчоночье, выпытать у Дуни. И он, махнув рукой, поглядел куда-то поверх медленно удаляющихся саней, на вечерний дым из труб, густой, как чернила, и пошел домой.

Конек стоял во дворе, а на желтых от комнатного света занавесках темно отражались головы с косичками.

Это катание в санях, этот бег конька по городу, эта непредвиденная потеха так украсили нынешний день...

Вадик словно бы еще сейчас ощущал в груди тот свежий воздух, которого он наглотался днем. Он представлял, как Жанна льнет в санях к Дуниному кожушку, как замирает, когда сани вдруг оскальзываются и точно сносятся вбок течением. Ну, конечно же, Дуня не успеет сегодня в свою лесную деревеньку, задержат ее новые подружки, которые будут влюбленно глядеть на нее и все находить сходство с ним, с Вадиком, хотя этого сходства вовсе нет.

Он подумал, что в сумерках им не придется долго разъезжать, что они, должно быть, остановятся по пути у того дома за почтой, где живет Жанна. И он вышел, побрел, глядя себе под ноги и уже не различая следа полозьев.

Вскоре он миновал почту с ярко освещенными окнами, оказался у дома, где жила Жанна, и нажал ручку калитки — какую-то старинную, в форме змеиной головы; он помнил, что очень мудрое и одновременно плотоядное было выражение у этой железной змеи.

Конек стоял во дворе, а на желтых от комнатного света занавесках темно отражались головы с косичками, и, когда Вадик шагнул к окну, он услышал веселую речь.

И вот тут-то нынешний день обрел для Вадика знаменательную очерченность. День был ослепителен, были крыши белы от снега, и ничего особенного как будто не произошло, лишь приехала Дуня, прокатились они с нею в санях, побывали на станции, позабавил их монтер, удивил московский студент, потом было кино, была непонятная отчужденность Жанны, вдруг прорвавшаяся искренним дружелюбием. И все это, обычное, должное, вбирала в себя душа и как бы делала Вадика взрослее и чище. И так хорошо было подумать о том, что это очарование январского дня было способно лишить его, Вадика, каких-то предубеждений, чего-то неестественного и что Жанна Рыбак в этот день тоже была искренней, такой, как всегда.

Он, все глядя на желтое окно с подвижными тенями на занавеске, отошел к саням и, сев в них, принялся разгребать сено, чтоб удобней было ждать. И тут неожиданно его рука нащупала большое забытое яблоко.

И он уже голой рукой держал это яблоко, ощущая его вес, его прохладную тяжесть. Это яблоко он пожалел бы отдавать кому-то и сам не хотел есть, губить его: такое прекрасное, законченное было оно, и в мире, наверное, еще ни одно не удавалось совершеннее, чем это.

Сейчас он еще не знал, что когда-нибудь потом, в зрелые годы, вспоминая ту пору, которая несла нежной душе столько очарований, он особенно часто будет видеть скромный праздник зимы, катание в санях по городку и вечернюю находку — расписное крепкое холодное яблоко, лучше которого уже не придется увидеть, сколько бы ни жил и ни радовался жизни. И тогда, в зрелые годы, он поймет, что уже в юности разглядел всю красу этого мира, хотя никуда, ни в какие края, ни в какие иные страны не уезжал, а лишь проехался в санях по январскому городку и в санях же, завернувших во двор одноклассницы, нашел бесподобное яблоко, прекрасное даже и в сумерках.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составь предложение со словом «перевязать»!
Ученик: Я порезался кухонным ножом и перевязал его...

Валера Демиденко,
Коля Серышев.
г. Караганда.

* * *

Учитель: Итак, что мы делали сегодня на уроке?
Ученик: Распрягали глаголы!!

Андрей Сычев,
г. Воронеж.

* * *

Учитель: Придумай предложение с фразеологическим оборотом «Как снег на голову»!
Ученик: Как снег на голову мне на голову упал снег...

Андрей Пашин,
Куйбышевская область.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Как люди узнали, что земля круглая?
Ученик: Посмотрели на глобус!!

Света Трикина,
Наташа Протопопова,
Кашкадарьинская область.

* * *

Учитель: Какова плотность населения в Австралии?
Ученик: Девять квадратных человек на один километр!!

Саша Потехин,
г. Калинин.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Чем защищается от нападения дикий кабан?
Ученик: Кабан защищается лапами, у него на лапах — острые клыки...

Юрий Томаровский,
г. Лениногорск.

* * *

Учитель: Как зимуют разные животные и птицы?
Ученик: Медведи зимуют в берлогах, а птицы и черепахи улетают в теплые края...

Валерий Сизов,
Красноярский край.

Из школьных сочинений

«У девушки было сутулое лицо и черные волосы с длинными ногами».

«Во дворе росла черемуха, вся усыпанная спелой вишней...»

«Сергей бросил палку в кота и, замяукав, скрылся в кустах...»

«Он лежал, положив локти на руки...»

«Пудель бежал, свесив язык, подстриженный наподобие льва...»

«Перед ним, сидя на коне, стоял Коля...»

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Константин Паустовский

(1892—1968)

Константин Георгиевич Паустовский — один из самых известных советских писателей. Нет года, когда бы не выходили его книги. И о нем самом написано немало книг, создаются музеи Паустовского, а в маленький город Тарусу, где он жил и похоронен, приезжают тысячи его читателей.

Я помню его первые появления в детской редакции издательства «Молодая гвардия» в конце двадцатых годов. Худощавый, быстрый, с веселыми глазами за стеклами очков, он был у нас самым желанным гостем. Из всех комнат сбегались послушать его рассказы. А рассказчик Константин Георгиевич был замечательный: где он только не побывал, кем только не работал! Работал санитаром, кондуктором трамвая, журналистом в газетах множества городов. Он был свидетелем важнейших в нашей истории событий. И недаром книги его воспоминаний носят названия: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий»...

А начинал Паустовский да и продолжал как детский писатель! Он писал рассказы для совсем маленьких детей: «Заячье лето», «Кот-ворюга», «Летние дни». И писал книги для школьников разных возрастов.

Совсем уж немолодой и не очень-то здоровый, Константин Георгиевич был легок на подъем, любил ездить, не боясь никаких путевых неудобств и лишений. Когда в стране началась первая пятилетка, он поехал в Туркмению, в знойную пустыню, где у залива Кара-Бугаз строился большой завод. Он приехал оттуда загорелый, возбужденный, полный огромных впечатлений. И написал ставшую знаменитой книгу «Кара-Бугаз». Сразу же уехал снова — на этот раз на грузинское побережье Черного моря, где осушали болотистую, заросшую непроходимым лесом и кустарником нездоровую землю, чтобы превратить ее в огромный цитрусовый сад. А вернувшись, написал книгу «Колхида».

Но самым любимым местом на земле для него была наша среднерусская земля. Паустовский писал: «Я не знаю ничего более близкого мне, чем наши простые русские люди, и ничего более прекрасного, чем наша земля... Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашел в лесном Мещерском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряженного труда». Именно Средней России посвящено большинство произведений Паустовского: «Мещерская сторона», «Повесть о лесах», «Во глубине России», «Ильинский омут» и много, много других.

В каждом настоящем писателе всегда живет учитель. Потому что, если его книги ничему хорошему не могут научить читателя, то в чем же смысл писательской работы? Но Константин Георгиевич Паустовский был еще учителем и по складу своего характера. Он сам всему постоянно учился и стремился узнать как можно больше. Он писал: «Истинное счастье — это, прежде всего, удел знающих, удел ищущих...» В его книгах — сплав литературы, истории, географии, естественных наук, кораблевождения, поэзии...

Паустовский был учителем и в литературе, особенно литературе для детей. Он много выступал в печати, на собраниях, стремясь, чтобы в детских книгах всегда присутствовали подлинная правда, благородство чувств, поэзия природы и искусства. Он любил музыку — и писал о Чайковском, Моцарте, Григе; любил живопись — и писал о Левитане, Кипренском, Шевченко; любил литературу — и написал много книг о замечательных писателях — русских и мировых.

Есть писатели, которые оказывают огромное влияние на литературу не только своим творчеством, но и своей личностью. Таким был в советской литературе Константин Паустовский. Он вел в Литературном институте имени Горького семинар. И из этого семинара вышло много известных советских писателей. Но учителем своим Паустовского считали и писатели, никогда в его литинститутском семинаре не занимавшиеся. Они ему посылали свои первые произведения, получали от него внимательные и добрые советы. И многие писатели — и начинающие, и уже достаточно известные,— когда писали свои книги, с волнением думали: а что об этом скажет Константин Георгиевич?

Пушкин считал главным счастьем писателя, если к нему «не зарастет народная тропа». Не зарастет народная тропа ко всему, что создал Паустовский.

Лев РАЗГОН

По предложению Светы КАРПАНОВОЙ в рубрике «Писатели нашего детства» после рассказа о писателе теперь будут печататься его произведения.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Грач в троллейбусе

Была еще та ранняя весна, когда о приближении тепла можно догадаться только по едва заметным признакам — по туману на московских улицах, по каплям этого тумана, стекающим с черных веток недавно посаженных лип, и по рыхлому ветру. От него оседает и становится ноздреватым снег. Но этот последний признак, пожалуй, к Москве не относится. Снег в Москве к концу марта остается только в некоторых дворах, а на теплом асфальте его уже давно нет. Зиму в Москве собирают маши-

нами-конвейерами на самосвалы и вывозят без остатка за город.

Тот случай, о каком я хочу рассказать, произошел в троллейбусе номер пять.

Москвичи, как известно, в троллейбусах и автобусах разговаривают мало, а больше читают. И в том троллейбусе номер пять, который отошел от остановки на Театральном проезде, тоже было обычное настроение. Но вдруг кондукторша крикнула:

— Погодите! Что же это такое?

— Это грач,— испуганно сказала девочка лет восьми.

Грач сидел, угревшись, под пальто на груди у девочки и только на минуту высунул из-под пальто свой нос. Но этого было достаточно, чтобы бдительная кондукторша заметила в троллейбусе птицу, запрещенную к перевозке.

— Если его нельзя везти, так я слезу,— сказала девочка и покраснела.

— Что ты, дочка! — воскликнула кондукторша, перестала давать билеты и протиснулась к девочке.— Сиди, не беспокойся. Ой, какая птаха хорошая! Что это? Неужели грач?

Грач осмелел и выглянул. Кондукторша осторожно погладила его пальцем по точеной головке и засмеялась.

— Не бойтесь, он не кусается,— сказала девочка и вся засияла.— Он очень серьезный, но добрый.

— Какой же это грач,— сказал старик с картонной папкой,— когда это скворец.

— А вы, гражданин, если не знаете облика птиц, так и не утверждайте,— ответил пожилой человек в форме железнодорожника.

— Где нам в Москве знать про птиц,— вздохнула старуха в платке.— Нам что грач, что скворец, что воробей или стриж — все равно.

Пассажиры начали вставать, тесниться около девочки. Каждый пытался погладить грача. Грач гладить себя давал, но посматривал на всех презрительно и высокомерно.

Сквозь толпу с трудом продирался от выходной двери назад плотный суровый генерал.

— Куда это вы, товарищ генерал,— заметил худой юноша без кепки,— против течения?

— А я к грачу, молодой человек,— ответил генерал и повторил внушительным голосом: — К гра-чу!

Генерал протискался к девочке, взял у нее грача, подержал его на ладони, как бы взвешивая, возвратил девочке и сказал:

— Куда же ты его везешь?

— В Зоопарк. Там я его выпущу.

— У нас на реке Сейме,— неожиданно сказал молоденький лейтенант и почтительно посмотрел на генерала,— настоящее пернатое царство. Грач, конечно, птица умная и самостоятельная, но голоса у нее нет. А у нас — соловьи. Мировые соловьи. Весной наш край по ночам весь поет.

— Вы про профессора Мантейфеля слышали? — спросил генерал лейтенанта.

— Так точно, слышал, товарищ генерал!

— Каждую птичью повадку знает. И может объяснить. Ну, а насчет всяких колен, пересвистов, перезвонов, трелей, чохов и всей прочей птичьей музыки нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!

— Вы здесь сходите? — спросила генерала молодая женщина со смеющимися глазами.— Или остаетесь?

— Я на следующей остановке сойду,— ответил генерал, нисколько не смущаясь вопросом молодой женщины.— Подумаешь, важность — пройти два квартала обратно. Я, знаете, был свидетелем удивительной одной истории. Под Ленинградом во время войны. Весной это было. Прилетели скворцы и вьются, кричат над своими скворечнями. А скворечни, как на грех, в пустой полосе между нами и фашистами. Так те открыли по скворцам огонь из автоматов. Их, видите ли, беспокоил крик скворцов. Нервные попались молодчики. Тогда не выдержало у наших сердце. «Ах, так!» И открыли наши бойцы по фрицам такой огонь, что те мигом затихли.

— Вступились, значит, за скворцов,— сказала кондукторша.— Так я и подумала, как только вы начали рассказывать, товарищ генерал.

— А как же! Ведь скворец с древних времен сопутствует русскому человеку.

— Кондуктор! — крикнул сердитый голос.— Почему не даете билетов?

— Сейчас,— ответила недовольно кондукторша. Она все еще стояла около девочки и гладила грача по голове.— Сердца никакого нет у людей!

— А вы потише, гражданин,— сказала старуха недовольному пассажиру.

— Весна, значит, скоро,— вздохнул железнодорожник.— Черемуха зацветет. И полетят птицы над Россией, понесут свои песни.

— Ну, мне все-таки пора выходить,— сказал генерал.— До свидания, товарищи!

Все попрощались с генералом. Он вышел, чему-то улыбаясь, и так, улыбаясь, и пошел по улице к давно пропущенной остановке.

А пассажиры еще долго говорили о граче — предвестнике весны, о картине Саврасова «Грачи прилетели», о том, что Москва постепенно превращается в сад, где будет привольно всякой птице, и скоро весь город будет с утра до ночи звенеть от птичьего пения.

— Как это удивительно у нас получается,— сказал старик с картонной папкой.— Правительство заботится о благе людей, а от этого блага, глядишь, и перепадет кое-что даже певчим птахам.

— Так и должно получаться,— убежденно ответил худой юноша без кепки.

— Истинно так! — сказала старуха в платке.— Я это по себе знаю.

Но тут уже начинается другая история, которую я расскажу как-нибудь позже.

1953.

Сергей МАХОТИН

Поленница

Огонь в печи не ленится,
Дрова трещат, сгорая,
Но высока поленница
Под крышею сарая.

Она за лето выросла,
Уложенная ровно,
Пока мы вместе с дедушкой
Распиливали бревна.
Звенела черная пила,
Топор тяжелый эхал...

На зимние каникулы
Я к дедушке приехал.

Он бодро санки ладит.
Он весел и не болен.
И дров надолго хватит,
А там — опять наколем.

Дом со скрипучим крыльцом

Я не знаю,
За что полюбил этот лес,
Где однажды
На тополь высокий залез
И увидел луга,
Всю деревню и пруд,
Где мальчишки рыбачат
И утки плывут.

Я не знаю,
За что полюбил этот дом
С фотографией деда
Под желтым стеклом,
Со скрипучим крыльцом
И парным молоком,
С крикуном петухом
И лохматым щенком.

Ну, в лесу я с лукошком
Лисички искал,
Из пруда на уху
Карасей натаскал,
В доме бабушка,
Таз убирая с огня,
Земляничным вареньем
Кормила меня.

А еще я
С соседским мальчишкой
Дружил.
Только дело не в том,
Что я жил — не тужил.
Просто бабушкин дом,
Старый лес и река
Снятся мне.
Отчего —
Я не знаю пока...

Хоккей

Трибуны спартаковцев
«Шайбу!» кричали.
Трибуны армейцев
Угрюмо молчали.
Но вот нападающий нашего СКА
Обводит сперва одного игрока,
Второго обводит,
К воротам выходит
И четко победную шайбу проводит.

Трибуны ролями теперь поменялись.
Спартаковцы не ожидали броска.
Болельщики
Прыгали,
Пели,
Смеялись,
Махали плакатом «Да здравствует СКА!».

Мы с Вовкою часто ходить сюда будем.
Сезон впереди — ведь начало зимы.
Нам очень понравилось:
Взрослые люди
Ведут себя здесь
Совершенно, как мы!

Отъезд

Уезжают родители в город другой.
Раз родители — значит, и я.
Перевязаны вещи веревкой тугой.
Беготня.
Суета.
Толчея.

Подъезжает к подъезду большой грузовик,
Смяв гортензию бортом своим.
Вышел Вовка.
Шагает ко мне напрямик.
У ворот мы прощаемся с ним.

Успеваем поспорить,
где север, где юг,
Подурачиться, похохотать...
До свидания, двор!
До свидания, друг,—
Как мне будет тебя не хватать.

Рисунок А. БОРИСОВА.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»,— писал Пушкин. Если мы держим в памяти образ великого человека, созданный хорошим художником, как это оживляет и углубляет «самую занимательную науку»!.. Но и художник увлечен той же наукой: он следует за мыслями великого человека с кистью в руках, улавливая и исследуя его живой образ...

«Я узнал, что половина жизни моей перейдет в мой портрет, если только он будет сделан искусным живописцем».

Так говорит один из героев повести Гоголя «Портрет».

Гоголь напечатал повесть в сборнике «Арабески», но несколько лет спустя снова взялся за нее и многое в ней изменил. Слова о половине жизни, которая перейдет в портрет, остались в первой редакции; во второй, которую мы обычно читаем, та же мысль высказана несколько иначе и, пожалуй, еще увереннее: герой убежден, что «жизнь его сверхъестественною силою удержится в портрете»...

«Все знания, которыми ты обладаешь, даны тебе литературой; все понятия, суждения, правила, все, чем ты руководствуешься в жизни, все выработано ею»,— писал Салтыков-Щедрин.

Портреты писателей — это портреты самых дорогих наших собеседников, помогающих нам познавать самих себя, законы и тайны человеческого общения, дружбы, любви, указывающих высокие идеалы, открывающих глубокий смысл таких слов, как Свобода, Справедливость, Отечество, Мир.

Писатель на хорошем портрете обычно «похож» на свои произведения. Да может ли быть иначе? Ведь искусный живописец добирается до глубины души писателя, постигает все, что заставляет его радоваться и страдать, что составляет смысл его жизни и побуждает браться за перо, что оживает в создаваемых им образах,— и передает это в лице портрета. Трудясь над портретом, он непременно проникнется тем, что жаждет писатель сказать людям в своих книгах, выкажет к этому свое отношение. Так портрет по-своему помогает нам лучше понять творчество писателя.

Портрет писателя — эпизод (а иногда событие!) и в истории живописи, и в истории литературы. Живопись и литература встречаются в портрете писателя — это счастливые встречи!

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

„На тебя устремлены глаза России“

„Укажите нам его!..“

Никто из нас не в силах припомнить, когда увидел впервые лицо Пушкина: мы начинаем жизнь в окружении пушкинских портретов, нам кажется, мы всегда знали его неповторимый облик. А люди, которые жили в одно время с поэтом, твердили, как клятву, оду «Вольность», послание «К Чаадаеву», нетерпеливо ждали новых песен «Руслана и Людмилы», позже — глав «Онегина», люди, ходившие с Пушкиным под одним небом, по одному городу, по одним улицам, могли встретить Пушкина и пройти мимо, не угадать: **он.**

В начале сентября 1826 года Пушкина по высочайшему повелению привозят из села Михайловского в Москву. Имя Пушкина повторяется в каком-то общем гуле, все внимание, все взоры обращены к нему. Очевидец московского уличного гулянья свидетельствует: «Толпы народа ходили за славным певцом Эльборуса и Бахчисарая, при восхищениях с разных сторон: «Укажите, укажите нам его!»

Однако: такая громкая слава — и вдруг «укажите нам его!»

В самом деле: фотография не изобретена, первый простейший фотографический снимок, дагерротип, появится уже после смерти Пушкина. Портреты? Но за шесть лет ссылки ни в Кишиневе, ни в Одессе, ни тем более в деревне, в Михайловском, никто из художников, кажется, Пушкина не рисовал.

В 1822 году впервые напечатана поэма «Кавказский пленник». К ней приложен портрет автора, гравированный мастером Егором Гейтманом. Рисунок, с которого сделана гравюра, исполнен, видимо, еще до ссылки Пушкина. Поэт Николай Иванович Гнедич, взявший на себя труд по изданию «Кавказского пленника», объявлял в примечании: «Издате-

ли присовокупляют портрет автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным». Один из тогдашних журналов нашел портрет «весьма похожим», сам же Пушкин — он в это время в Кишиневе — едва получил экземпляры поэмы, откликается в письме к Гнедичу (по ошибке именуя гравюру «литографией»): «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли...» Нет, кажется, все же не очень похож — в том же письме, касаясь нового издания сочинений, решительно просит не печатать при них портрета: «Если на то нужно мое согласие — то я не согласен».

Тайны гейтмановской гравюры не разгаданы и поныне. Спорят даже о возрасте изображенного на ней поэта. Двенадцати-тринадцатилетний мальчик или юноша, уже окончивший Лицей?.. Но главный вопрос: кто нарисовал портрет? Доказано — не сам гравер: он обычно работал по чужим рисункам. Называли автором лицейского учителя рисования Чирикова; пригляделись к другим его работам — трудно поверить, будто создал однажды такой портрет. После смерти Пушкина поэт и драматург Кукольник объявил в издававшейся им «Художественной газете»: «Сей портрет нарисован наизусть, без натуры, К. Б.». К. Б. — без сомнения, Карл Брюллов, творец «Последнего дня Помпеи». Кукольник — близкий его приятель: отчего б ему не поверить? Но если «наизусть», значит, Брюлов и Пушкин смолоду встречались. А по всем данным они познакомились менее чем за год до смерти Пушкина. Разве что Брюллов видел поэта, не будучи с ним знаком? Или рисунок Чирикова (либо кого другого), прежде чем отдать граверу, вручили талантливейшему из тогдашних молодых мастеров Карлу Брюллову, чтобы тот, как говорят художники, «прошел» его — поправил, улучшил, довел до совершенства?.. Поиски автора таинственного рисунка приводят и в мастерскую другого замечательного художника — Ореста Кипренского. Тут тоже есть свои «за» и «против». Уверенно написать под портретом: «По рисунку О. Кипренского» — пока не решаются.

Кто бы ни был автор рисунка, с которого делал гравюру Гейтман, важно другое: именно по этой гравюре до возвращения поэта из ссылки читатели представляли себе его лицо. Но внешность Пушкина с годами изменилась. «Ничего юношеского не было в этом лице»,— свидетельствует современник, увидевший поэта вскоре после его приезда в Москву. И старый приятель Пушкина тоже сразу замечает, что Александр Сергеевич «очень переменился и наружностью».

Тайны гейтмановской гравюры не разгаданы и поныне. Двенадцати-тринадцатилетний мальчик на ней изображен или юноша, уже окончивший Лицей?

Власть высокого таланта

Еще продолжаются коронационные торжества: парады, смотры, гулянья, фейерверки,— в ночном небе среди прочих нарисованных яркими огнями картин появляется изображение «горы поэтов Парнаса», дабы, по словам газеты, одушевить стихотворцев, долженствующих воспеть наступившее царствование. Но царствование Николая Первого уже о себе заявило: расправа над восставшими 14 декабря 1825 года, повсеместная власть жандармов, страх и уныние, овладевшие людьми. «Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений»,— четверть века спустя напишет об этом времени Герцен.

Начальник Третьего отделения, шеф корпуса жандармов Бенкендорф выговаривал поэту: «Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию...»

Пушкин читает в Москве «Бориса Годунова» — подлинный праздник, торжество ума, искусства, поэзии, вдохновения!

Первый пушкинист Анненков запишет со слов писателя и историка литературы Степана Петровича Шевырева, который в те осенние дни дважды слушал, как читает свою трагедию Пушкин: «Это был удивительный чтец: вдохновение так пленяло его, что за чтением «Бориса Годунова» он показался Шевыреву красавцем»...

А в самом деле, красив ли Пушкин?

Сопоставим два свидетельства (примечательно: оба принадлежат женщинам).

Первое: «Пушкин был очень красив».

Второе: «Я заметила проходившего А. С. Пушкина. Какой урод!»

О вкусах, конечно, не спорят. Но речь словно о двух разных людях. Или дело в том, что это свидетельства двух очень разных людей?

Одна из современниц поэта встречалась с ним,

когда он гостил у друзей в Тверской губернии. Перечитаем стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?». Какие прелестные, исполненные душевного движения строки:

...Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль в возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые и стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом...

Вот что проносится в памяти у той, для которой Пушкин навсегда остался «очень красив».

Другая — фрейлина императрицы — заносит свое суждение в дневник после придворного бала, где она собирала светские сплетни, прислушивалась к болтовне недругов поэта, «восхищенно любовалась г-жою Пушкиной», жадно разглядывала Дантеса, поражаясь дерзости, с какой он не желал скрывать свою влюбленность. И тут же — «ревнивец» Пушкин: «Какой урод!» (Через несколько дней, когда поэту останется жить меньше суток, императрица, узнав о дуэли, запишет в дневнике: Дантес «вел себя, как бедный рыцарь», Пушкин — «как грубиян».)

...Сам Пушкин невысоко ценил свою внешность.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?..—

обращается он в стихах к английскому художнику Джорджу Дау (автор почти трехсот портретов генералов 1812 года для Военной галереи Зимнего дворца, Дау исполнил с натуры портрет Пушкина, до нас не дошедший).

Осенью 1835 года, когда случилось ему быть в своем Михайловском, Пушкин сообщает оттуда жене Наталье Николаевне: «Вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был».

«Хорош никогда не был»... Наталья Николаевна — красавица признанная; двумя годами раньше, в августе 1833-го, Пушкин пишет ей: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица»...

Дорогое признание! О нем нужно, необходимо помнить, размышляя об отношении Пушкина к человеческой красоте и о красоте самого Пушкина. «Душу твою люблю!..»

По отношению того или иного человека к Пушкину, по способности душу его увидеть, понять, полюбить мы можем судить о тех, кто встречался с поэтом.

Один «не заметил ничего особенного в его личности и в его манерах». Другой заметил то, что заметил бы всякий встречный: «курчавые, растрепанные темно-русые волосы», «нос несколько приплющенный, губы очень красные и широкие, а обнаруженные веселою улыбкою зубы — белизны необыкновенной». Третий о первой встрече с поэтом отозвался так: «В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения». Но этот третий не случайный знакомец, чье имя было бы забыто, не оставь он нескольких строк о Пушкине, этот третий — генерал Ермолов!

Московский скульптор желал бы исполнить портрет Пушкина — поэт отказывается. «Здесь хотят лепить мой бюст,— объясняет он жене. — Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие передано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности». Пушкин опасается, что внутренний огонь, горячая душа, преображающая его черты, не пробьется наружу сквозь каменную неподвижность скульптуры.

«Он был нехорош собой: смугловат, неправильные черты лица, но нельзя было представить себе физиономии более выразительной, более оживленной, более говорящей и слышать более приятного, более гармонического голоса, будто нарочно созданного для стихов...»

«Почти каждое движение его было страстное, от избытка жизненной силы его существа...»

«Шутка, острое слово оживляли его электрическою искрою; он громко захохочет и обнаружит ряд белых, прекрасных зубов...»

«Даже во множестве нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей...»

Вот что, по мысли Пушкина, могло не преодолеть застывших черт мраморного изваяния — истукана, как тогда говорили.

«Я видела много его портретов, но ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика»,— рассказывает жена одного из ближайших друзей поэта, Павла Воиновича Нащокина.

Для памяти любящих

В начале 1827 года портрет Пушкина пишет замечательный московский художник Василий Андреевич Тропинин.

К этому времени торжества в Москве давно окончились, жизнь текла обыкновенная, будничная.

Царь с двором и многочисленной свитой возвратился в Петербург; Пушкин пока остается в Москве.

Впрочем, в первых числах ноября 1826 года он бросается обратно в свое Михайловское, где так томился недавно, откуда так настойчиво желал выбраться. Не случайно, должно быть, рождается в эти дни:

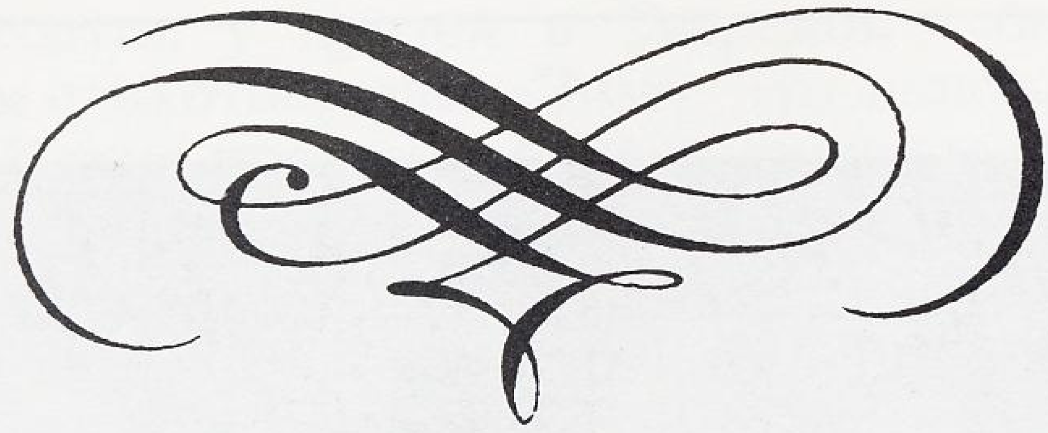
Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод...

И не случайно в разгар московской славы, среди криков восторга Пушкин, по свидетельству современников, нередко печален и мрачен, исполнен дурных предчувствий.

Не случайно, едва оказавшись в Михайловском после бурной праздничной «коронации поэта», он открывает рабочую тетрадь, которой два месяца не касался,— на чистом листе появляется изображение виселицы с пятью повешенными и строчка — «И я бы мог».

С душой встрепенувшейся, успокоенным и мужественным предстает Пушкин на тропининском портрете.

19 декабря Пушкин возвращается из деревни в Москву и поселяется у своего друга Сергея Александровича Соболевского. 26 декабря он прощается с Марией Николаевной Волконской, спешащей за мужем в сибирскую каторгу. «Тут был и Пушкин, наш великий поэт... — вспоминает последний московский вечер Волконская. — Во время добровольного изгнания в Сибирь жен декабристов он был полон искреннего восторга; он хотел мне поручить свое «Послание к узникам» для передачи сосланным, но я уехала в ту же ночь, и он его передал Александрине Муравьевой».

Пушкин «жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению», — отмечает в эту пору один из его приятелей. Похожих свидетельств множество. Дело, конечно, не в страстной, неровной, впечатлительной натуре поэта. Или не только в ней. Стройная, светлая, согласованная в мыслях и чувствах натура Пушкина не могла не соединять в себе и проницательного, а оттого часто горестного взгляда на мир, в котором ему суждено жить, и ясной веры в будущее, надежды, без которой немыслима жизнь. Послание «В Сибирь» исполнено этой надежды и веры: «Придет желанная пора...»

Может быть, уже в эти январские дни 1827 года затевается, начинается тропининский портрет.

...Когда они встречаются, Пушкину — двадцать восьмой год, Тропинину — пятьдесят первый. Художник родился крепостным, лишь на сорок восьмом году жизни Тропинина господин отпустил его на волю — Василий Андреевич уже всей России известный живописец. Тропинин живет тихо; его приглашают в Петербург, предлагают видные должности при императорской Академии художеств, чин, мундир — он отказывается решительно: «Все я был под началом, да опять придется подчиняться...» Он предпочитает Москву, жизнь тихую и спокойную: наемная квартирка, при ней маленькая мастерская — из окон прелестный вид на Кремль.

Скульптор Рамазанов, современник и собеседник Тропинина, рассказывает: «Тропинин написал портрет Александра Сергеевича Пушкина по его собственному желанию, для подарка г. Соболевскому... Соболевский хотел иметь портрет Пушкина домашнего, обыкновенного, каким он был всегда, непричесанного и неприглаженного... Заказчик желал, чтобы Пушкин был написан в его красивом халате, с длинным ногтем на большом пальце и с кольцом на другом. Пушкин ходил к Тропинину на улицу Ленивку...»

Тут самое важное, что портрет написан по **его** — то есть Пушкина — собственному желанию. Это подтверждает и Соболевский: «Портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память». Пушкин **сам хочет,** чтобы был написан его портрет, **сам выбирает** портретиста — именно Василия Андреевича Тропинина.

Бесспорно, Тропинин — лучший московский портретист. Но, наверно, не только это определяет выбор. Тропинин создал особенный тип своего, **тропининского** портрета; его привлекало именно то, что хотели сохранить в портрете Пушкин и Соболевский. «Портрет человека пишется для памяти ему близких людей, людей, его любящих», — объясняет свою задачу Тропинин. Люди на его портретах одеты в мягкие халаты, в рубахи, свободно расстегнутые у ворота. Живописец словно заглянул к ним с улицы в окно и застал в самом что ни на есть обыкновенном виде: один задумчиво наигрывает на гитаре, другой мечтает, подняв глаза от книги, третий занят будничной работой.

Пушкин хочет предстать на портрете перед другом в халате — Тропинин любит и умеет писать халаты: он делает это с таким одушевленным мастерством, что одежда под его кистью становится неотъемлемой частью изображенного человека. Он и сам, Василий Андреевич, любит ходить в халате; замышляя автопортрет, Тропинин изображает себя в халате на фоне Кремля. В этом есть даже нечто вызывающее, о чем тишайший Василий Андреевич и не помышляет, конечно. Но для Пушкина и его поколения халат не просто вольготная и удобная одежда: халат — противоположность чиновному или военному мундиру, признак независимости.

Наверно, Тропинин увидел Пушкина в халате и во время первого их свидания на квартире Соболевского, куда художник пришел, чтобы начать портрет. Рассказывают, что он застал поэта лежащим на полу и играющим со щенками.

„Как пробудившийся орёл"

Наверно, тогда же у Соболевского на прихваченном с собой небольшом деревянном прямоугольнике Тропинин делает подготовительный набросок — этюд — для будущего портрета. Это — первое впечатление художника, первая встреча Тропинина и Пушкина!

Нет, пока еще совсем не «гений» и даже, наверно, не «поэт»: Пушкин совершенно домашний, обыкновенный, «непричесанный, неприглаженный», — но все же вдруг откроется и пленит нас быстрый поворот головы, подвижная выразительность каждой черты лица, блеск светло-голубых, широко распахнутых, устремленных к какой-то значительной мысли глаз.

Трудно, невозможно предположить, что художник ни стихов, ни поэм Пушкина не читал, — читал и, должно быть, в сочинениях его, как и остальные современники (и потомки), находил немало для себя дорогого: в мыслях поэта, в образах, им созданных, в самом слове его. И, как всякий, глубоко, умом и сердцем постигающий Пушкина читатель, вряд ли не чувствовал он и особого, **собственного** душевного родства с поэтом. Но если бы Тропинин хотел показать людям только этого, **ему** душевно родственного Пушкина, то на портрете оказался бы лишь **его, тропининский** Пушкин. А замечательный портретист Василий Андреевич Тропинин знал и великого поэта, которого Москва «короновала» как русского Байрона и Шекспира, чье имя и впрямь стало «народной собственностью»; он ощущал высокое стремленье его дум, величие духа, непреклонность и терпенье, с которыми встречал поэт удары

судьбы. Он знал гения, беседовал с ним с глазу на глаз, о чем вспомнит годы спустя со счастливой гордостью...

Между этюдом и «главным» портретом был еще карандашный набросок: художник прокладывает путь от первого впечатления, как бы ни было оно сильно, к тому окончательному изображению, которое должно собрать и открыть зрителям все, что живет для них в имени, слове, понятии — **Пушкин.**

«Главный» портрет — не увеличенный в несколько раз этюд и не соединение этюда с карандашным наброском, наметившим композицию, построение будущего портрета. «Главный» портрет рождается в особом проницательном всматривании в того, кого пишешь, когда в каждой черточке лица, в каждом повороте, жесте угадываются особенные приметы души, когда художник обретает способность в каждом мазке, который, подхватив кистью с палитры, несет на холст, передавать частицу открывшегося ему **целого...**

В повороте головы остается глубокая задумчивость, но поворот величествен и горд, широко разворачиваются плечи, фигура поэта обретает уверенность и силу. Складки халата становятся широкими, свободными, плавными, как бы выявляя внутреннюю освобожденность поэта, его свободное дыхание. Слегка встрепанные завитки волос, свободный, расстегнутый ворот, небрежно повязанный шарф, не стягивающий шею, говорят и о будничной простоте, «домашности» Пушкина, и о вдохновении, внезапно его озарившем. В сосредоточенном взгляде угадывается уже не просто напряженная мысль, но мысль поэтическая. Правая рука поэта с перстнями на большом и указательном пальцах свободно лежит на столике. Тут же открытая книга. Зрителям тропининских портретов уже не раз приходилось видеть его героев, поднявших глаза от книги и предавшихся собственным мечтам. Но здесь не праздная мечтательность, здесь мечта творческая. Краски скупы, не пестрят, не рассеивают внимание. Всего ярче — вольный белый ворот рубахи: он тотчас привлекает взгляд зрителя к лицу поэта. В одежде сочетаются глубокий коричневый цвет с глубоким синим — цветá земли и неба.

Как далек этот человек на портрете — **Пушкин!** — от Пушкина, быстро и точно намеченного в этюде, от первого художнического впечатления, закрепленного на небольшой прямоугольной дощечке!..

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...

Тропинин всю жизнь будет вспоминать часы, которые провел «глаз на глаз с великим нашим поэтом». Дружеская беседа Пушкина высока и значительна: в ней тоже жило вдохновение, ощущалось это пробуждение орла. «Личность его довершала очаровательность его музы, в особенности, когда, бывало, беседуешь с ним наедине в его кабинете»,— вспоминает один из собеседников поэта. Петр Андреевич Вяземский, друг Пушкина, вспоминая его, будто пересказывает прозой стихи о встрепенувшейся душе поэта: «Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался».

Как пробудившийся орел!.. С душой встрепенувшейся, успокоенным и мужественным предстает Пушкин на тропининском портрете...

«Сходство портрета с подлинником поразительно»,— радуется писатель и критик Николай Алексеевич Полевой, издатель журнала «Московский телеграф», оповещая читателей о появлении написанного Тропининым портрета Пушкина. Но тут же прибавляет: «Впрочем, физиогномия Пушкина — столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее,— вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы **один** портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие».

Номер журнала, где будут напечатаны эти строки, выйдет в свет в те самые дни, когда начнется работа над новым портретом поэта.

„Будь Поэт и Гражданин“

...Впервые после ссылки Пушкин приезжает в Петербург 24 мая 1827 года.

16 июля 1827 года, почти день в день первой годовщины казни декабристов, написан «Арион» — Пушкин определяет свое место в движении: «Пловцам я пел...»

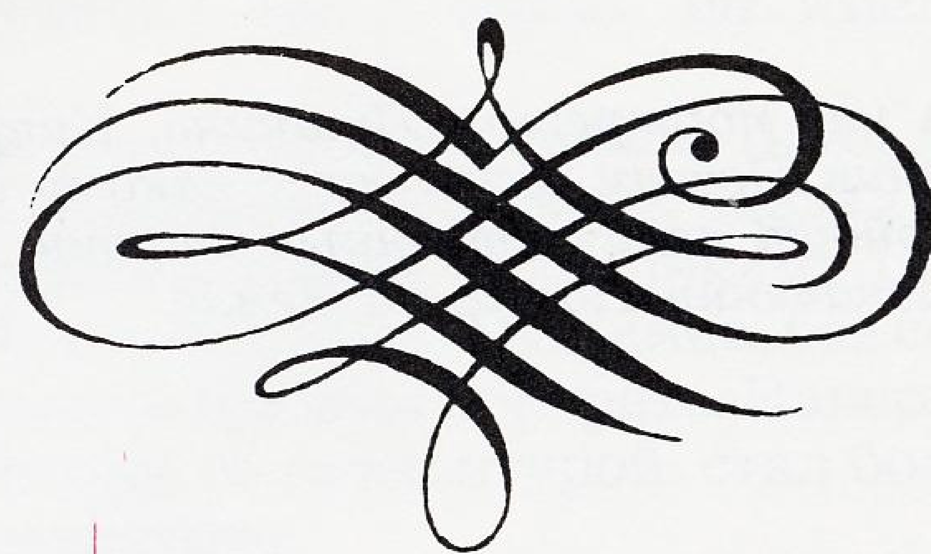
Днем раньше, 15 июля, знакомый поэта отмечает: «С Пушкина списал Кипренский портрет необычайно похожий».

В 1823 году Кипренский возвратился из Италии, куда послан был, как водилось, совершенствоваться в искусстве и где прожил почти семь лет. Командировку предоставили ему в свое время как даровитейшему из молодых художников, но европейские войны, а после — война Отечественная долго не позволяли ему отправиться в путь: он поехал в Италию уже зрелым и прославленным у себя на родине мастером.

Он покинул Россию взбудораженную, вдохновленную 1812 годом, когда каждый русский чувствовал себя, по словам Кутузова, спасителем Отечества,— отсвет эпохи лежал на его полотнах.

В Италии Кипренский не столько удивлялся, сколько удивлял: давний портрет, им написанный, на выставке принимали за работу Рубенса или Рембрандта; скоро и на «родине искусств», как называли Италию, слава Кипренского оказалась столь велика, что его почтительно просили исполнить автопортрет для знаменитейшей галереи Уффици — такой чести прежде не удостаивался ни один русский художник.

Казалось, на родине Кипренского должны были встретить восторгами. Но этого не произошло. Живописец Александр Иванов, будущий создатель картины «Явление Христа народу», объяснял: «Кипренский не был никогда ничем отличен, ничем никогда жалован от двора, и все это потому только, что он был слишком благороден и горд, чтобы искать этого».

Работая над портретом Пушкина, Кипренский открывает людям образ Гения Поэзии. Вряд ли к какому другому изображению Пушкина так подойдут величественные строки «Памятника» — о предназначении Поэта на Земле.

Прислушиваясь к «мнению света», начальство императорской Академии художеств объявило Кипренскому, что, поскольку он не служит, «квартиры и стола» ему не положено. Академическое начальство распространяло сплетни о лени художника, о его нестерпимом высокомерии, о падении его таланта.

Молодой богач Шереметев предоставил Кипренскому помещение в своем громадном доме. Художник сделал большой парадный портрет Шереметева — написал его во весь рост, в блестящей форме офицера-кавалергарда; за спиной Шереметева одна за другой открываются комнаты его дома-дворца, как бы заполненные холодной пустотой.

Особенно тягостной сделалась петербургская жизнь Кипренского после 14 декабря 1825 года. Среди тех, кто был в тот день на Сенатской площади, оказалось немало добрых знакомых живописца; главное же — это были люди благородных стремлений, безукоризненной чести, беспримерной храбрости, это были «дети 1812 года», как назвал декабристов участник восстания Матвей Муравьев-Апостол, это было поколение, запечатленное на холстах Кипренского, в лучших его портретах.

Пушкин был из тех людей, по которым истосковалась кисть живописца, душа его. Возле Пушкина дышалось полной грудью, несмотря на разреженный воздух казенного, николаевского Петербурга, в котором остро не хватало живительного кислорода. В Пушкине оживало для Кипренского прошлое: друзья поэта — Жуковский, Батюшков, Крылов, Гнедич — и его давние друзья. Но Пушкин воспламенял и великие надежды на будущее: он был воплощение бессмертия, живое воплощение Искусства.

Меньше чем за месяц до восстания Рылеев, тоже приятель Кипренского, писал Пушкину в Михайловское: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и Гражданин». В пору, когда многие старались отказаться от себя и стать «как все», подавляли в себе лучшие душевные порывы и прятали глаза, чтобы блеск их не выдал этих порывов души, перед Кипренским оказался человек, который в каждом слове, каждом взгляде, каждой черточке своей оставался самим собою — Поэтом, Гражданином, Пушкиным.

„И виждь, и внемли..“

Новый портрет поэта, как и московский, тропининский, создавался тоже «для памяти любящих». К Кипренскому привел Пушкина друг поэта Дельвиг, тоже поэт, издатель альманаха «Северные цветы». Дельвиг живо интересовался изящными искусствами — так именовали тогда живопись, ваяние и зодчество. «Художников друг и советник» — назовет его Пушкин.

Наверно, «советник» художников Дельвиг обсуждает с Кипренским мысль будущего портрета. Он заказывает портрет **для себя** — и вместе **для всех,** любящих Пушкина.

Кипренский, окончив портрет, скажет, что изобразил Гения Поэзии.

До пушкинского стихотворения про Поэта, человека со встрепенувшейся душой, совсем рукой подать — в рукописи под стихами дата: «15 августа 1827». «И звуков и смятенья полн»,— скажет Пушкин о Поэте в минуты вдохновения. Стихотворение он напишет у себя в Михайловском, куда уедет, расставшись с Кипренским. Там же, в деревне, он набросает коротко некоторые свои раздумья о поэтическом творчестве. «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных,— выводит он. — Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».

Живо схватывать впечатления мало — надо соображать понятия и объяснять их. Для большинства читателей, да и собратий по перу, вдохновение, как сказано о Ленском,— «горячка юных лет, и юный жар, и юный бред». Пушкин с необыкновенной смелостью, дерзостью даже, ставит рядом поэзию и геометрию. Не следует смешивать вдохновение с восторгом, объясняет он: «восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного»; чтобы создать истинно великое произведение, необходима сила ума.

Работая над портретом поэта Пушкина, Кипренский открывает людям образ Гения Поэзии, наиболее полно в Пушкине воплотившегося. Это портрет человека, не бредом и жаром восторга охваченного, но озаренного тем высоким творческим вдохновением, о котором размышлял Пушкин.

Пушкин писал, что сила ума нужна художнику, чтобы с точностью и совершенством расположить части произведения в их отношении к целому. Каждая подробность портрета, созданного Кипренским, значительна, каждая необходима для рождения цельного образа. Но Кипренский, конечно, осознавал, чувствовал, как много могут сказать глаза Пушкина, в которых, по словам одного из друзей поэта, «отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душою».

«И виждь, и внемли»,— взывает «бога глас» к Поэту в пушкинском «Пророке». «Внимать» первоначально означало «слушать», но со временем смысл слова расширился: «жадно поглощать слухом, усваивать себе слышанное, устремлять на это мысли и волю свою»,— толкует слово Даль, друг Пушкина, в своем знаменитом Словаре. Глаза Пушкина на портрете Кипренского видят и внимают. В них — способность живо и жадно схватывать впечатления и вместе напряженная, глубокая работа ума.

Лицо Пушкина спокойно, но не бесстрастно. В лице, в повороте головы, в неподвижности плеч, в руках, крепко скрещенных на груди, передано скрытое волнение, встревоженность, поиски решений, бездна переживаемых Поэтом дум и чувств. Наружная сдержанность выявляет внутренний огонь, опаливший Поэта.

Есть достоверные свидетельства, что поначалу на холсте не было бронзовой фигуры Музы, богини— покровительницы Поэзии, с лирой в руке стоящей справа за плечом Поэта. Когда работа была окончена, друзья Пушкина просили художника дополнить портрет изображением Гения Поэзии. Они имели в виду изваяние Музы. «Но я уже изобразил Гения Поэзии»,— отвечал Кипренский: он имел в виду **Пушкина.**

И все-таки он уступил просьбам. Вряд ли требовательный и серьезный художник сделал это лишь для того, чтобы угодить заказчикам. Появление бронзовой Музы за плечом Пушкина, без сомнения, что-то изменило в готовом портрете. Наверно, образ Поэта, сопрягаясь со скульптурой, стал более величествен, скульптурен.

Блеск ясных глаз, непослушные волосы, словно тронутые пролетевшим ветром, луч света, озаривший большой красивый лоб, клетчатый плащ, небрежно переброшенный через плечо, выдают внутреннюю взволнованность Пушкина, делают образ его подвижным, незастылым. Но вряд ли к какому другому изображению Пушкина так подходят величественные строки «Памятника» — о предназначении Поэта на Земле.

„Пора, мой друг, пора!..“

Год 1836, февраль вьюжит, последний пушкинский февраль.

В одной из черновых рукописей — автопортрет: усталые, глядящие вниз глаза под удивленно поднятыми бровями, старческая складка губ, в каждой черточке стариковского лица (а ведь тридцать шесть лет всего!) — тоска, безнадежность, печаль...

Но последний год начинается для Пушкина не только мечтой о побеге, не только унылым «стариковским» автопортретом — он деятельно принимается за издание собственного журнала «Современник», обдумывает новые творения, хохочет над «Ревизором», только что Гоголем законченным, способствует постановке комедии. Сила жизни в Пушкине необыкновенная!..

Двор, власти, «свет» не оставляют Пушкина до последнего его часа, разят безжалостно, травят, то изощренно, то грубо, упрямо толкают к страшной развязке. А он порой, не в силах сдержать гнева, усталости, отчаяния, торопит развязку, сам делает шаг к роковой черте.

Наблюдательный писатель Соллогуб очень точно понял, что история с Дантесом не причина гибели поэта — печальный, неизбежный исход долгой и тяжелой борьбы. «Пушкин был до крайности несчастлив, и главное его несчастие заключалось в том, что он жил в Петербурге и жил светской жизнью, его убившей»,— выводит Соллогуб. Встречаясь с Пушкиным в «свете», Соллогуб видел, «как развивались в нем чувства тревоги, томления, досады и бессилия против удушливой светской сферы», как месяц за месяцем зрело «его взрывочное возмущение против судьбы». «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» — нет на свете для Пушкина ни покоя, ни воли...

Начальными месяцами 1836 года, январем — мартом, датируют две записки Жуковского к Пушкину.

В одной: «...Завтра (в субботу) жду тебя также непременно к себе часу во втором по утру. У меня будет живописец, и ты должен с полчаса посидеть под пыткою его животворной кисти».

В другой: «Не забудь, что ты у меня нынче в час будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаяния, дома, то найдешь у меня живописца...»

О каком портрете Пушкина идет речь?

О каком живописце?

...В середине 80-х годов прошлого столетия, через полвека после гибели Пушкина, в доме одного петербургского артиста находят портрет поэта — о существовании этого портрета никто прежде и не слыхивал. Но портрет не только потому неожиданный, что о нем до той поры ничего не слыхивали: само лицо на портрете неожиданно — такого Пушкина ни один художник, писавший его при жизни, не изображал.

Это Пушкин трагический, Пушкин последних лет, уже готовый ко «взрывочному возмущению» против судьбы...

Волосы поредели, не вьются, как прежде. Пожелтело, осунулось лицо. Тревога, тоска, острая боль, которую нет сил таить, светятся в ярко сияющих, словно озаренных страданием глазах. Портрет исполнен не очень умело, сразу видно, что живописец не искушен в мастерстве, но с каким чувством написал он портрет, как глубоко понял душевные муки Пушкина!

Подпись на портрете: «И. Л.»

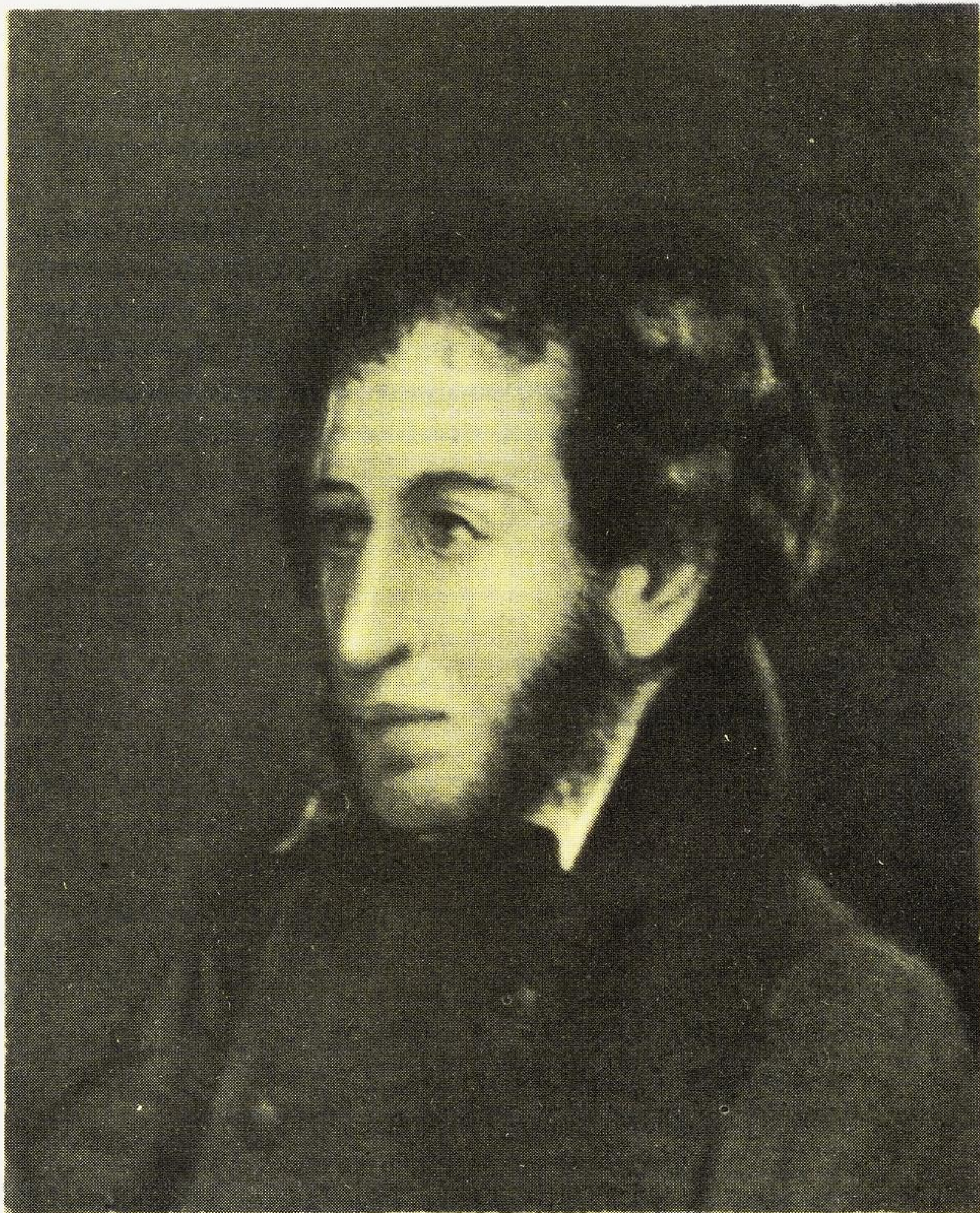
По этим двум буквам и по особенностям живописи сотрудники — тогда еще «петербургского» — Эрмитажа вскоре после обнаружения портрета признали его работой Ивана Линева.

Наверное, тот, кто первый назвал это имя, что-то знал о художнике. Но вот беда: почти тогда же всякие следы, по которым можно было бы восстановить какие-нибудь сведения о жизни, личности, творчестве живописца, затерялись. Лишь совсем недавно благодаря настойчивым поискам исследователей удалось кое-что выяснить.

Иван Логинович Линев, храбрый боевой офицер и живописец-любитель, был знаком с Жуковским, встречался с ним в Петербурге. Может быть, Жуковский, который, конечно же, больше нашего знал о даровании художника, предложил ему написать портрет друга; может быть, этого желал сам Линев и просил Жуковского замолвить перед Пушкиным

В одной из черновых рукописей — автопортрет: усталые глаза, старческая складка губ...

Это Пушкин трагический, Пушкин последних лет. На портрете подпись: «И. Л.». По этим двум буквам и по особенности живописи сотрудники Эрмитажа признали его работой Ивана Линева.

словечко... Мы пока слишком мало знаем о самом Линеве, о его отношениях с Жуковским, вовсе не знаем о его связях с Пушкиным... Еще очень многое надо бы выяснить — если удастся, конечно. Ведь и записки Жуковского датированы условно, и какой живописец в них упоминается, точно неизвестно. Разве нельзя предположить, что Линев писал Пушкина сам по себе, а у Жуковского поэт сидел «под пыткою животворной кисти» другого художника? Да и сидел ли? Нам известно лишь, что Жуковский просил Пушкина позировать, но позировал ли Пушкин?

Еще очень много загадок...

Но главное: у нас есть портрет Пушкина, созданный в последние годы, даже в последний год его жизни. Портрет удивительный! С высочайшей точностью и глубоким сочувствием рассказывает он о трагедии поэта, о «главном его несчастии», о «тревоге, томлении, досаде и бессилии», которые овладевали им, вели его к гибели. Портрет, созданный рукой друга, рожденный в душе друга,— **такой** Пушкин скорей бы мог появиться под кистью сегодняшнего живописца: мы лучше знаем о роковых событиях жизни поэта, чем большинство его современников.

И здесь своя загадка! Не числится «И. Л.» — Иван Линев? — ни в ближайшем окружении поэта, ни даже в ближнем!.. Был ли он осведомлен о превратностях пушкинской судьбы? Или оказался человеком редкой проницательности?

Портрет работы «И. Л.» становится в один ряд с показаниями самых откровенных свидетелей последних лет Пушкина.

При последнем свидании с братом в июне 1836 года Ольга Сергеевна, сестра поэта, поражена его худобою, желтизною лица и расстройством его нервов... Студент, увидевший Пушкина незадолго до его смерти на лекции в университете, помнит его огненные глаза и желтоватый нервный лик... Юный Иван Сергеевич Тургенев, делавший первые, робкие шаги в литературе, наблюдает Пушкина за несколько дней до поединка на светском концерте: ему тоже западает в память смуглое, небольшое лицо, африканские губы, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом... Люди рассказывают о последних встречах с Пушкиным, как бы поглядывая на линевский портрет.

«Ты вновь создал...»

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит...

Строчки пушкинского послания Кипренскому от частого повторения сделались почти поговоркой.

Но передают ли они весь смысл стихотворения? Если так — Пушкин радуется, что портрет подобен отражению в зеркале; разве только замечает шутливо, что наружность его из-под кисти живописца вышла приукрашенной.

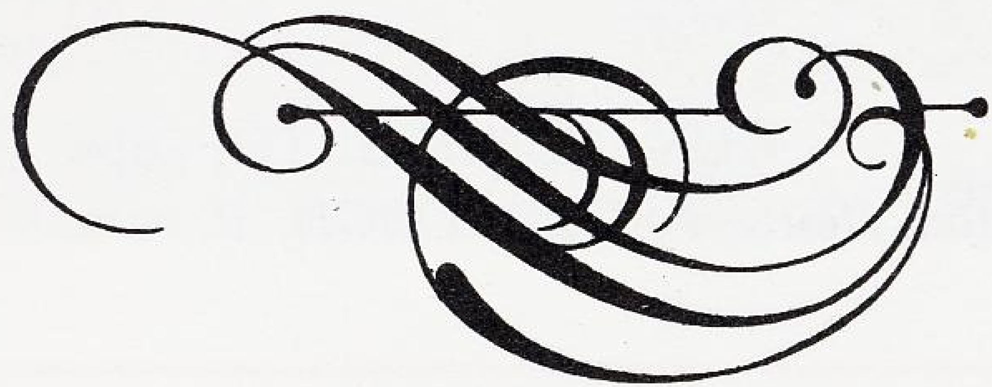
Но мог ли Пушкин, великий творец в искусстве, не понимать, что художник не просто переносит на холст все, что видит, что луч света, отраженный от предмета и уловленный зрачками художника, не просто подталкивает его руку подхватить с палитры краску и положить на ткань, а проходит прежде через голову его и сердце? Мог ли Пушкин не понимать, что образ, созданный художником, взят из жизни и вместе как бы рожден им?

Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз,—

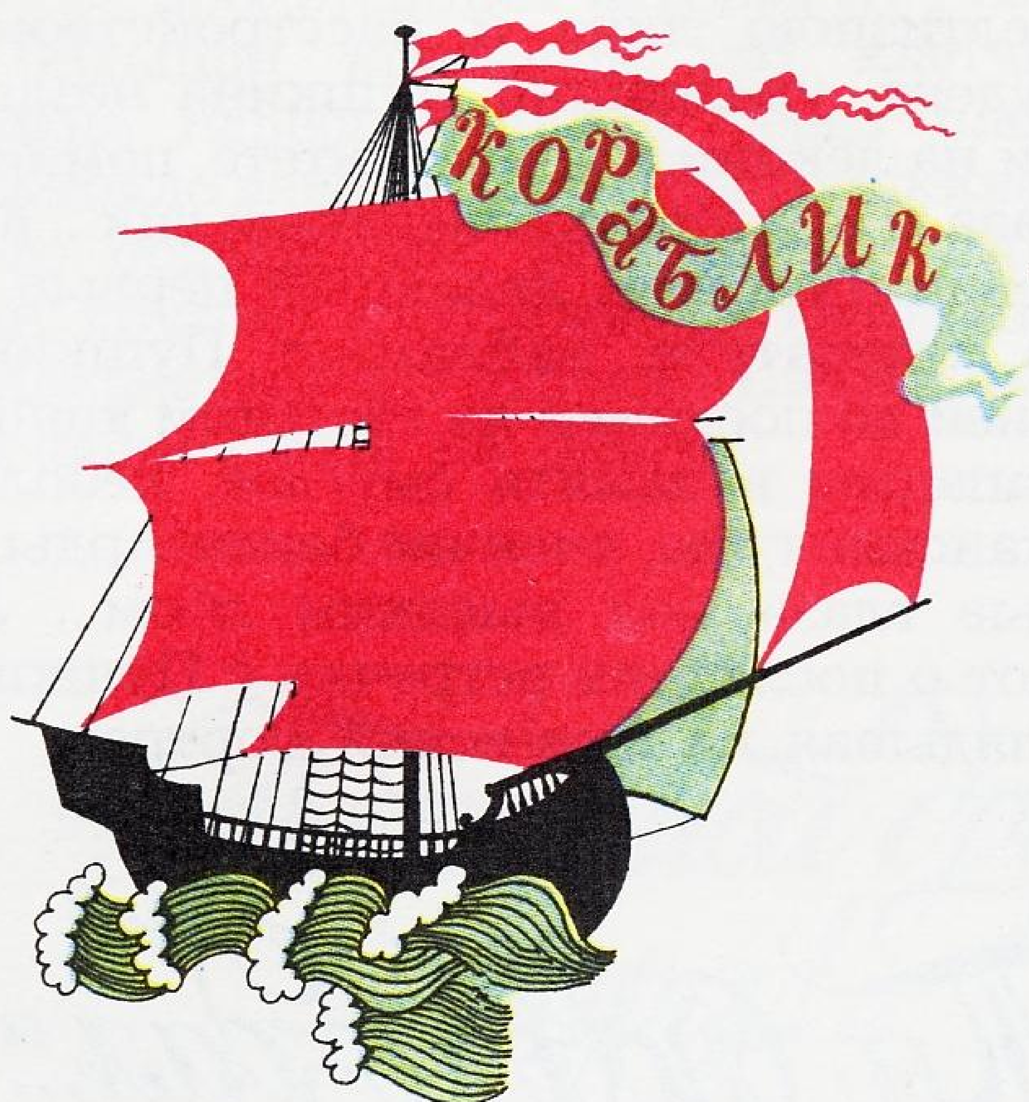
читаем в стихотворении.

Тут, пожалуй, самое главное. Пушкин мог, конечно, написать всего лишь веселые стихи, посвященные другу-живописцу. Вот, мол, до чего похоже изобразил, будто зеркало перед лицом поставил; только чересчур красив получился, забавно: зеркало, а льстит.

Но Пушкин — поэт высочайший точности, она не оставляет его даже в строчках веселого послания. Он проникает мыслью и выражает в слове самую суть творчества. Не оттого человек на портрете обретет бессмертие, смеется над могилой, что лицо его как бы навеки останется на поверхности зеркала, а оттого, что художник, закрепляя на холсте черты его облика, **вновь создал** образ питомца муз — **Поэта.** Не в том волшебная сила искусства, что изобразил похоже, а в том, что — **вновь создал!**

Оформление П. САЦКОГО.

Литературная студия «ЛИРА» еще совсем молодая, ей пошел четвертый год. Открылась она в детском городке при Парке культуры имени Горького в Москве.

Занятия в «Лире» похожи на встречи друзей: здесь можно шуметь, рассказывать, что вздумается, здесь любят и шутки, и розыгрыши — но лишь до тех пор, пока не приходит время творчеству, раздумьям, фантазии. Ребята учатся прежде всего наблюдать и осмысливать ту удивительную жизнь, которая рядом с нами, учатся чувствовать и думать.

Андрей ВОЛКОВ учится в 5-м классе школы № 192.

Новый Год

Новый Год,
Новый Год,
Он пестреет и цветет.
Елка, елка нарядилась,
Елка в сказку превратилась!

Пришла зима

Зима пришла. В берлоге
Медведь. Он спит.
А заяц шубку поменял,
Барсук в норе храпит.
Застыло все,
И лишь мороз трещит.

Укротитель

Я приехал в город Львов,
Укрощал там диких львов...
Засмеялась мама —
Были львы из мрамора.

*

Федя САВЕЛЬЕВ — шестиклассник из той же школы.

Встреча на горке

Вчера на лыжах я катался
И негра встретил. Он смеялся.
Мы с горки вместе покатились,
А по дороге подружились.
Приехал он из Мозамбика,
Чтобы учиться в МГУ.
Он к лыжам с детства не привык,
И я сказал, что помогу.
— Ставь палку так, а лыжи так,
Иначе попадешь впросак...
И сам упал с разбега вдруг —
Покатывались мы от смеха!
Он стал мой самый лучший друг,
Друзьям цвет кожи не помеха.

Дружба

Ребята, давайте жить дружно,
И драться совсем не нужно.
Если мы будем дружить,
То будем мы лучше жить.

*

«СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД».
Рисунок Лены РУСЬЯНОВОЙ, 9 лет.

«ВРАТАРЬ» —
так назвала свой рисунок одиннадцатилетняя Лена КУЗНЕЦОВА.

Боря ЦИОНСКИЙ учится в школе № 11, в студии — один из самых старших, девятиклассник.

Чилиец

Как только прозвенел звонок,
Пришел чилиец на урок.
Приехал он из той страны,
В которой люди не равны.
Винтовку он держал в руках,
Он вынес травлю, пытки, страх.
А я сижу, а я молчу,
И я помочь ему хочу.

Он из Сантьяго, он герой,
А я при чем, а я какой?

Тень

Я иду — она идет.
Я бегу — она бежит.
Я устал, градом пот,
А она не отстает.
Я за нею побежал,
Прыгнул — и к земле прижал.
Подо мной она лежит,
Никуда не убежит!

Море

Весь день стонало и ревело,
А ночью песенку запело:
— Не нужен рев мой никому —
Зачем тогда стонать, к чему?

Котята и ежата

Аты-баты, шли котята.
Аты-баты, шли ежата.
Вдруг котята об ежат
Укололись — и визжат!
А ежата у котят
Просить прощенья не хотят!

Алеша ЖИЛИН — четвероклассник школы № 1133.

Война между ребятами
Была у нас в деревне.
Ребята с автоматами
Залезли на деревья.
Наши мамы подбежали,
Нас, как шишки, посрывали.

«ВЕСЕЛЫЙ ЦИРК».
Нарисовали Настя КУЗЬМИНА, 14 лет, и Кира РОГОЗИНА, 13 лет.

Евгений ЧЕРНОВ

Рисунки М. КУРЧЕВСКОЙ.

Пестрая рыбка

Соседи решили выбросить аквариум: портится вода. Я посоветовал не менять ее полностью.

— Но она же портится!

— Это в ней заводятся полезные микроорганизмы. Когда установится биологическое равновесие, вода станет чуть желтоватой, но на самом-то деле идеально чистой и в буквальном смысле живой.

— Нет,— твердили соседи.— Она портится.

Аквариумы держат многие. Но не многие знают, что воду полностью в них менять не следует, ведь аквариум не графин с кипяченой водицей для питья, а уголок природы, частичка настоящего пруда, где в стеклянных берегах, в такой, казалось бы, мирной обстановке происходят, прямо скажем, драматические события.

Усатые рачки дафнии и вислоногие циклопы поедают инфузорий; рыбки, в свою очередь, с большим удовольствием питаются рачками; а такие рыбы, как фундулусы и хищные цихлиды — красавцы, переливающиеся всеми цветами радуги, методично охотятся на головастиков и даже на маленьких рыбешек. Совсем как в джунглях — маленький прячется от большого, сильный поедает слабого.

Но для того, чтобы увидеть это и многое другое, надо уметь создавать естественные условия. А то ведь встречаются аквариумы: и камешки в них разложены — два с одной стороны, два с другой,— и гротик в песочек врос, такой «красивый-красивый», а рыбки все вялые, скучные, словно пожилые собачки на поводках.

Видимо, именно такими «аквариумистами» оказались и мои соседи — ничего доказать им не удалось.

В общем, аквариум вместо того, чтобы выбросить, они отдали мне.

Поэтому в воскресенье я поехал на Толевый рынок. По выходным там на столах не только пирамиды веселых яблок и горки помидоров возвышались, но и стеклянные банки с водой, а в них — рыбки.

Я хотел купить двух усатых гурами — ласковых и доверчивых, и любопытных до невозможности. От внимания гурами ничего не укроется. Они слоняются по аквариуму без видимого дела, знакомятся со всеми. Им настроения не испортит даже какой-нибудь нахал петушок: они и к нему со всей душой, хотя он, бывает, нет-нет да и наподдаст, словно тараном, своим твердым лбом. А сунь в воду, к примеру, карандаш, гурами сейчас же к нему на всех плавниках — еще бы, что-то новое! — и не успокоятся, пока со всех сторон не ощупают карандаш длинными усами.

А еще я искал сомиков-каллихитов. Это, если хотите, аквариумные дворники. Вот у кого жизнь не позавидуешь. Сколько труда, сколько энергии тратится на еду! Собственно, вся «сознательная» жизнь. Остальное время — сон. Никаких игр, никакой другой отличительной черты, кроме постоянного хорошего аппетита. Да и едят они как-то по-плебейски, ползая по дну, собирают отбросы. Сомиков нужно держать хотя бы для того, чтобы вспоминать почаще, что ты сам не сомик!..

Ходил я по рынку и вдруг увидел аккуратный и блестящий, словно смазанный жиром, аквариум. Подошел ближе, оказалось — склеен из плексигласа. Освещенные солнечными лучами, в нем сновали вуалевые гуппи, искрясь и переливаясь всеми мыслимыми красками. Они, наверное, сами знали, что красивы и изящны, и как будто кокетничали — подплывали к стеклу, шаловливо поводили хвостиками и тут же спешили укрыться за кустиком валлиснерии.

В стороне от веселой легкомысленной стайки рыбешек стоял неподвижный одинокий макропод. Его плавники опустились, спина сгорбилась, и вид у него был такой, словно его сильно знобит.

Ну, думаю, здесь что-то не так. Если бы он чувствовал себя нормально, ни за что на свете не потерпел бы безалаберного поведения гуппяшек. Живо навел бы порядок, указав каждому его место. Такой уж у макропода характер.

Я внимательно пригляделся к рыбке и увидел на ее бледно-розовой спине едва различимые белые пятнышки. Так и есть — сапролегния — белый зловредный грибок-паразит.

Я решил вылечить макропода. И вот рыбка заштопанным сачком переброшена в мою банку.

Дома я принялся за врачевание. Посадил макропода в слабый раствор биомицина, и вовремя: он уже терял интерес к жизни. Даже не стал осматривать свое новое жилище, а только поднялся к поверхности, глотнул воздуха и застрял где-то в середине банки. Я организовал макроподу королевский обед — бросил несколько червячков-трубочников. Но он даже глазом не повел. Стоял неподвижно, и все.

Так прошло несколько дней. Белые пятнышки на спине постепенно пропали. Грибок погиб. И однажды, поднявшись за очередной порцией воздуха, макропод не завис после этого, как прежде, посреди банки, а опустился на дно, сильно пошевеливая плавниками, словно разминая их после долгого безделья.

Теперь макропод весьма заинтересовался трубочниками. Он замер, как замирает кошка при виде воробьев. Постоял-постоял, потом мгновенный бросок — и одного червячка не стало, потом другого, потом третьего...

Все, братец, изолятор тебе больше не нужен! И я пустил своего пациента в общий аквариум.

Это, наверное, у макроподов в крови — ничему не удивляться. И застенчивостью они тоже не страдают. Мой, во всяком случае, новое жилище воспринял, словно родные места, словно и он знает всех и все его знают чуть ли не сто лет. Макропод собрал плавники, как иной человек закладывает руки за спину, выпячивая решительно живот,— того и гляди рявкнет: «Осади назад, куда прешь!..» — и, обогнув кустик криптокорины, вышел на чистую воду.

Разная мелочь, естественно, сразу разбежалась, увидев такого представительного собрата. Все тут же поняли, что чувство юмора у него не развито. Только молодой меченосец — судя по мечу, подросток, но, однако, уже переросший родителей, этакий верзила — сделал вид, что ему на все начхать. И тогда макропод клюнул подростка, незлобно, а так, на всякий случай, для поощрения молодого дарования,— и верзила побежал прятаться за алые бока родителей.

Не обращала внимания на новичка только перловица — желтый, очертаниями похожий на яйцо моллюск, которого я нашел в речке.

Он медленно полз на белой толстой ноге, оставляя после себя глубокую борозду на песке, и продолжал усердно фильтровать воду. Перловица очень напоминает своим поведением черепаху: если какая-нибудь рыбка начнет поклевывать моллюска, обирая с его боков микроводоросли, перловица спрячет свою ногу и захлопнет створки. Все — теперь стучись не стучись, хозяин не откроет.

Надо сказать, что макроподы весьма гордятся своей внешностью. Наверное, считают себя самыми красивыми и не любят, когда другие рыбки чем-то отличаются от них в лучшую сторону — сразу лезут в драку.

Правда, не все макроподы такие непримиримые. Хоть и редко, но встречаются среди них и задумчиво-рассеянные, и даже такие «интеллигенты», которым и самим достается от других...

А вот каков мой? Я решил проверить это сейчас же. Если макропод обуян манией величия, то он даже своего отражения не потерпит.

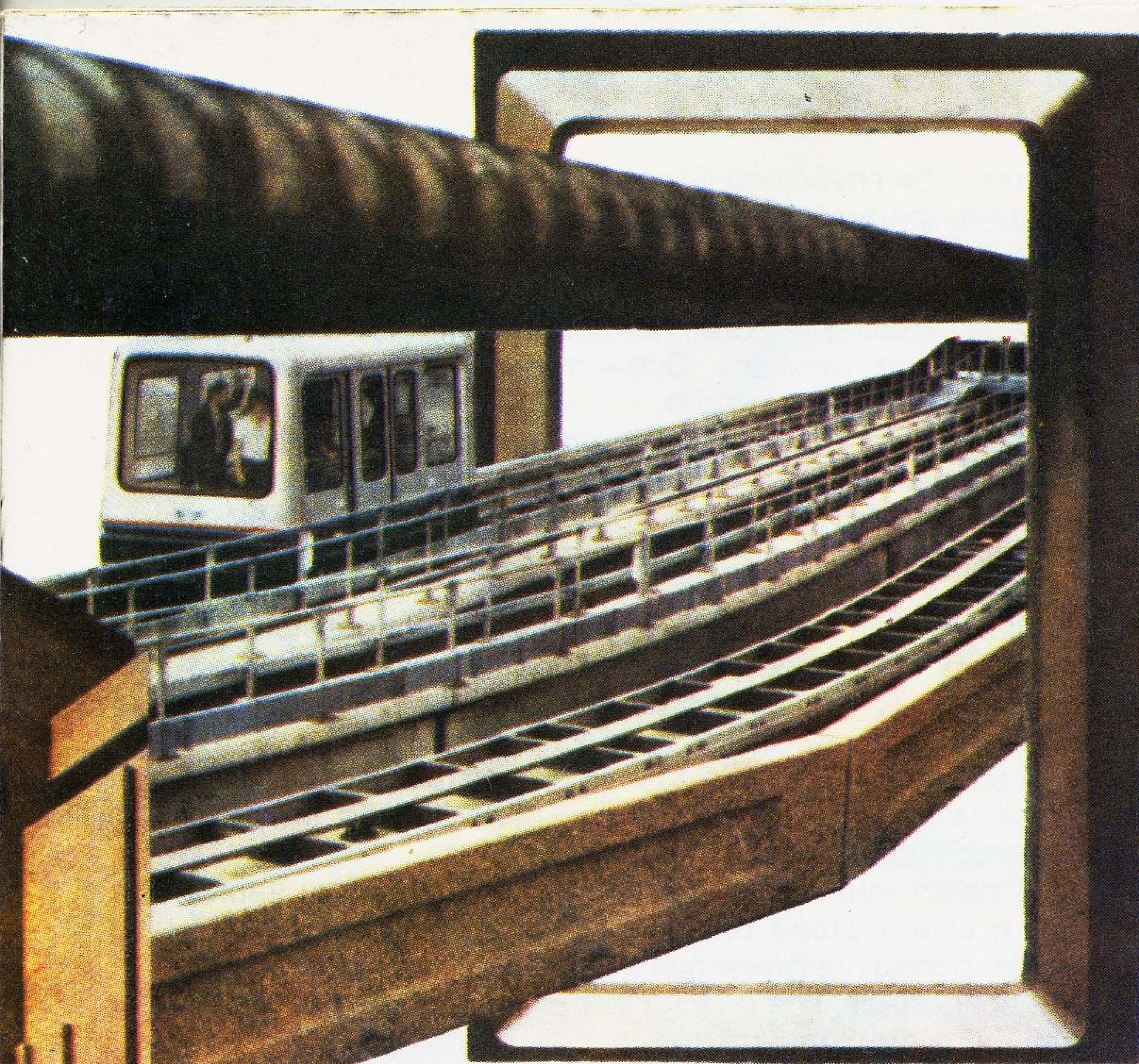
Я приставил вплотную к стеклу аквариума зеркало, и мои худшие опасения оправдались.

Макропод приблизился к своему отражению, постоял, вспоминая, где он уже мог видеть такого «красавца». Стремительно поднялся, глотнул воздуха и вернулся на прежнее место. Еще секунду постоял и решительно устремился к своему двойнику. Он сильно стукнулся о стекло, но это не произвело на него ни малейшего впечатления. Он уперся в стекло лбом и стал наполняться злостью. Впрочем, «злость» не совсем верно сказано, это была, скорее, ненависть. «Пестроокрашенная рыбка с чередующимися красновато-коричневыми и металлически синевато-зелеными полосами»,— как описывает макропода Зденек Фогель в своей книге «Аквариумные рыбки»,— превратилась в коричневую, потом в синюю, и, наконец, чуть ли не в черную. А тело ее даже одеревенело от избытка чувств. Я сунул в воду карандаш и похлопал макропода по спине. Никакой реакции!

Когда я убрал зеркало, рыбка долго приходила в себя, часто поднималась к поверхности за воздухом, и нормальная окраска возвращалась к ней медленно...

Глядя на этого самовлюбленного нахала, я подумал, что, пожалуй, стоит завести хемихромиса. Тот вообще свиреп, как дикарь, он даст макроподу жару, он покажет ему, где раки зимуют!

Ведь, как правило, любой нахал, а особенно самовлюбленный, если его припугнуть, теряет все краски, кроме белой. Так вот, пусть макропод это на своей чешуе испытает.

Дело для XXI века

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТРАМВАЙ НА ПОСЛЕЗАВТРА

Поудобнее устраиваемся в креслах. Над головой загорается надпись «Пристегните ремни». Стремительный разбег — и вот уже мимо окон проносятся дома, холмы и далекие горные вершины. Мы летим...

— На самолете,— догадываетесь вы и... ошибаетесь!

Мы действительно летим, но на высоте всего один сантиметр. Это не самолет, а магнитоплан — вагон на магнитной подвеске.

Как магнит притягивает железо, видели все. У магнитоплана рельсы не под вагоном, а над, и похожи они на трубу, разрезанную вдоль, колес нет совсем. На крыше вагона сделаны специальные опоры с магнитом, которые заходят в рельс-трубу. Если подать на рельсы напряжение, магнитная сила потянет вверх магниты-опоры, а вместе с ними и весь вагон. Чтобы магниты не прилепились к рельсу крепко-накрепко, надо очень точно рассчитывать силу притяжения. Это работа для компьютера, он-то и управляет всеми механизмами подвески и движения вагона. Чуткие датчики — глаза компьютера — следят за зазором между магнитом-опорой и рельсом. Как только магнит приблизится к рельсу ближе чем на сантиметр, в компьютер поступает сигнал от датчика: «Слишком близко!» — и компьютер мгновенно выдает приказ: «Уменьшить напряжение на рельсах». Сила притяжения опор к рельсам ослабевает, опоры отходят от рельса на положенный им сантиметр, и вагон едет дальше как ни в чем не бывало.

Чем же хорош магнитоплан?

Во-первых, скоростью. Он не касается земли, не испытывает трения о рельсы и может нестись в три-четыре раза быстрее, чем современные поезда. И мало того, что быстрее. В электричках и трамваях трясет так, что трудно читать, не говоря уже о том, чтобы писать, да вдобавок шум порядочный. А магнитоплан — это бесшумный и абсолютно плавный транспорт.

Во-вторых, такой транспорт не загрязняет окружающую среду, потому что движет его электричество.

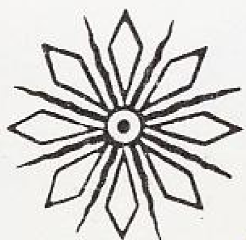
Быстро, бесшумно, удобно и безвредно для окружающих — вот что такое магнитоплан. Поэтому он вполне может стать городским транспортом будущего века. Для него не надо рыть тоннелей, как для метро, нужны лишь эстакады. Магнитоплан располагается как бы на втором этаже и не мешает уже имеющемуся транспорту.

Только вот сделать магнитоплан совсем непросто. Уже не первый год работают советские ученые над его изобретением. Сначала построили вагон, который как бы отталкивался от рельсов, но испытания показали, что устойчивей и надежней система подвески, когда опоры притягиваются к рельсам снизу. Сейчас экспериментальный образец готовится к первому старту на 600-метровой трассе испытательного полигона. В этой пятилетке начнется его обкатка на трехкилометровой пассажирской трассе недалеко от Еревана.

А нам остается только ждать, когда мы по трапу, похожему на самолетный, поднимемся на борт магнитоплана и понесемся на работу или за город, не забыв пристегнуть ремни.

А. ВЛАДИМИРОВ

Самый-самый!

Что помнят деревья

Деревья тоже бывают знаменитыми. Дуб святого Варфоломея знала вся Франция. Легенда гласила, что он был посажен в 1572 году, когда в Варфоломеевскую ночь католики учинили жестокую расправу над гугенотами. Так и рос дуб в лесу у Фонтенбло, бывшей загородной резиденции французских королей, пока не оказался поваленным в 1952 году.

Ученые решили проверить легенду, сделали срез дубового ствола и подсчитали годовые кольца. Их и впрямь оказалось около 400. И тогда на срезе были проставлены даты. Вот кружок в самом центре, он сформировался в год варфоломеевской резни. Вот тонкий темный слой, он образовался в 1610 году, среди событий этого года — убийство короля Генриха IV. Вот кольцо, датированное 1789 годом,— он славен Великой Французской революцией. Тут прирост за 1889 год — в Париже построили Эйфелеву башню. Вот кольцо 1914 года — тогда началась первая мировая война. А это слой 1939 года — пошел отсчет событий второй мировой войны... Четыре столетия человеческой истории вместилось в жизнь одного могучего дерева.

Но французский дуб вовсе не рекордсмен среди долгожителей в мире деревьев. Дубы доживают и до тысячи лет. Но и их век короче, чем у остистых сосен, растущих высоко в скалах Калифорнии. Эти сосны — самая древняя древесная порода на земле. Одна калифорнийская сосна прожила на свете 4900 лет! Ее возраст тоже определили по числу годовых колец.

Иному покажется, что все кольца на срезе дерева одинаковы. Но это не так. Они то узкие, то широкие, то светлые, то темные. Все зависит от капризов погоды в тот или иной год. А последовательность колец вообще никогда не повторяется. Первым обратил внимание на прирост годовых колец великий итальянский художник и ученый XV века Леонардо да Винчи. А теперь ими усиленно интересуются археологи.

Если последовательно накладывать рисунки годичных колец нынешних и ископаемых деревьев в одной климатической зоне, то получится хронологическая шкала, уходящая в глубь времен. Остистые сосны позволили протянуть такую шкалу уже на 8,5 тысячи лет в прошлое! С помощью подобных шкал можно датировать находки археологов. Например, в знаменитых озерных поселениях в Швейцарии, где люди жили еще в IV тысячелетии до нашей эры, удалось с точностью установить не только тысячелетие и не только столетие, но даже год, когда были срублены деревья, использованные человеком в той или иной постройке.

В. НИКИТИНА

Зачем и почему?

Вот это глазищи!

Почему сова днем не видит?

Юра ФЕДОРОВ, 7-й класс, с. Каменка, Башкирская АССР.

Видит сова днем, да еще как! Она, даже если смотрит против солнца, заметит не только ворону, но и крохотную пичугу, летящую далеко-далеко. Сова может долго, не мигая, смотреть на яркую электрическую лампочку или сияющее небо. Нам такое не дано — скоро начинают слезиться и болеть глаза. Зрачки совы сильно расширяются и столь же сильно сужаются, как диафрагма у фотоаппарата. Сузившись, превратившись почти в точку, зрачки позволяют сове разглядывать солнце.

А огромные расширенные зрачки, заполнив весь глаз, помогают ей в ночной охоте. Представь себе, что кто-то в кромешной тьме зажег обычную стеариновую свечу. Так вот, этого слабенького света сове хватит, чтобы заметить мышь, бегущую в полукилометре от свечи. Так что глаза у этих птиц прямо-таки замечательные.

Правда, пока ученые не знают, различают ли совы цвета. В сетчатке их глаз преобладают палочки, а не так называемые колбочки, которые нам, людям, дарят возможность любоваться желтыми одуванчиками или синими васильками. Да так ли совам это нужно? Ведь ночью не только все кошки серы, но серы и мыши.

И все же захваливать совиные глаза не стоит. Смотрят они прямо вперед, а не вбок, как у других птиц. И опасность, грозящую сзади, сова заметит, если услышит шорох. Мы с вами можем «бросить взгляд», «скосить глаза», а сова — нет, ее глаза практически неподвижны. Чтобы следить, например, за зигзагами грибника, идущего по лесу, ей надо вслед за ним поворачивать голову. Зато тут совы способны описать головой почти круг!

Е. КУРАПОВА

Собака Баскервилей и величайшее открытие нашего века

Все вы, наверное, помните повесть об этом болотном чудовище... Оно до смерти пугало людей леденящим душу ночным воем и загадочным свечением. Знаменитый сыщик Шерлок Холмс, обезвредивший зверюгу и ее хозяина, хитроумного преступника, установил: лапы и пасть собаки были намазаны составом, содержащим фосфор.

О том, что белый фосфор светится в темноте, знали давным-давно, а вот почему он светится и как получается, что иногда он вдруг гаснет, узнали гораздо позже, чем Конан Дойл написал «Собаку Баскервилей». И это стало одним из величайших открытий нашего века.

Дело было в 1924 году. 28-летний ленинградский физик Николай Николаевич Семенов и его еще более молодые ученики, откачивая воздух из колбы, в которой сияли пары фосфора, заметили, что этот холодный свет внезапно гаснет. И вовсе не потому, что в сосуде не осталось кислорода. Нет, воздуха было еще не так мало и фосфора в достатке. А вот реакция между ними — причина свечения — вдруг полностью прекращалась.

Равнодушный человек, может быть, на такую причуду природы не обратил бы внимания. Но эта история о людях совсем иного склада: по-мальчишески любопытных, азартных. Они начали со своим открытием «играть», меняя условия опыта на тысячу ладов. Загасят реакцию, потом снова подпустят в колбу чуточку воздуха — и любуются, как она вспыхивает. Опять загасят, еще подпустят, но не воздух, а инертный газ, который с фосфором никак не реагирует. И что же оказывается? Кислорода ничуть не прибыло, но, едва давление в колбе поднялось, реакция снова запускается!

Начали менять сосуды. Вместо шарообразной колбы брать трубки разной ширины. И опять причуды. Реакция гаснет каждый раз при разном давлении воздуха. Чертовщина какая-то! По всем теориям, известным в то время, форма сосуда на ход реакции никак влиять не могла. Этак рассуждать, то помести фосфор в трубочку диаметром с игольное ушко, он, может, и вовсе не засветится?

Совершенно верно! Именно такой ответ дал Семенов на этот каверзный вопрос, который успел задать сам себе раньше, чем его задали другие. Дальнейшие опыты подтвердили и все другие прогнозы теории разветвленных цепных реакций — так ее тогда назвал первооткрыватель, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, двух Государственных и Нобелевской премии академик Семенов.

Почему же так получается?

В химические реакции вступают не какие попало атомы и молекулы, а богатые энергией, возбужденные. Холодное свечение фосфора оказалось подобным горной лавине: каждая частица порождает не только молекулу конечного продукта горения, но и две-три подобные себе активные частицы, наделенные избытком энергии. Как первый камешек, покатившийся с обрыва... Он толкает два-три других, те, в свою очередь, еще по нескольку — и, оглянуться не успеешь, гремит, катится под гору целая каменная река...

Когда Семенов описал развитие «молекулярной лавины» с помощью математических уравнений, то сразу стало ясно, что все наблюдаемое в колбах с фосфором в точности соответствует такой картине. Лавина не стронется с места, пока не покатится первый «камешек». А его не будет, пока давление воздуха ниже определенного «порога». Лавина не разгонится, если первые десятки или сотни камней застрянут в ямках, зацепятся за выступы. А в реакции роль «ямок» и «выступов» играют атомы материала, из которого изготовлены стенки сосуда. Чем больше поверхность сосуда при постоянном объеме, тем сильнее она будет тормозить лавину. Значит, чем более вытянута трубка, тем труднее разгоняться «обвалу»...

Теория Семенова скоро стала общепризнанной. Но ее создатель не получил бы такую известность, если бы она объясняла лишь свечение состава, которым мазали собаку Баскервилей. В том-то и могущество научной теории, что она помогает людям разобраться в причинах не одного, а сразу множества явлений. Так получилось и с теорией разветвленных цепных реакций.

А началось-то все с чего? С удивления, отчего фосфор вдруг перестал светиться. С небольшого чуда в колбе, за которым зоркий глаз ученого разглядел важнейший закон природы.

П. САВКО

«Он просто не ощущал своего величия...»

Впервые я увидел Николая Николаевича Семенова в 1930 году, когда учился на третьем курсе физико-математического факультета Ленинградского политехнического института. Ему было 34 года, а мне — 20 лет. Профессор Семенов читал нам один из разделов физики. Его поведение в аудитории не соответствовало понятию «великий ученый»: ни тебе высокого чела, изборожденного морщинами — следствия глубоких дум, ни взгляда, устремленного поверх голов вдаль. Почти после каждой фразы он подхохатывал, хотя ничего смешного в его словах не было. Эта манера подхохатывать сбивала нас с толку.

— Ну, на что это похоже? — думали мы, когда он, накрошив около доски побольше мела, улегся на пол и стал дуть на меловую пыль, чтобы показать, как образуются дюны. А потом меловыми руками чистил черный костюм, отчего запачкался еще больше.

Гораздо позже я понял, что Николай Николаевич просто не ощущал своего величия в науке. В этом смысле он являл драгоценный пример для тех, кто любит подавать себя как выдающихся личностей. Так, человек, который поднялся на несколько этажей, боится поглядеть вниз, потому что все время помнит свою «высоту». А тот, кто взлетел на самолете за облака, уже просто не чувствует расстояния до земли.

Окончив вуз, я долго не встречался с Николаем Николаевичем, пока не попал в Москву, в Институт физических проблем. По соседству располагался Институт химической физики, который основал академик Семенов. Я снова имел возможность наблюдать Николая Николаевича — жизнерадостного, непосредственного человека с живой речью.

Однажды в 1945 году на каком-то празднике я увидел Семенова танцующим: он был в упоении от танца и совершенно неутомим. Его партнерши одна за другой, уморившись, буквально падали в кресла. Мелодия-то была простенькая, вроде «полечки», но он ухитрялся выделывать такие сложные па, такие выкрутасы, что стал центром внимания всех присутствующих. При этом он умудрялся одновременно лакомиться мороженым.

Как-то мы встретились с ним за обедом. Он подсел к моему столику.

— Ну, расскажите что-нибудь интересное.

А я, надо сказать, обожаю рассказывать истории про то, как оказался в смешном положении. И рассказал ему, как, уходя из гостей, умудрился втиснуть ноги в дамские галоши на высоком каблуке и не мог понять по пути, почему у меня ноги подворачиваются то вправо, то влево. И как одна гостья вынуждена была уйти в моих галошах и потеряла их по дороге.

Семенов страшно хохотал и рассказал в ответ свою историю. Он шел в галошах по снегу. Вернулся с прогулки домой, а одна нога — без галоши. Он пошел искать, ступая по глубоким следам в снегу. Наконец, нащупал галошу, всунул, не глядя, в нее ногу и вернулся домой. А жена говорит: «Что же ты, Коля, приволок рваную галошу с детского валенка?»

Я вспоминаю эти забавные, казалось бы, незначительные эпизоды потому, что они, как мне кажется, подчеркивают своеобразие и масштабность личности этого замечательного ученого.

Еще до войны я знал, что горение и взрыв происходят в соответствии с семеновским уравнением разветвленных цепных реакций. Этот же закон управляет ядерной реакцией, идущей внутри атомного котла, и взрывом атомной бомбы, и водородной — тоже. И это же самое уравнение описывает научно-технический прогресс: каждый новый научный факт порождает открытие еще двух или более фактов. То есть коллективный интеллект человечества развивается на основе логически ветвящихся цепных реакций.

Поразительно, сколь разные явления оказались связанными друг с другом одним и тем же законом. Вот и получается, что научная деятельность Семенова, направленная на изучение не отдельного, изолированного явления природы, а всей природы в целом, сыграла в жизни человечества огромную роль.

Академик Э. Л. АНДРОНИКАШВИЛИ

Знаешь?

Ежегодно из атмосферы Земли улетучивается в космос около 50 тысяч тонн кислорода.

* * *

Медовый опоссум питается только нектаром и цветочной пыльцой.

* * *

Ни одно сухопутное животное не может иметь массу, превышающую 100 тонн.

Дорогие ребята! Те из вас, кто выписывал «Пионер» в прошлом году, уже знакомы с Чипом и Сережей. Для наших новых читателей скажем, что Сережа — это обыкновенный мальчик, а его друг Чип — маленький волшебный человечек, который выпрыгнул как-то раз из Сережиного калькулятора. Чип научил Сережу многим интересным вещам: как считать на пальцах до 1000, как помочь царевичу выбрать невесту, как вытащить из лужи барона Мюнхгаузена, как провести конкурс поющих поросят... Да всего и не упомнишь! Эти игры помогают понять основы информатики — новой науки, которая нужна тем, что хочет управлять компьютерами. А так как это придется делать всем в следующем веке, то лучше начать сейчас. Поэтому Чип и Сережа приглашают вас играть с ними вместе.

Сказки восточного базара

— Расскажи мне, пожалуйста, сказку,— попросил Сережа Чипа,— только пострашней и потаинственней, вроде арабских сказок.

— Арабские сказки, говоришь? — Чип задумался.— Что же, могу и арабскую сказку, только сказка эта будет не простая, а рекурсивная, и рассказывать ее будет бродячий дервиш на восточном базаре, чтобы заработать себе горсть фиников и глоток воды.

— А что такое рекурсивная сказка, это вроде рекурсивной программы? — спросил Сережа.

— Это сказка, которая внутри себя содержит такую же сказку.

— Как это может быть?

— Вот сейчас увидишь. Итак...

РЕКУРСИВНАЯ АРАБСКАЯ СКАЗКА

В сказке три персонажа: **СТРАННИК, ВОЛШЕБНИК** и **ЗВЕРЬ.**

Если эту сказку рассказывает дервиш,

То СТРАННИК — это мулла, ВОЛШЕБНИК — это джинн *, а ЗВЕРЬ — это лев.

Если же рассказывает мулла,

То СТРАННИК — это дервиш, ВОЛШЕБНИК — это ифрит *, а ЗВЕРЬ — это носорог.

Однажды СТРАННИК ехал на осле по пустыне. Солнце уже высоко поднялось над барханами, и от жары у СТРАННИКА разыгралась великая жажда. «О Аллах!—воскликнул он.—Я отдал бы жизнь за кувшин воды». Эти слова услышал пролетавший мимо ВОЛШЕБНИК. Тут же перед СТРАННИКОМ появился кувшин воды и свирепый ЗВЕРЬ. Великий страх овладел СТРАННИКОМ, колени его ослабели, и, упав ниц на горячий песок, он взмолился: «О могучий зверь! Подожди, не терзай меня, выслушай сначала мою сказку». «Так и быть,— согласился ВОЛШЕБНИК в образе **ЗВЕРЯ,**— можешь рассказать мне одну сказку». «Одну, о мудрый ЗВЕРЬ, только одну!» И СТРАННИК рассказал РЕКУРСИВНУЮ АРАБСКУЮ СКАЗКУ.

ВОЗВРАТ.

— Возврат? — переспросил Сережа.— Это куда возврат, в начало, что ли?

— Да нет,— Чип недовольно поморщился.— Ты что, забыл, что такое возврат из подпрограммы? Возврат — это значит конец **этой** подпрограммы и продолжение той, которая работала раньше, пока не началась эта. А в нашем случае это значит, что очередной сказочник замолчит, а тот, кто про него рассказывал, продолжит дальше.

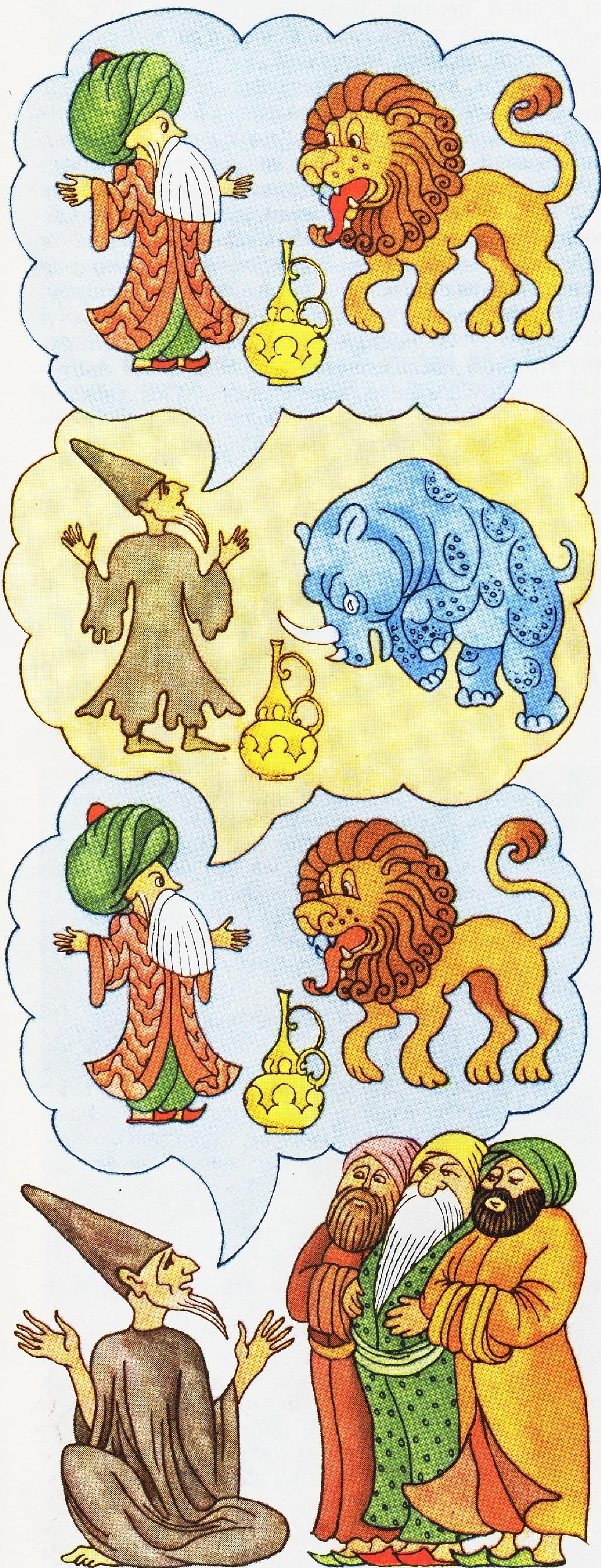
— Погоди, погоди, тут какой-то подвох,— задумчиво сказал Сережа.— Про кого же в сказке речь? Ты сказал, что эту сказку рассказывает дервиш, значит, речь идет про муллу, джинна и льва. Но дальше в этой сказке странник, то есть мулла, рассказывает ту же самую сказку. Про кого же он рассказывает?

— Но в начале сказки ведь было ясно сказано, что если мулла рассказывает эту сказку, то речь идет про дервиша, ифрита и носорога.

— Ах да! Значит, если дервиш, то про муллу, а если мулла, то про дервиша. Ловко! Мулла расскажет льву про дервиша, ифрита и носорога, и в **этой** сказ-

* Джинны и ифриты — добрые или злые духи в арабском фольклоре.

ке дервиш уже будет морочить голову носорогу про муллу, джинна и льва. Ну и чем же кончится дело?

— А как ты сам думаешь?

— Я думаю, что у кого-то из волшебников лопнет терпение, и он сожрет странника, не дожидаясь конца сказки. А может быть, у волшебника пройдет гнев и он помилует хитрого сказочника?

— Мне больше нравится второй вариант, но в этой сказке так не произойдет. Мулла и дервиш будут вечно рассказывать друг про друга. Правда, есть одна лазейка из этого бесконечного цикла. Я ведь еще до сказки тебе сказал, что самый первый дервиш, тот, что на базаре, рассказывает сказку, чтобы заработать себе пропитание. Значит, рассказывать он будет до конца дня, не дольше? Потом либо его накормят, либо слушатели пойдут спать. Поэтому мы должны вставить первой строчкой рекурсивной сказки условие:

ЕСЛИ кончился базарный день или первого дервиша накормили,

ТО ВОЗВРАТ.

— И чем же это поможет?

— А вот смотри. Первый дервиш рассказал рекурсивную сказку до того места, как начал мулла. Дальше снова идет рекурсивная сказка, в начале которой мы вставили условие. Если это условие будет выполнено, то есть если первого дервиша накормили, то мулла кончит сказку, едва начав. А дальше в рекурсивной сказке написано ВОЗВРАТ. Это значит, что и первый дервиш замолчит, схватит свои финики и воду и уйдет.

— А если первого дервиша не накормят к тому моменту, как мулла начнет свою сказку?

— Ну что ж, тогда он ее расскажет до того момента, как второй дервиш начнет **свою** сказку, а тогда второй дервиш снова проверит, не накормили ли первого. Если да, то он замолчит, а тогда замолчит и мулла, а тогда замолчит и первый дервиш, схватит свои финики и воду и побежит есть.

— Кажется, я начинаю понимать,— протянул Сережа,— каждый очередной рассказчик будет проверять, как там дела на базаре у первого дервиша, и как только того накормят, они все по очереди замолчат. Вот теперь у сказки есть конец, только он так хитро запрятан, что и не найдешь сразу. Я понял, что мне это напоминает. Есть такая пословица: «Иван кивает на Петра, а Петр на Ивана».

— Правильно,— сказал Чип.— Это как раз рекурсивная пословица. Давай дадим задание ребятам, чтобы они записали ее в виде рекурсивной программы. А на конверте пусть напишут: ИВАН И ПЕТР. Лучшую программу мы напечатаем.

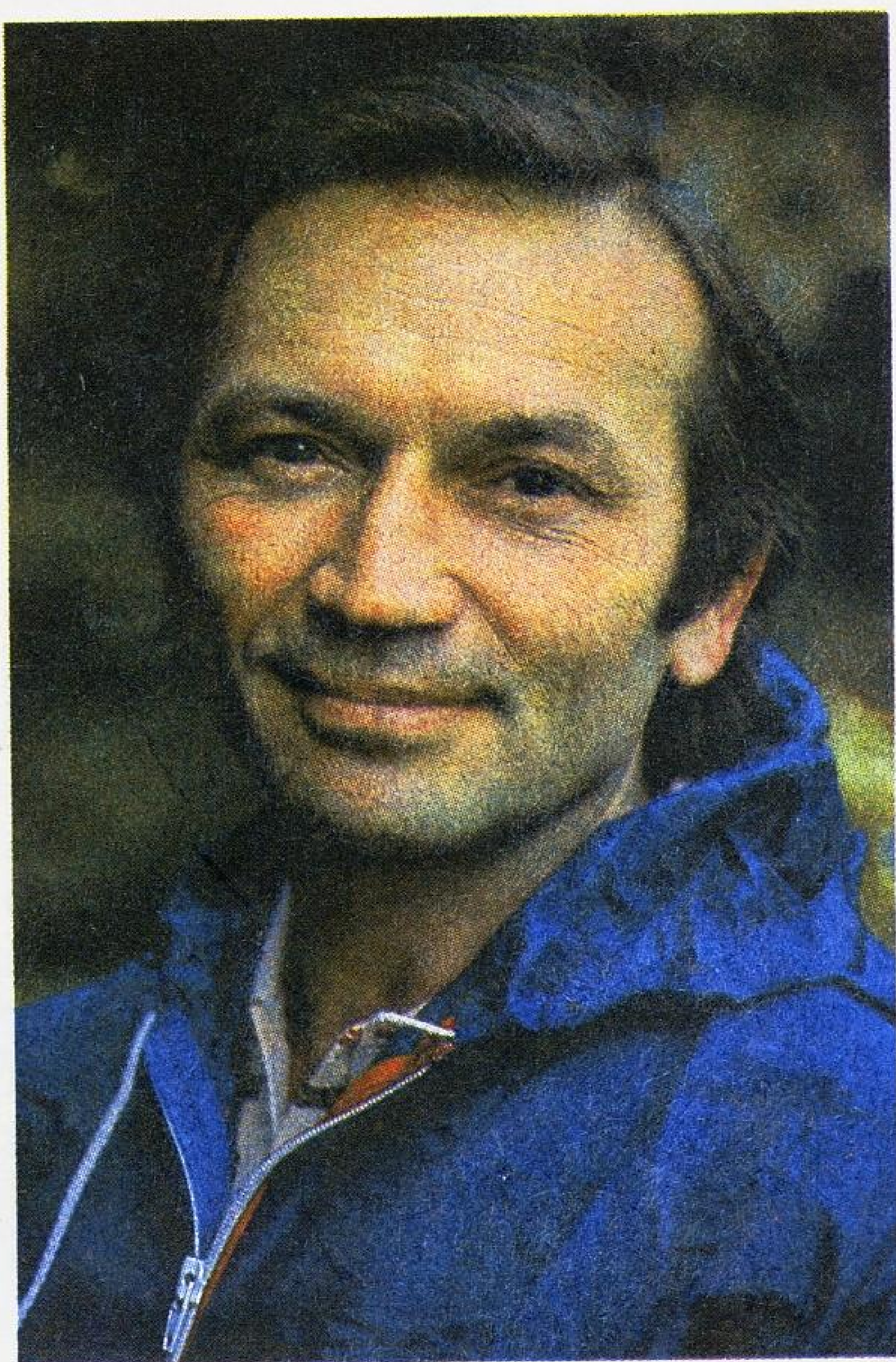
А вот имена ребят, которые составили самые интересные программы к считалочкам: Марат КАЛТОВ, г. Гусь-Хрустальный; Лена СУПРОНЕНКО, Приморский край; Вера ГУРЕВИЧ, г. Днепропетровск.

Секрет «Числовых прыгалок» разгадали Катя БАЙМЕТОВА, п. Майский, Бурят. АССР и Оля МАЛАШИНА, г. Новосибирск.

«Красная шапочка» оказалась сложной сказкой для наших читателей. Но ближе всего к истине были программы Дины КОНОВАЛОВОЙ, г. Владивосток; Маши КВАНТАЛИАНИ, г. Тбилиси; Нади ЧУБЛОВОЙ, г. Тюмень; Маши ШКОЛЬНИК, г. Москва.

МОЛОДЦЫ!

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Юрских лесов сейчас нет. Но они были. Лет эдак 160 миллионов назад. Называются они Юрскими потому, что Юрским был второй период Мезозойской эры. Как вы понимаете, в этих лесах в действительном, а не в переносном смысле не ступала нога человека.

*И все же есть люди, которые чувствуют себя в Юрских лесах как дома. Это ученые-палеонтологи. Люди, занимающиеся реконструкцией древней жизни нашей планеты. Но недавно мы узнали, что есть еще один человек, прекрасно ориентирующийся в Юрском периоде. Однако он не палеонтолог, а художник. Просто очень любознательный. Зовут его **Рубен Артемович ВАРШАМОВ.** За свои 50 лет он уже успел оформить множество книжек, несколько раз победить в чемпионатах Москвы по парусному спорту, стать главным редактором журнала «Веселые картинки» и многое-многое другое. А недавно он вместе с ученым-палеонтологом **Ириной Николаевной ЯКОВЛЕВОЙ** выпустил книгу «Палеонтология в картинках». Поздравляя Рубена Артемовича с 50-летием, мы предлагаем вам путешествие по столь полюбившимся ему Юрским лесам.*

В ЮРСКИХ ЛЕСАХ

Если бы можно было взглянуть на нашу планету 160 миллионов лет назад, неприветливыми и страшными показались бы человеку Юрские леса. Не росли цветы на полянах. Не кружились над ними пестрые бабочки. Странные зубастые птицы не пели и не щебетали, а шипели и квакали. Качались громадные ветви древовидных папоротников. На хвойных деревьях шуршали кожистые широкие листья. Саговники, похожие на пальмы и на папоротники сразу, гинкговые деревья с веером листьев на верхушках стояли грозной непроходимой стеной. И везде ящеры. Только ящеры. На земле, в воде, в воздухе. Ящеры большие и маленькие. Мирные и хищные. Медлительные и быстроногие. Покрытые кожей и волосами. На двух ногах и четырех. С ластами вместо ног. Словом, ящеры — хозяева Земли.

Когда-то в Девоне...

Дождя не было и в этот день. Облака рассеялись к вечеру, и огромная кровавая луна снова поднялась над смоляной гладью болота. Черная маслянистая вода стала кладбищем бесчисленных своих обитателей, безжалостно убитых обилием тепла и пищи.

Но жизнь еще теплилась в мириадах спор, в икринках, прилепленных к корневищам риний, и упорно ждала своего часа, часа дождя. Она теплилась и в массивном теле старой ихтиостеги, лежащей на дне, как ствол затонувшего дерева. Пузырь газа, прошелестевший по чешуйчатому брюху, прервал сонное оцепенение хищника. Чуть шевельнув рыбьим хвостом, ихтиостега скользнула вверх, навстречу расплывчатому пятну луны, проткнула его широкой тупой головой и жадно втянула ночной воздух. Выпуклые глаза полурыбы блеснули жестко и холодно. Ихтиостега хотела есть. Неделя за неделей, терпеливая, как живой капкан, она ждала, что на оловянной поверхности скользнет стреловидная тень рыбы или неслышная дрожь воды выдаст ползущего по дну мечехвоста. Но тщетно.

Ихтиостега плотнее прижала лапы и повернула туда, где медленно выцветал сиреневый отсвет заката. Вода зашумела. От конца плоской морды протянулись, побежали назад мерцающие валики. Здесь недалеко прибрежное мелководье, где можно найти спящую рыбу. Но берег неожиданно оказался совсем рядом, и бронированная челюсть хищника прорезала в мокрой глине глубокую борозду, прежде чем ихтиостега успела погасить инерцию и упереться в дно растопыренными лапами.

Без привычной поддержки воды тело сразу налилось тяжестью, вминаясь в оплывающий берег. Как и все ее родичи, ихтиостега не умела дышать, лежа на земле. Поднимаясь к поверхности воды, она просто набирала воздух в рот, сильно раздувала горло, а затем резким толчком проталкивала воздушный пузырь в легкие. Так дышат сейчас тритоны и лягушки. При каждом вздохе приходилось до боли напрягать мышцы спины и судорожно вздергивать голову. Но удушья не было. Ихтиостега всем телом ощущала бодрящую прохладу и свежесть, как в воде после сильного дождя, и она поползла

вперед, неуклюже выбрасывая короткие мясистые лапы. Под брюхом захрустели, ломаясь, пустые ракушки, затем заскрипел песок, и вот мягко и тревожно зашелестели подсохшие ветви папоротников. Эти непривычные звуки — спутники собственного движения — были единственным, что слышала ихтиостега в чужом и загадочном мире суши. Привыкшие к воде глаза различали лишь неторопливое покачивание темных перистых листьев над головой. Даже совсем близкие предметы казались нечеткими. Дальние и вовсе расплывались в радужной дымке.

Только проползая сквозь ворох прелых листьев папоротников, ихтиостега убедилась, что этот мир обитаем. Из-под ее брюха с треском рванулось упругое членистое тело, и перед глазами замелькала, разворачиваясь, бесконечная поблескивающая лента. В воде ихтиостега не знала врагов, и встреча с исполинской многоножкой-диплоподой вызвала у нее лишь реакцию атаки. Резкий взмах хвоста, и бросок... Но на суше броска не вышло — хвост лишь скользнул по земле, и усаженная зубами челюсть захлопнулась, как крышка рояля, не задев многоножку. Зато лапа, бесполезная в подводной охоте, неожиданно достигла цели, зажав хвостовой сигмент диплоподы. И многоножка, которая была вдвое длиннее своего неожиданного врага, неуязвимая для всех обитателей суши, совершила ошибку — вместо того, чтобы вырваться и уйти, она извернула гибкое тело, и шесть пар ее передних конечностей впились в морду ихтиостеги.

Это и решило исход схватки. Пока жвалы дипло-

поды бессильно скользили по панцирной голове хищника, челюсть-капкан хлопнула еще раз. Теперь уже безошибочно.

Драма на болоте

Золотой шар раскаленного солнца катился к горизонту. Длинные причудливые тени пересекли болотную гладь. Тучи мошек поднялись над водой, и, казалось, воздух дрожал от их беспорядочного роения. Слабый ветерок принес дурманящий запах эфедры с далеких плоскогорий. Чуть шевельнулись кожистые листья платана. Едва заметная рябь побежала по воде и вдруг разбилась о какое-то препятствие, возникшее у самого берега. Неуклюжие, облепленные грязью и тиной животные, словно стадо маленьких бегемотов, поднялись на ноги и побрели к берегу, лениво обрывая и переламывая жесткие болотные растения похожими на клювы челюстями. Потоптавшись на берегу, животные ложились и подставляли бока горячим солнечным лучам, более милосердным на закате. Наступило время отдыха и тишины. Мирные растительноядные динозавры-протоцератопсы один за другим безмятежно засыпали, и только часовые переступали с ноги на ногу и мерно качали головой, наверное, тоже в борьбе со сном.

Спят ящеры и не знают, что их уже подстерегает смерть. Она совсем близко. Появились из-за толстого ствола смоковницы белые изогнутые зубы. Наметили добычу круглые зоркие глаза. Напружинились крепкие ноги. На мгновение серпом изогнулся в воздухе гибкий хвост. Хищный динозавр-велоцираптор готов к прыжку. Готов вонзить длинные когти и острые зубы в тело ничего не подозревающей жертвы.

Свистящий рев «часового» безнадежно опоздал. Разбуженное стадо устремилось к воде. Протоцератопсы тяжелыми булыжниками плюхались в воду и быстро отплывали от берега, подальше, к безопасной середине болота.

Отчаянно рванулся к воде и молодой протоцератопс, неся на мощной своей голове цепкое тело хищника. Острый коготь-шпора велоцираптора вспарывал нежное брюхо жертвы, а крючковатые когти передних лап вонзились в голову, в костяной воротник, защищавший шею. Протоцератопс продолжал двигаться вперед, и только его пасть судорожно впилась в переднюю лапу врага, рвущего его тело.

И тут произошло неожиданное. Ноги принесли протоцератопса к обрыву. К тому месту, где хлюпала болотная жижа и пузырьки газа, поднимающегося со дна, бесследно растворялись в воздухе. Еще рывок, и сцепившиеся тела полетели вниз, в болото. Мутная вода сомкнулась над ними. Снова тишина, и

снова толкутся мошки над местом их гибели. А растревоженное стадо долго еще не решается вылезти на берег.

Историю эту рассказал нам монгольский палеонтолог, один из руководителей советско-монгольской палеонтологической экспедиции, Ринчин Барсболд. В 1971 году он нашел в обрывах Тугрикин-Шира на юге Монголии скелеты обоих противников, как бы сцепившихся в смертельной схватке.

Диплодок, что значит «двудум»

Гинкговые деревья, саговниковые пальмы, кипарисы и папоротники обступили огромное болото. Лучи солнца отражаются в воде и высвечивают чьи-то большие и глубокие следы в прибрежном иле.

В лесу слышится треск. Валятся саговники и кипарисы. Кто-то приближается к воде. Вот из-за дерева показалась голова, маленькая и добродушная. За головой тянется шея. Ей будто конца нет. Выше самого высокого дерева, заслоняя все вокруг, к воде движется живая гора. Голова животного уже почти не видна с берега, а передние ноги только коснулись воды. Медленно, очень медленно погружается гигантское тело, за ним тянется хвост, который кажется еще длиннее шеи.

Палеонтологи назвали этого ящеротазового динозавра диплодоком потому, что в конце спины, в крестцовом отделе, у него был второй мозг. Очень заманчиво было бы предположить, будто этот мозг «командовал» хвостом, тем более что он оказался даже больше головного. Кстати, головной мозг диплодока весил меньше мозга котенка.

Зубы диплодока торчали только в передней части рта в виде тупых цилиндрических шпеньков и годились разве что на срывание мягких растений.

Целыми днями бродил диплодок по болотам, нежился в теплой воде и ел, ел без конца. Его маленькая голова на змеиной шее то тянулась к высоким кронам деревьев, то погружалась глубоко в воду. Очень нелегко прокормить такое большущее тело! Ведь весил диплодок около тридцати тонн. Взрослому человеку нужно сделать не менее сорока шагов, чтобы пройти вдоль его скелета в музее от головы до кончика хвоста. Когда-то предки диплодока ходили на двух ногах, но потом вес ящеров так возрос, что им пришлось опуститься на передние ноги, и тела их как бы опрокинулись вперед. Уж очень короткими оказались передние ноги по сравнению с задними!

А диплодок тем временем совсем погрузился в воду, и только голова его, как перископ, торчала высоко над поверхностью.

Рисунки Р. ВАРШАМОВА.

„Пионер"ский СПОРТЗАЛ

О силачах прошлого слагали легенды, в которых они раздвигали горы и останавливали реки, побеждали семиглавых драконов и одноглазых циклопов. Все это, конечно, хорошо, но не совсем ясно, какой же силой они обладали и кто из них был сильнее. Современные силачи не двигают горы и видели драконов только на картинках, но наука утверждает, что они ни в чем не уступают своим предшественникам. Есть у современных богатырей и одно преимущество: всегда известно, кто из них самый сильный.

Для определения сильнейшего на планете человечество избрало тяжелую атлетику. Самый сильный тот, кто поднимет наибольший вес в сумме упражнений. На протяжении многих лет упражнений было три: жим, рывок, толчок. При жиме атлет сначала поднимает штангу до уровня груди, а затем равномерно «выжимает» вверх до полного выпрямления рук; при рывке поднимает штангу от пола сразу вверх на прямые руки; при толчке, подняв штангу до уровня груди, выталкивает ее вверх до выпрямления рук.

Итак, 1924 год, Париж. На турнир штангистов VIII Олимпийских игр съехались сильнейшие атлеты мира. Как и ожидалось, абсолютным победителем стал самый тяжелый участник соревнований, итальянец Д. Тоннани, весивший 102 кг. Он поднял в жиме 112,5 кг, в рывке — 100, толчке — 130 и набрал в сумме 3 упражнений (троеборье) 342,5 кг. Много это или мало? Ответ может дать только сравнение результатов. Например, для сильных мальчиков в 11—12 лет очень хорошими результатами считаются: жим — 20 кг, рывок — 15, толчок — 25 и троеборье — 60 кг. Мужчины же крепкого сложения, не занимающиеся специально развитием силы, оказываются в три раза сильнее мальчиков. Они способны поднять в жиме 60 кг, рывке — 45, толчке — 75 и показать результат 180 кг. Таким образом, 342,5 кг для обычных людей исключительно много.

Публика по достоинству оценила успех Тоннани, устроив ему восторженную овацию. Газеты называли его «великим атлетом», а его результат — 342,5 кг — «потрясающим». Тренеры и спортсмены гадали, сможет ли кто-нибудь в ближайшие 10 лет достижение повторить. Но прошел год-другой, и рекорд Тоннани стал понемногу «тяжелеть». Каждые новые полкило давались все большими усилиями, требовали все более упорных тренировок и «сверхчеловеческого» напряжения в соревнованиях. Все чаще специалисты, зрители и сами атлеты высказывали мнение, что результат подошел к пределу возможного. Каков этот предел — 350 или 360 кг,— никто предсказать не мог.

И вот настал 1928 год. IX Олимпийские игры в Амстердаме. 110-килограммовый богатырь с широченными плечами и огромными валами играющих мышц, немецкий атлет И. Штрассбергер, установил в сумме троеборья «ошеломляющий» мировой рекорд — 372,5 кг! Прежде чем объявить результат, судьи несколько раз взвешивали штангу и проверяли весы. Когда же все убедились, что человек сумел одолеть такой вес (!), восхищенные зрители подняли силача на руки и несли его от стадиона до самой гостиницы. Казалось, этот рекорд останется недоступным для других атлетов.

Но прошло всего 7 лет, и в 1935 году немецкий силач И. Мангер поднял в троеборье 401,5 кг. «Фантастический, невообразимый рекорд!» Все этим результатом были так потрясены, что единогласно провозгласили Мангера «королем силачей» на вечные времена. Теперь-то уж, казалось, совершенно ясно, как выглядит самый сильный человек в истории нашей планеты и каков предел человеческих возможностей — 401,5 кг! А Мангер — это, бесспорно, чудо, которое рождается раз в тысячелетие, но скорее всего еще реже. Надо признать, что Мангер действительно был достоин восхищения и имел все основания казаться современникам былинным богатырем со сверхчеловеческой силой. Это был огромный, великолепно сложенный атлет, вес которого, 145 кг,— результат отлично натренированных мышц. В годы триумфа Мангера никто из атлетов даже не пытался соперничать с ним. Так что нет ничего удивительного, что с его появлением о Тоннани и Штрассбергере забыли, а их когда-то «великолепные и потрясающие рекорды» стали восприниматься в сравнении с 400 кг как

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

пятое занятие

посредственные результаты. Так, по мере познания человечеством своих истинных возможностей меняется его отношение к прежним кумирам. 401,5 кг — вот результат, достойный восхищения!

На протяжении почти 20 лет результат 400 кг в троеборье оставался гроссмейстерским рубежом для атлетов.

И вдруг в 1955 году появился человек, потрясший воображение всех людей планеты, пробудивший интерес к тяжелой атлетике даже у тех, кто спортом вообще не интересовался, затмивший собой все звезды спортивного небосвода. Да что там спортивного, его фотографии красовались на первых страницах газет и журналов, отодвигая на задний план президентов и королей. Это был американский атлет Поль Андерсон. «Крошка Поль», как его называли, весил почти 170 кг, завтракал яичницей из 30 яиц, выпивал за раз 5 литров молока, съедал за один присест 20 бифштексов и пару тортов в придачу. Но главное — он сумел показать в троеборье такой результат, что современники отказывались этому верить,— 512,5 кг! Фантастика да и только! О нем писали восторженные книги и статьи, его постоянно показывали в кино и по телевидению, его называли феноменальным, самым выдающимся атлетом всех времен и народов. Каждому было ясно, что рекорд Андерсона никогда не будет побит, каждый хотел лично увидеть выступление чудо-богатыря, и где бы ни проходили соревнования с его участием, билеты раскупались молниеносно. Ни у кого не возникало сомнения, что 512,5 кг и есть окончательный предел силовых возможностей человека. А те, кто видел Андерсона, были уверены, что перед ними самый сильный человек из всех, кто жил, живет и будет жить на нашей планете!

Увы, как мало тогда знали о силовых возможностях человека. Всего через 5 лет на помост XVII Олимпийских игр в Риме вышел стройный, высокий советский атлет, весивший почти в полтора раза меньше Андерсона (вы, конечно, помните, какое значение имеет вес атлета для проявления силы) и казавшийся рядом с ним изящным и даже миниатюрным. Больше того, было известно, что он питается как обычные люди и даже после тяжелых тренировок не осиливает больше трех бифштексов. Юрий Власов, а это был именно он, легко и красиво побил рекорды «сверхчеловека» и, набрав в сумме 537,5 кг, убедительно доказал, кто сильнейший человек на планете Земля.

Если бы вы видели, что творилось на трибунах, если бы могли представить впечатление, которое достижение Власова произвело во всем мире! Буря восторгов в его адрес захлестнула земной шар. Эпитеты: «феноменальный», «потрясающий», «невообразимый», «фантастический» сыпались как из рога изобилия. Казалось, не было таких лестных слов, которыми не наградили бы нашего замечательного богатыря. Да, сумма поднятого им веса действительно потрясала! Это ли не предел силовых возможностей человека?! Кстати, в этот период Юрию Власову задали вопрос: «Сколько, по вашему мнению, сможет поднять самый выдающийся атлет в очень, очень далеком будущем?» И прославленный спортсмен назвал цифру, казавшуюся в то время просто неосуществимой, абсолютно нереальной, фантастически огромной, которую никто не мог себе даже представить,— 600—630 кг!

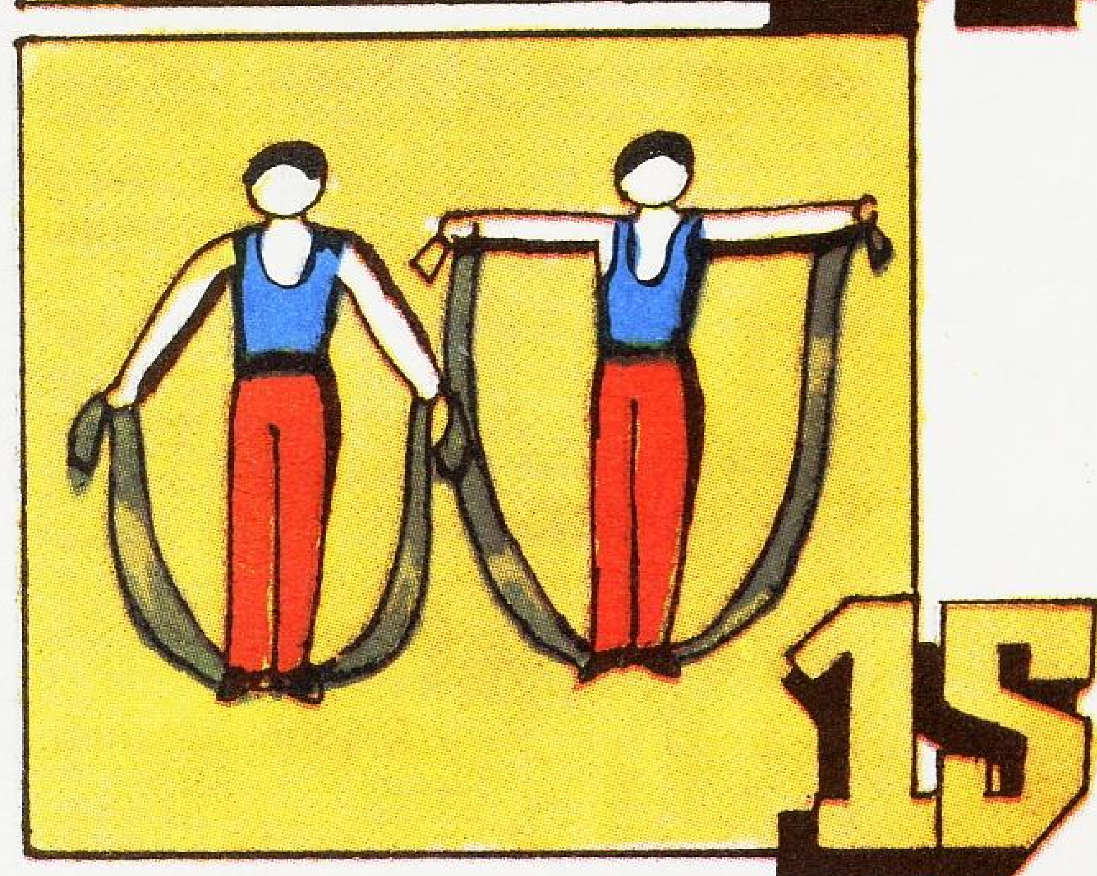
О том, сбылись ли эти предсказания, мы расскажем в следующий раз, а сейчас — очередные упражнения нашего комплекса: 13,14, 15. Выполнять их надо после упражнения 12, повторяя каждое по 4—5 раз с небольшим интервалом для восстановления дыхания и пульса. Инвентарь — эспандер или резиновый бинт. Общее время выполнения комплекса из пятнадцати упражнений — 18—20 минут.

М. ЗАЛЕССКИЙ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

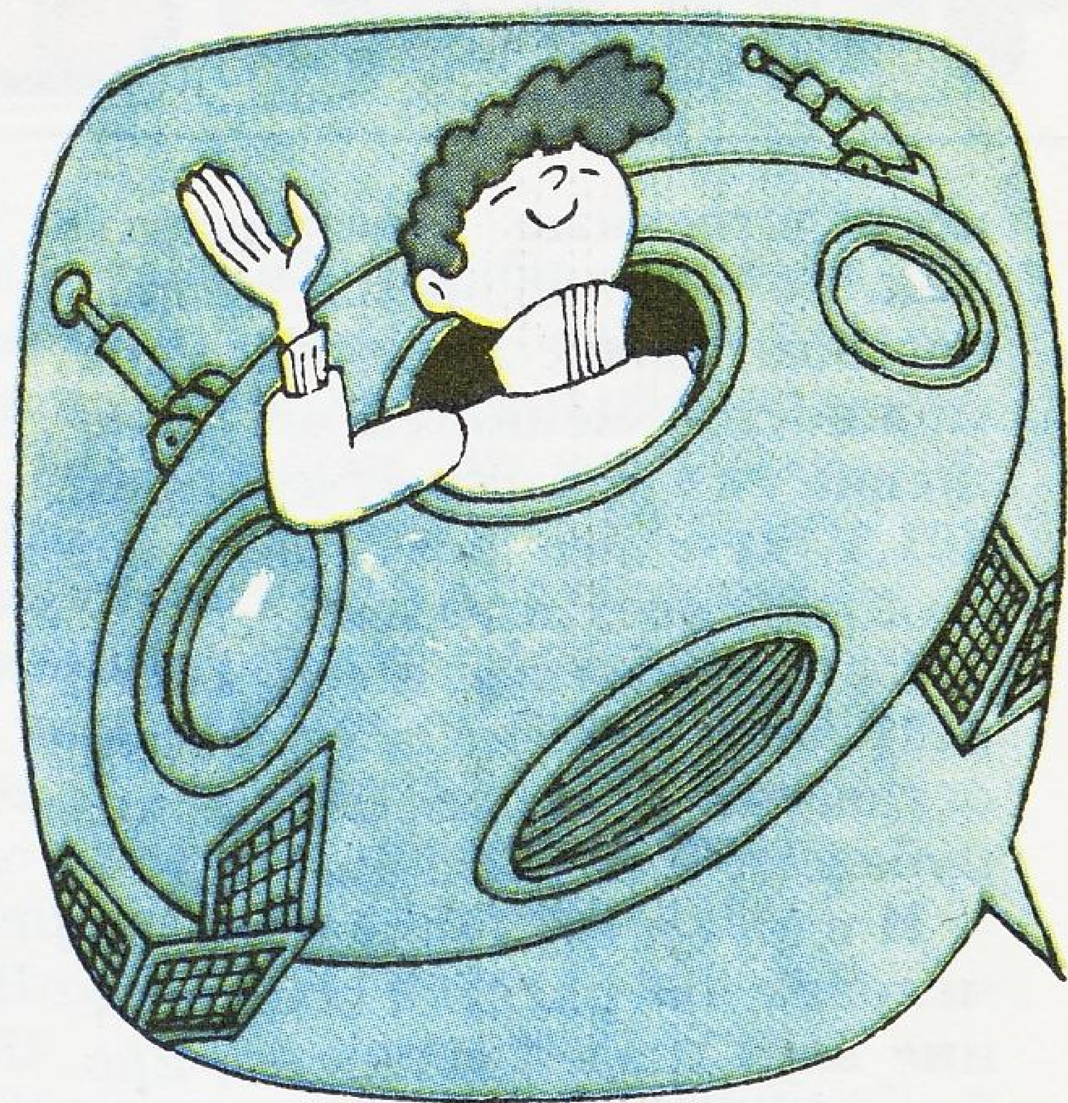

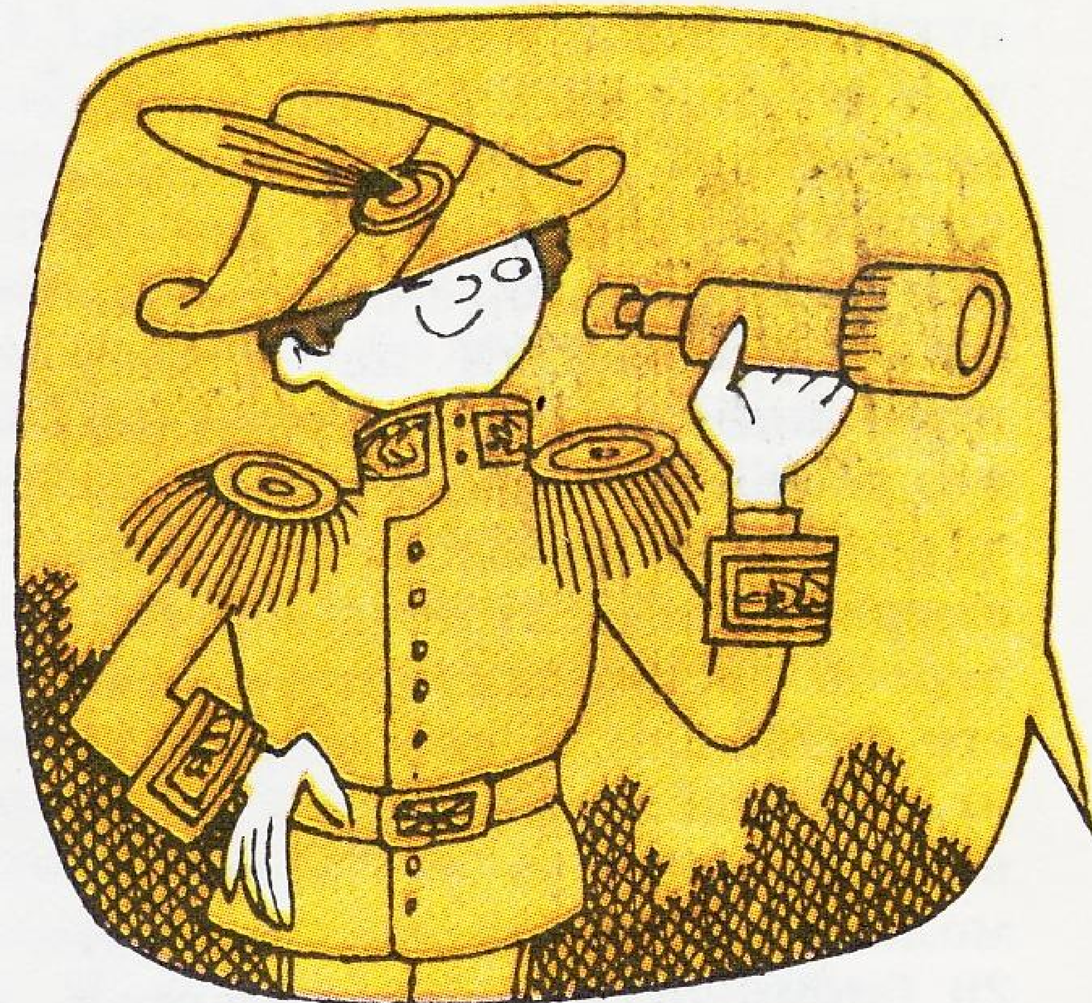

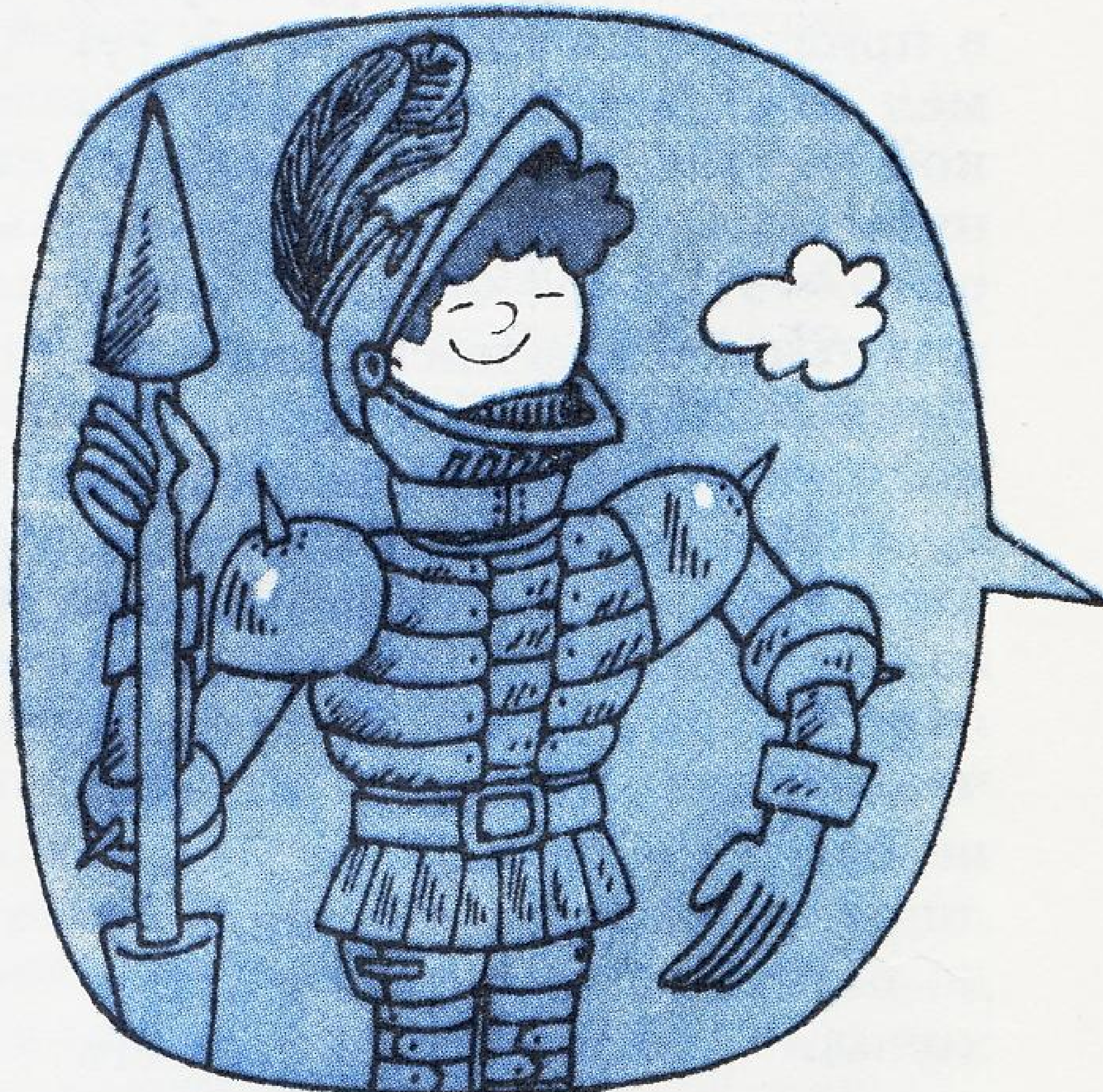

Содержание

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва,**
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.11.86.
Подписано к печати 20.11.86. А 02061. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 1. Заказ № 4027.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Криста БЕНДОВА

Ради любви

Наша Эвочка — славная девочка:
Глазки у ней, словно сливы в росе,
Шелковый бант голубеет в косе,
Щеки немногим бледнее пиона.
Если не веришь, спроси-ка у Тоно!

Наш Тоно (но все, что скажу, между нами!)
Влюбился. Судите, пожалуйста, сами:
Он Эве дорогу не уступает,
А сразу же на ногу ей наступает,
Дергает за косу,
Бьет по спине...
Так что любовь
Очевидна вполне.

Такие чувства измучили Тоно.
Думает Тоно ночами бессонно:
Как признаться в любви поскорей?
И написал он Эве своей:

Дарагая Эвачка!
Я в тибя влюбился. Напеши мне пайдёшь ли за миня замуш. Пишит тибе твой одно класник Антон Калераб

Маленькая Эвочка,
Умненькая девочка,
То послание прочла
И такой ответ дала:

Пока не научишься грамотно лисать, о свадьбе и не думай.
Эва Ружова.

Что ж, унижение Тоно бездонно.
«Ох, эти женщины!..» — думает Тоно.
Впрочем, он парень весьма волевой,
Сразу в ученье ушел с головой —
В парк вместо школы его не зови!
Да, человек способен на многое
Ради любви!

Перевел со словацкого
Юрий ВРОНСКИЙ.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Цена 30 коп.

Индекс 70694

